

КНИГОКРЕДИТОРЪ

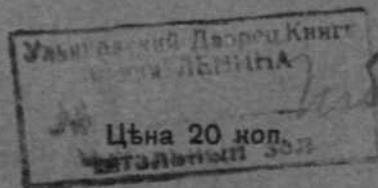
111
87

947
4-49

Когда и какъ стала Волга РУССКОЮ РѢКОЙ.

Сост. М. Черкяева.

ОМБЕРСКАЯ
БЕОПЛАТНАЯ ПУБЛИЧНАЯ
Библиотека-Читальня
въ память
Е. А. ГОНЧАРОВА.

ПРОСВЕЩЕНІЕ

1954 г.

МОСКВА.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о. Пименовская ул., соб. д.

1904.

Когда и какъ стала Волга РУССКОЮ РѢКОЙ.

Сост. М. Черняева.

147

ИМПЕРАТОРСКАЯ
ТЕХНИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
въ память
И. А. ГОНЧАРОВА.

МОСКВА.

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнерева и К^о. Пименовская ул., соб. д.

1904.

Дозволено цензурою. Москва, 14-го января 1904 года.

Когда и какъ стала Волга русскою рѣкой?

1. Какіе народы жили встарину на Волгѣ.

Наша родная великая Волга, наша матушка и кормилица, какъ зоветъ ее русскій народъ, не всегда была русской рѣкой. Даже самое названіе «Волга» не русское. Ученые думаютъ, что это слово финское и по-русски значитъ святая или священная рѣка.

До прихода на Волгу славянъ, на берегахъ ея жили и хозяйничали разные народы. И теперь еще гдѣ-нибудь на сельской ярмаркѣ въ Казанской или Симбирской губерніи мы среди русской толпы увидимъ и татаръ, и мордву, и чувашъ. Мордовки и чувашки особенно обратятъ на себя наше вниманіе своей особенной старинной одеждой, какую онѣ сохранили и до сихъ поръ. Мордовки по большей части все въ бѣломъ, а чувашки въ такихъ странныхъ головныхъ уборахъ, убранныхъ бисеромъ, увѣшанныхъ монетами... Это все остатки прежнихъ хозяевъ Поволжья. Теперь многіе изъ нихъ уже обрусѣли, но нѣкоторые еще сохранили если не свою старую вѣру и обычаи, то во всякомъ случаѣ свой языкъ и свою одежду.

И мордва, и чувашы, и черемисы — все это народы финскаго племени. Теперь мы ихъ встрѣтимъ только по средней Волгѣ, а въ глубокую старину, еще задолго до того времени, какъ начало создаваться наше русское государство, финскія племена заселяли сплошь всю область Оки и верхней Волги. Это какъ разъ та область, какая въ настоящее время считается коренной Великороссіей.

Наша начальная лѣтопись перечисляетъ финскія племена: мурома, меря, весь, мордва, черемисы и др., и даже точно обозначаетъ мѣста, гдѣ именно каждое изъ этихъ племенъ жило. Весь — на Бѣлоозерѣ, меря — по озерамъ Ростовскому и Переяславскому, мурома — на Окѣ. И дѣйствительно, во всей этой области сохранилась память о древнихъ обитателяхъ страны во многихъ названіяхъ городовъ, селъ, рѣкъ, урочищъ. Москва, Ока, Кострома и многія другія — все это финскія названія. Но есть и такія, которыя прямо указываютъ на упомянутыя финскія племена: Муромъ, Владимірской губ., Весьегонскъ — Тверской; нѣкоторыя села и рѣки такъ и называются Всеями и Мерями. Но, кромѣ этихъ названій, есть и другія указанія на то, что древними обитателями этихъ мѣстъ были финны: въ мѣстахъ, указанныхъ начальной лѣтописью, было найдено и разрыто болѣе семи съ половиной тысячъ могильныхъ кургановъ. Какъ у многихъ языческихъ народовъ, у древнихъ финновъ было въ обычаѣ класть вмѣстѣ съ покойникомъ въ могилу его любимыя вещи: они думали, что все это ему понадобится и на томъ свѣтѣ. Благодаря этому обычаю, по найденнымъ въ могилахъ вещамъ, мы можемъ составить понятіе о томъ, какъ жили люди въ древности, какъ они одѣвались, какъ вѣрили, чѣмъ занимались и съ кѣмъ торговали. Въ мерянскихъ могилахъ были найдены остатки толстой шерстяной одежды, разныя металлическія украшенія, серебряныя и бронзовыя, въ видѣ колецъ, серегъ, бляхъ, пряжекъ. Въ нѣкоторыхъ могилахъ находили воинское оружіе, конскую сбрую; въ другихъ — остатки земледѣльческихъ орудій, ножи, ножницы для стрижки овецъ или складные вѣсы съ гириями. Вмѣстѣ съ бусами найдены также и разныя монеты, восточныя и западно-европейскія, что указываетъ на участіе этихъ финскихъ племенъ въ торговлѣ съ Азіей и Европой. Этотъ языческій обычай класть разныя вещи въ могилы покойниковъ сохранился и до нашего почти времени у соплеменниковъ древней меря, у языческихъ черемисъ и чувашъ. Въ об-

щемъ, повидимому, вѣра у всѣхъ этихъ финскихъ племенъ была почти одинаковая. У всѣхъ у нихъ главныхъ боговъ было два. Одинъ богъ добра и свѣта, другой богъ зла и мрака. И у каждаго изъ этихъ боговъ находится въ подчиненіи тѣмъ разныхъ духовъ, добрыхъ и злыхъ. Особенно великъ былъ страхъ передъ злымъ духомъ: его надо было постоянно задабривать, умолять о пощадѣ. Ему надо приносить умиловительныя жертвы, и вотъ для моленій и для жертвоприношеній гдѣ-нибудь въ глухомъ лѣсу отгораживались особыя священныя мѣста для моленій. Финны поклонялись камнямъ и деревьямъ. Въ нѣкоторыхъ могилахъ нашлись слѣды сожиганія труповъ. Кости животныхъ, найденныя въ землѣ мери въ могильныхъ курганахъ, указываютъ на то, что богамъ приносились жертвы. Нѣкоторыя изъ финскихъ племенъ, напимѣръ мордва, сохранившія языческія вѣрованія почти до нашего времени, поклонялись предкамъ и были увѣрены, что покойники заботятся о своемъ родѣ и помогаютъ своимъ потомкамъ въ ихъ нуждахъ. Въ позднѣйшее время у этихъ язычниковъ не было ни храмовъ, ни особыхъ жрецовъ, а избирались особенно уважаемые всѣми старики, совершали жертвоприношеніе и творили судъ. До насъ дошли извѣстія, что у нихъ были волхвы, которые имѣли большое вліяніе и, по словамъ нашего лѣтописца, возмущали Ростовскую землю противъ христіанства.

Всѣ эти племена жили въ мѣстности, почти сплошь покрытой непроходимыми лѣсами и болотами, и, судя по найденнымъ въ могилахъ первобытнымъ орудіямъ, земледѣліе было у нихъ въ самомъ плохомъ состояніи. Главнымъ занятіемъ древняго финна были: охота, звѣриный промыселъ и рыболовство. Полудикому финну было гораздо труднѣе пахать землю, чѣмъ охотиться. Лѣса были полны и разной дичью и пушнымъ звѣремъ. А на мѣха былъ большой спросъ и въ самой глубокой древности. За мѣхами къ древнему финну приходили и приплывали въ его дремучіе лѣса разные народы и привозили ему

за нихъ монеты и разные товары. Не за одними мѣхами приходили къ финнамъ изъ разныхъ ближнихъ и дальнихъ странъ. Въ лѣсахъ финскихъ въ громадныхъ вѣковыхъ деревьяхъ клали пчелы въ дуплахъ медъ, и финны умѣли узнавать эти деревья, умѣли доставать изъ нихъ пчелиные соты. И вотъ за медомъ и за воскомъ тоже являются купцы отовсюду и вымѣниваютъ ихъ на разные вещи, какихъ не было у полудикаго финна. Всѣ эти торговые сношенія съ финскими племенами происходили главнымъ образомъ по Волгѣ и по ея притокамъ.

Кромѣ этихъ полудикихъ финновъ, жили на Волгѣ и другіе болѣе просвѣщенные народы. Отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ дошли до насъ лишь кое-какія отрывочныя извѣстія, но по нимъ мы все же можемъ судить, что это были за народы и какъ они жили.

Таковы были болгары, занимавшіе среднее течение Волги между рѣками Камой и Самарой, и хозары, жившіе въ самыхъ низовьяхъ Волги, тамъ, гдѣ она впадаетъ въ Каспійское море. Мы очень мало знаемъ о хозарахъ. Знаемъ, что царство хозарское было обширно и богато. Положеніе его при такой громадной судоходной рѣкѣ, какъ Волга, и при морѣ Каспійскомъ, или Хвалынскомъ, какъ его называли встарину, было очень выгодно для торговли. Верстъ на двѣнадцать выше нынѣшней Астрахани были найдены остатки обширной столицы хозарской, Итиля. Сюда-то и съѣзжались, бывало, разные торговцы: греки, славяне, евреи, арабы и персы. Одни приплывали къ Итилю на судахъ по морю Хвалынскому; другіе спускались сюда съ верхней и средней Волги; третьи, напримѣръ греки и славяне, попадали сюда съ моря Чернаго черезъ рѣку Донъ. По Дону плыли вверхъ до тѣхъ поръ, гдѣ эта рѣка ближе всего подходитъ къ Волгѣ и гдѣ была пограничная хозарская крѣпость Саркель, или Бѣлая Вѣжа. Здѣсь вытаскивали суда на сушу, тащили ихъ волокомъ до Волги, потомъ опять садились на суда и спускались внизъ по Волгѣ вплоть до хозарской столицы. У арабскихъ писателей сохранилось извѣстіе, что

именно такъ попадали въ Каспійское море воинственные руссы.

Хозары жили какъ разъ на дорогѣ, на перепутьѣ изъ Азіи въ Европу и потому народъ хозарскій былъ народомъ смѣшаннымъ изъ разныхъ племенъ. Въ VIII столѣтіи по Рождествѣ Христовомъ хозары подъ вліяніемъ арабовъ приняли магометанство, но самъ царь ихъ былъ обращенъ евреями въ іудейство. Вообще въ хозарскомъ царствѣ жили люди самыхъ разныхъ вѣръ: тутъ были и магометане, и язычники, и евреи, и даже хрістіане. Столица хозарская Итиль была построена въ устьяхъ Волги и въ ней было около 15 тысячъ жителей. Въ городѣ были красивыя мечети съ высокими минаретами, у царя были высокія кирпичныя хоромы, но только у немногихъ, самыхъ богатыхъ жителей, были глиняныя мазанки; весь же народъ жилъ по большей части въ переносныхъ войлочныхъ кибиткахъ, какъ и теперь живутъ въ степяхъ наши кочевники, киргизы и башкиры.

Цвѣтущее состояніе торговли не мѣшало хозарамъ оставаться въ то же время народомъ наполовину кочевымъ. Низовья Волги богаты рыбой. Рыболовство у хозаръ было однимъ изъ главныхъ занятій, и рыба была однимъ изъ главныхъ товаровъ. Многочисленныя суда хозарскія то и дѣло сновали вверхъ и внизъ по Волгѣ: везли на нихъ рыбу, рыбій клей, кожи, мѣха и пр.

Хозары были, главнымъ образомъ, посредниками въ торговлѣ между разными народами европейскими и азіатскими. Съ Волги отъ болгаръ камскихъ къ нимъ привозились мѣха, кожи, медь, а изъ Азіи они отправляли въ Европу разныя матеріи: шелковыя, шерстяныя, бумажныя, дорогіе камни, разныя украшенія, разные овощи, пряности и вино.

Хотя хозары и были развитѣе и богаче народовъ, населявшихъ сосѣднія страны, но царство ихъ не было сильно и прочно. Положеніе, занимаемое хозарскимъ царствомъ, было крайне выгодно, это правда, но, съ другой стороны, оно было и крайне опасно. Если хозарамъ

было удобно торговать тутъ съ разными народами, то вѣдь и народамъ этимъ очень удобно было нападать на хозарское царство. Оно лежало на дорогѣ, по какой всегда приходили въ Европу разные азіатскіе кочевники.

Мы знаемъ изъ нашихъ лѣтописей, что съ хозарами воевали и наши русскіе князья, напр., Святославъ.

Въ XI вѣкѣ хозарское царство было побѣждено византійцами въ союзѣ съ русскимъ княземъ Мстиславомъ, и въ XIII вѣкѣ отъ него уже осталось лишь одно названіе.

Болгарское царство существовало дольше хозарскаго. Главное его средоточіе было въ нынѣшней Казанской губерніи. Здѣсь, недалеко отъ Казани, верстахъ въ 20-ти отъ города Спасска, еще почти до нашего времени сохранялись кой-какія развалины отъ древней столицы болгарскаго царства. Болгары, какъ и хозары, были народомъ смѣшаннымъ, разноплеменнымъ. Положеніе болгарскаго царства было менѣе выгодно по отношенію къ азіатскому востоку, но зато болгары занимали самыя благодатныя, самыя плодородныя изъ всѣхъ областей, лежащихъ по Волгѣ. И, кромѣ того, по Волгѣ и ея многочисленнымъ притокамъ такъ удобно было болгарамъ завести торговыя сношенія съ сосѣдними финскими и славянскими племенами. Расположившись въ срединѣ Поволжья, недалеко отъ устья такого громаднаго волжскаго притока, какъ Кама, болгары сыздавна устроили у себя торгъ, на который съѣзжались купцы изъ разныхъ странъ и съ разными нарѣчіями. Сюда, въ столицу болгаръ, въ «Великій городъ», какъ называютъ его наши лѣтописи, съ древнихъ временъ привозились разные товары изъ Азіи и изъ Европы, сходились купцы арабскіе, персидскіе, балтійскіе и славянскіе. Сюда же приходили на торгъ и полудикіе сосѣди болгаръ, разные инородцы финскаго племени, жившіе на сѣверо-западъ и сѣверо-востокъ отъ Болгаріи. Сношенія со всѣми народцами происходили по многочисленнымъ волжскимъ притокамъ. Сохранилось преданіе, что съ нѣкоторыми изъ этихъ племенъ болгары вели нѣ-

мую мѣновую торговлю. Производилась эта торговля такъ: на извѣстное мѣсто привозили болгары свои товары, помѣченные особыми знаками, и оставляли ихъ тамъ. Туда же являлись и дикари-инородцы съ произведеніями своихъ лѣсовъ: медомъ, воскомъ, шкурами пушныхъ звѣрей, оставляли ихъ рядомъ съ болгарскими товарами и уходили. Болгары являлись и если были мѣной довольны, то брали товары и отправлялись съ ними во-свояси. А если были недовольны, то товаровъ не трогали съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ прибавки. Болгарамъ была очень выгодна эта торговля. Они покупали мѣха и медъ съ воскомъ за самую ничтожную цѣну, а продавали восточнымъ купцамъ гораздо дороже. Имъ выгодно было удержать восточныхъ купцовъ отъ прямыхъ сношеній съ финскими и славянскими племенами, и потому они нарочно рассказывали имъ, будто всѣ эти народы страшные людоеды и великаны.

По своему развитію и образованію болгары стояли гораздо выше всѣхъ своихъ сосѣдей. Въ X вѣкѣ, когда эти сосѣди, и славяне и финны, были еще темными язычниками, болгары подъ вліяніемъ арабовъ уже приняли магометанство.

Арабы были въ то время однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ народовъ. Они были вообще весьма дѣятельны и предприимчивы, но особенно проявили они себя въ торговлѣ. Ради торговой выгоды арабскій купецъ презиралъ всѣ опасности и отважно пускался даже и въ неведомыя страны, лишь бы найти рынокъ для сбыта своихъ товаровъ. Арабы рано проникли въ Поволжье и завели здѣсь тѣсныя сношенія и съ хозарами и съ болгарами. Они были гораздо выше этихъ народовъ и по своему умственному и нравственному развитію и не могли не оказать на нихъ сильнаго вліянія. Болгары усвоили себѣ арабскіе обычаи, приняли арабскую вѣру и, благодаря этому, не только стали просвѣщеннѣе сами, но въ свою очередь оказали вліяніе и на окружающія ихъ финскія племена: магометанская религія была вѣдь во всякомъ

случаѣ гораздо выше язычества, какое исповѣдывали тогда всѣ племена Поволжья. О степени арабскаго вліянія можно судить по тому огромному количеству арабскихъ монетъ, какія находили потомъ въ разныхъ русскихъ областяхъ. Черезъ посредство арабскихъ, хозарскихъ и болгарскихъ купцовъ шли оживленныя сношенія между Поволжьемъ и азіатскими владѣніями арабовъ. Супруга знаменитаго арабскаго халифа Гарунъ аль Рашида, Зобейда, первая ввела моду на шубы изъ русскихъ соболей, а ими была такъ богата въ древности наша родина. Русскіе торговцы прїѣзжали къ хозарамъ и болгарамъ и привозили сюда множество разныхъ мѣховъ. Въ обмѣнъ за свои товары они получали отъ арабовъ дорогіе камни, бисеръ, бусы, разныя украшенія, матеріи, овощи, пряности. Но больше всего они любили получать арабскія серебряныя деньги— диргемы. Эти диргемы были величиной съ нашъ пятиалтынный и очень высоко цѣнились въ тѣ времена и какъ деньги, и какъ украшенія. Жены руссовъ любили украшать себя бисеромъ, бусами и монетами. Монеты эти переходили изъ рода въ родъ, иногда закапывались въ землю вмѣстѣ съ покойникомъ, зарывались въ видѣ кладовъ и такимъ образомъ дошли и до насъ. Не мало арабскихъ монетъ досталось русскимъ во время счастливаго похода князя Святослава на хозаръ и волжскихъ болгаръ. Болгарскіе купцы тоже не мало развозили арабскихъ монетъ, торгуя по разнымъ областямъ русскимъ.

Въ 986 году болгары, по преданію нашей лѣтописи, отправили своихъ пословъ къ кїевскому князю Владимиру съ цѣлью обратить его въ свою магометанскую вѣру. Но ему ихъ вѣра не понравилась, и болгарамъ не удалось оказать на русскихъ того вліянія, какое они имѣли на многихъ изъ мордвы, чувашъ, черемисъ.

Судя по оставшимся развалинамъ, у болгаръ были обширныя каменные зданія. Въ X вѣкѣ у нихъ однихъ была чеканная серебряная монета. Болгары такъ же, какъ и хозары, вели полукочевую жизнь. Зимой жили въ городѣ въ домахъ, сложенныхъ изъ пихтовыхъ бревенъ,

а лѣто проводили въ лугахъ и жили тамъ въ своихъ переносныхъ войлочныхъ кибиткахъ.

Страна болгаръ, особенно между рѣками Камой и Самарой, была очень плодородна; почва здѣсь почти сплошь состоитъ изъ толстаго слоя чернозема. Однако земледѣліе у нихъ не было главнымъ занятіемъ; они и подати своему царю платили не хлѣбомъ, а бычачьими шкурами. Но у нихъ все же хорошо родились пшеница, рожь, ячмень, просо, и они продавали хлѣбъ въ сосѣднія мало плодородныя страны на западѣ. Новгородцы съ древнихъ временъ ѣздили въ голодные годы за хлѣбомъ къ камскимъ болгарамъ. Торговали болгары самыми разнообразными вещами: и шкурами пушныхъ звѣрей, и медомъ, и воскомъ, и оружіемъ, кожами, скотомъ, и, наконецъ, кромѣ того, нерѣдко привозили на средне-азиатскіе рынки и славянскихъ невольниковъ. Нерѣдко совершали они нападенія на сосѣднія славянскія и финскія племена, уводили у нихъ женъ и дѣтей и продавали ихъ потомъ азіатамъ. Однако, при всемъ богатствѣ и сравнительной образованности болгары не создали прочнаго государства и не были настолько сильнымъ народомъ, чтобы оказать отпоръ тѣмъ, кто вздумаетъ овладѣть ихъ богатымъ, привольнымъ краемъ. Русскіе славяне рано начали воевать съ болгарами. Особенно часты стали столкновенія между ними въ то время, когда русскіе начали селиться по Волгѣ; когда они овладѣли всѣмъ ея верхнимъ теченіемъ и мало-помалу подошли къ самымъ границамъ болгарскаго царства.

2. Какъ заселяли русскіе верхнее Поволжье.

Волга, одна изъ величайшихъ рѣкъ на землѣ, протекаетъ около трехъ съ половиною тысячъ верстъ. На своемъ пути къ Каспійскому морю она дѣлаетъ множество извилинъ во всѣхъ направленіяхъ и захватываетъ въ своемъ теченіи самыя разнообразныя мѣстности. Начинается Волга еле замѣтнымъ ручейкомъ въ Тверской губерніи, въ Осташковскомъ уѣздѣ, близъ деревни, которая

такъ и называется Волгино-Верховье. Версть сорокъ вьется Волга небольшимъ ручейкомъ среди болотъ и трясинъ этой лѣсистой мѣстности. По пути она встрѣчаетъ нѣсколько озеръ, мало-по-малу становится все шире и шире, принимаетъ въ себя и справа и слѣва нѣсколько рѣчекъ и подъ Тверью становится уже судоходной рѣкой. И затѣмъ чѣмъ дальше, тѣмъ дѣлается она все шире и глубже, и притоки ея тоже становятся все больше и длиннѣе.

Вся эта область верхней Волги, а также и сосѣдняя съ ней Новгородская область и теперь, въ наше время, покрыты цѣлой сѣтью рѣкъ, рѣчекъ, озеръ. И теперь эта область лѣсиста и болотиста, а въ старину она была сплошь покрыта дремучими лѣсами и непроходимыми болотами. Протекающія среди нихъ многочисленныя рѣки и рѣчки, благодаря этому обилію лѣсовъ и болотъ, были гораздо многоводнѣе, чѣмъ въ наше время.

Вся эта область верхней Волги, какъ мы видѣли, въ глубокой древности была заселена финскими племенами. Но очень рано среди нихъ начали селиться и славяне. Начальная русская лѣтопись уже рассказываетъ о Волгѣ, что она «начинается въ Оковскомъ лѣсу, течетъ черезъ земли болгаръ и хвалиссовъ и впадаетъ въ Хвалынское море семидесятью жерелы» (устьями). Перечисляя финскія племена, лѣтописецъ упоминаетъ и о славянахъ, что жили рядомъ съ весью и мерью.

По преданію, начало русской исторіи было положено въ Новгородѣ, на берегахъ озера Ильменя и рѣки Волхова. Отсюда изъ Новгорода русскія владѣнія стали распространять свои предѣлы по Днѣпру, издавна служившему дорогой изъ Балтійскаго моря въ Черное. Днѣпръ сталъ русскою рѣкой гораздо раньше Волги. При первыхъ князьяхъ кіевскихъ, Олегъ и Игоръ, все теченіе Днѣпра было въ ихъ власти и только потомъ степные кочевники, печенѣги, отодвинули славянскія поселенія дальше къ сѣверу и кочевали чуть не подъ самымъ Кіевомъ.

Хотя р. Угра, впадающая въ Оку, и близко подходитъ

своимъ началомъ къ Днѣпровскому притоку Деснѣ, однако славяне начали переселяться не съ юга, а изъ Новгородской области. Съ Ильменя и съ Волхова они попадали въ волжскіе притоки, которыми и выходили прямо къ Волгѣ.

Въ ту пору, когда только началось переселеніе славянъ въ землю мери, славяне были во многомъ весьма сходны съ финнами, которыхъ они застали въ этой области. Они были такими же язычниками и точно такъ же занимались больше всего охотой и промыслами, звѣринымъ и рыбнымъ.

Можно сказать, что именно эти промыслы, звѣриный и рыбный, и завели славянина сюда, въ страну мери, въ междурѣчье Оки и верхней Волги, въ теперешнія наши, губерніи—Ярославскую, Костромскую, Владимірскую и сѣверную часть Московской. И теперь еще тутъ много лѣса, преимущественно хвойнаго. Когда мы теперь проѣзжаемъ по этимъ мѣстамъ по желѣзной дорогѣ или на пароходѣ и видимъ здѣсь и многолюдные города и распаханныя поля съ довольно частыми среди нихъ селами и деревнями, то намъ довольно трудно вообразить себѣ, что въ старину вся эта мѣстность представляла собой сплошной непроходимый лѣсъ. Лѣсъ этотъ кишмя кишѣлъ всякой крупной и мелкой дичью и пушнымъ звѣремъ—этой главной приманкой для древняго промышленника. Помимо дичи и звѣря, было и еще богатство въ этомъ дикомъ лѣсу—это громадныя запасы меду, накопленные трудолюбивыми пчелами въ безчисленныхъ дуплахъ вѣковыхъ деревьевъ. Въ первое время гнала человѣка въ эти лѣсныя дебри нужда, необходимость удовлетворить самыя насущныя потребности. Надо было добыть рыбы въ рѣкѣ или звѣря въ лѣсу для ѣды, для одежды. Земля еще плохо кормила человѣка; не было у него ни средствъ, ни умѣнья ее обработать какъ надо. Впослѣдствіи и торговая выгода заставляла пускаться въ погоню за звѣремъ. Новгородскіе славяне рано вступили въ сношенія и съ Азіатскимъ востокомъ, и съ Западной Европой. А и съ

той и съ другой стороны явился большой спросъ на дорогіе мѣха: соболя, куньи, лисьи и бобровые.

Теперь бобры совсѣмъ перевелись, а встарину ихъ было множество повсюду и особенно по Волгѣ и ея притокамъ. Бобровымъ промысломъ было изстари занято много промышленниковъ и изъ славянъ и изъ финновъ.

До насъ не дошло извѣстій о какихъ-либо кровавыхъ столкновеніяхъ между славянами и финнами. Повидимому, встрѣча ихъ здѣсь была мирная. Финны были вообще миролюбивы и податливы, а кромѣ того они были слабы и разрозненны и не могли оказать особенно упорнаго сопротивленія. Да и не изъ-за чего было ссориться, простору было много: и земли для поселенія и добычи въ лѣсу и въ водѣ было слишкомъ много и хватало на всѣхъ.

Иногда, разумѣется, случалось, что славяне сталкивались на новомъ полюбившемся мѣстѣ съ финскимъ племенемъ и тогда надо было его отгѣснить, прогнать съ выгоднаго мѣста. Случалось, что и послѣ поселенія на новомъ мѣстѣ приходилось еще нѣкоторое время обороняться отъ туземцевъ. Но во всякомъ случаѣ, если и была борьба съ финскими племенами, то она была не упорна и не продолжительна. Финскія племена или удалялись или мало-по-малу подчинялись вліянію русскихъ и сливались съ ними въ одинъ народъ.

Этому сліянію помогало сходство въ бытѣ, нравахъ и вѣрованіяхъ славянъ и финновъ. Славяне поклонялись добрымъ и злымъ силамъ природы. Благодатное ласковое солнышко почиталось ими подъ именемъ Дажбога. Грозный Перунъ былъ богомъ грома и молніи. Обоготовлялся и могучій вѣтеръ, разгоняющій тучи—Стрибогъ. Всѣмъ этимъ богамъ приносятся жертвы, дѣлаются въ честь ихъ идолы изъ дерева и камня. Трудно отличить теперь, какъ именно вѣровали славяне и какъ финны. Вѣроятно, они оказали большое вліяніе другъ на друга и многое другъ у друга заимствовали. Финны поклонялись камнямъ и деревьямъ, вѣрили, что всюду кругомъ нихъ, и въ лѣсу

и въ водѣ, живутъ разные боги. И вотъ у славянъ мы встрѣчаемъ вѣру въ лѣшаго, что сторожитъ въ лѣсу травы и деревья и пугаетъ и обманываетъ людей своимъ хохотомъ, своимъ дѣтскимъ крикомъ. А водяной или домовый? Вѣдь остатки этихъ вѣрованій и до сихъ поръ уцѣлѣли въ нашемъ народѣ, принявшемъ христіанство болѣе 1.000 лѣтъ тому назадъ. Ученые думаютъ, что многіе изъ этихъ суевѣрій перешли къ намъ отъ финновъ. Это финское вліяніе было особенно сильно тогда, когда славяне еще были язычниками. Извѣстія о враждебныхъ столкновеніяхъ съ финскими племенами относятся уже къ тому времени, когда стало распространяться христіанство въ землѣ веси и мери, въ Ростовской области. Мы знаемъ о томъ сопротивленіи, какое оказали язычники подъ вліяніемъ своихъ волхвовъ ростовскому епископу, св. Леонтію. Онъ въ концѣ-концовъ и погибъ въ Ростовѣ смертью мученика. Лѣтописецъ, рассказывая о волхвахъ, повѣрьяхъ и обычаяхъ языческихъ, не отдѣляетъ славянъ отъ финновъ. Значить, борьба была не племенная, а религіозная и въ ней одинаково участвовали всѣ язычники, были ли то финны или славяне.

Въ языческія времена финскія женщины охотно вступали въ бракъ съ славянами, и эти брачные союзы не мало помогали сліянію финскаго племени съ славянскими.

Сліяніе это происходило медленно и постепенно. Слѣды его сохранились, какъ уже было упомянуто, и въ названіяхъ селъ, рѣкъ, урочищъ, а также и въ языкѣ великорусскаго народа и даже въ его наружности: носъ луковицей и выдающіяся скулы унаслѣдованы отъ финскихъ предковъ.

Переселеніе славянъ въ область верхней Волги все продолжалось. Особенно большой приливъ поселенцевъ былъ попрежнему со стороны Новгорода. Многія причины заставляли выселяться на Волгу. Но свидѣтельству всѣхъ писателей русскихъ и иностранныхъ, русскіе славяне съ самыхъ древнихъ временъ были народомъ земледѣльческимъ и осѣдлымъ. По словамъ нашей лѣто-

писи, они и дань платили «отъ дыма» и «отъ рала», то-
есть со двора, съ осѣдлости и съ сохи. И при этомъ въ
началѣ нашей исторіи не было особаго земледѣльческаго
сословія, а весь народъ занимался и земледѣліемъ, и тор-
говлей, и другими промыслами. Каждый человекъ, смотря
по тому, каковы были его средства и способности, и глядя
по времени года, то воздѣлывалъ землю, то ходилъ въ
лѣсъ на звѣря, то ловилъ рыбу по рѣкамъ и озерамъ,
то торговалъ. Земледѣліе у древняго Новгорода не могло
быть главнымъ занятіемъ. Почва въ новгородской области
была плохая, неплодородная, обиліе лѣсовъ и болотъ еще
болѣе затрудняло обработку земли, и новгородцу было
гораздо выгоднѣе главное свое вниманіе обратить на
промыслы, на добычу рыбы, дичи, мѣховъ и дикаго меду.
Тѣмъ болѣе, что на всѣ эти произведенія лѣсовъ нашей
родины, какъ мы уже видѣли, рано явился спросъ и изъ
Западной Европы и изъ Азіи. Новгородецъ былъ искони
промышленникомъ и торговцемъ. Онъ и самъ промы-
шлялъ свой товаръ, а то и покупалъ его за безцѣнокъ
у полудикаго финна и ради этого забирался къ нему въ
его глухія непроходимыя дебри.

Новгородская торговля съ теченіемъ времени все
росла и развивалась. Мы знаемъ, что новгородцы были
такими же посредниками между европейскими и азіат-
скими купцами, какъ когда-то болгары и хозары. Это
участіе въ торговлѣ заставляло новгородца часто ѣздить
по Волгѣ и къ болгарамъ въ среднее Поволжье и
къ устью Волги въ древнее хозарское царство. Спросъ
на мѣха заставлялъ новгородскаго промышленника за-
бираться далеко на сѣверъ и на сѣверо-востокъ, за-
ставлялъ его заводить сношенія съ разными финскими
народцами. Есть извѣстія, что новгородцы, какъ и бол-
гары, вели съ этими дикарями нѣмую мѣновую торговлю.
Плавая по Волгѣ и ея притокамъ ради торговли, ради
промысловъ, новгородцы имѣли полную возможность узнать
великую рѣку, узнать разныя удобныя мѣста на ней, облю-
бовать ихъ и выбрать себѣ для поселенія. Новгородецъ,

можетъ быть, сначала поселялся только на время на самой Волгѣ или на какомъ-нибудь изъ ея многихъ притоковъ. Его могли привлекать сюда мѣста, удобныя для рыбной ловли или для другого промысла. Человѣкъ селился подлѣ рѣки, строилъ себѣ избу, раздѣлывалъ землю подъ хлѣбъ, подъ огородъ, убѣждался, что земля родить хорошо, мѣсто удобно, выгодно, и оставался тутъ жить. Иногда онъ селился въ одиночку, своей семьей, иногда цѣлымъ обществомъ. Поволжье давало такой широкій просторъ для самой разнообразной дѣятельности. Тутъ всякій могъ найти себѣ дѣло: и пахарь, и рыболовъ, и охотникъ, и, наконецъ, купецъ, торговецъ, какимъ былъ новгородецъ и у себя на родинѣ. Въ Новгородской же области жилое не всегда привольно. Новгородская лѣтопись прямо говоритъ о неурожаяхъ, о голодовкахъ, какія бывали здѣсь нерѣдко и заставляли иной разъ новгородскихъ людей расходиться съ родины въ разныя стороны. Населенія тогда было мало, земли свободной, никѣмъ незанятой, никому непринадлежащей было вездѣ сколько угодно. Каждый могъ выбирать себѣ любое мѣсто и воздѣлывать его какъ умѣлъ и какъ могъ. Мудрено ли, что приволжскія земли очень рано стали привлекать къ себѣ новгородскихъ поселенцевъ? Рѣки здѣсь кишѣли рыбой, густыя лѣсныя чащи богаты были всякимъ звѣремъ и птицей, да и земля была по рѣкамъ гораздо плодороднѣе, благодаря ежегодному удобренію во время весенняго разлива рѣкъ.

Разныя несогласія и распри, какія бывали нерѣдко тогда въ Новгородѣ, какъ и въ остальной Руси, тоже могли заставлять народъ выселяться въ Поволжье, благо оно было такъ близко.

Вообще русскій человѣкъ всегда охотно мѣнялъ одно мѣсто жительства на другое: ему ничего не стоило бросить старое насиженное мѣсто и отправиться въ новыя области, часто совсѣмъ неизвѣстныя. Такую легкость передвиженія, такую склонность переходить съ мѣста на мѣсто объясняютъ тѣмъ, что вся наша родина пред-

ставляетъ собой сплошную равнину. Нѣтъ въ ней высокихъ горъ, затрудняющихъ такіе переходы, а зато много рѣкъ, по которымъ всегда было очень удобно переправляться изъ одной мѣстности въ другую. Но однимъ только вліяніемъ природы страны нельзя объяснить этой черты русскаго человѣка. Погоня за звѣремъ, охота приучали изстари русскаго человѣка къ постоянному передвиженію. Особенно, когда населеніе увеличилось и звѣри въ одной мѣстности истреблялись или уходили подальше отъ людскихъ поселеній. Тогда и промышленнику приходилось уходить со стараго мѣста вслѣдъ за убѣгающей отъ него добычей. Да и не одинъ звѣриный, но и другіе промыслы: рыболовство, бортничество, — добываніе дикаго меду, — тоже не давали сидѣть на одномъ мѣстѣ, а заставляли постоянно двигаться. Даже и земледѣліе въ тѣ времена въ этой области совсѣмъ не приучало человѣка къ осѣлости. Здѣсь преобладало такъ называемое новинное, подсѣчное, или лядинное, хозяйство. Оно состояло въ томъ, что лѣсъ выжигали и на удобренной золой землѣ сѣяли хлѣбъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ урожаи на такой новинѣ, выжженной изъ-подъ лѣса, были очень хороши, но потомъ земля истощалась и надо было переходить на новый участокъ. Благодаря этому и поселенія русскія постепенно подвигались все дальше въ глубь страны.

Со временемъ стали являться въ области верхней Волги поселенцы и съ юга, изъ Руси Днѣпровской. Тамъ на югѣ не стало совсѣмъ житья отъ постоянныхъ нападѣній полудикихъ кочевниковъ, хлынувшихъ на Русь изъ азіатскихъ степей черезъ хозарскую землю. То были сначала печенѣги, а потомъ половцы. Князья кіевскіе постоянно воевали съ ними, но, несмотря на это, печенѣги жестоко грабили и опустошали русскія области. Уже въ концѣ XI вѣка отъ ихъ набѣговъ «опустѣли на югѣ города и села, пастбища отощали, нивы заросли, и въ нихъ рыскали звѣри». Люди бѣжали отъ этихъ опустошеній куда глаза глядятъ. Не мудрено, что эти

бѣглецы направлялись нерѣдко и въ область верхней Волги, куда степные кочевники не заходили.

Въ одиннадцатомъ вѣкѣ, въ 1076 году, верхнее Поволжье становится волостью пятого сына Ярослава Всеволода Переяславскаго и называется уже Ростовскою землей. А самъ Ярославъ еще въ началѣ XI вѣка построилъ на Волгѣ городъ Ярославль. Когда князья пришли на Волгу, то они уже застали здѣсь русскія поселенія и ихъ было не мало.

При великомъ князѣ Изяславѣ печенѣговъ смѣнили другіе кочевники—половцы. Они точно такъ же нападали на русскую землю съ юга, грабили ее, опустошали безъ пощады. Мужчинъ убивали, а дѣтей и женщинъ уводили въ плѣнъ. Земля дѣлилась тогда на многія княжества. Князья плохо защищали русскую землю отъ половцевъ. Они спорили, ссорились и воевали другъ съ другомъ изъ-за старшинства. И въ этихъ спорахъ своихъ нерѣдко призывали къ себѣ на помощь половцевъ. Можно себѣ представить, каково приходилось отъ всего этого народу. Мирный пахарь не могъ быть увѣренъ, что ему дадутъ вспахать и посеять хлѣбъ; каждую минуту долженъ онъ былъ бояться за себя и за свою семью. Всѣ князья южной Руси постоянно жаловались на безлюдье въ своихъ волостяхъ. Князь Переяславля южнаго говорилъ, что волость его пуста отъ половецкихъ нашествій, князь черниговскій жаловался, что города у него пусты и живутъ въ нихъ лишь псары да половцы. Не меньше страдало отъ этихъ степняковъ и кіевское княжество. Они опустошали кіевскія земли, а по Днѣпру нападали на суда съ греческими товарами и тѣмъ подрывали греческую торговлю, весьма важную для Кіева. Слова Владиміра Мономаха рисуютъ намъ, каково было жить здѣсь земледѣльцу:

«Начнетъ пахарь пахать, а пріѣдетъ половчинъ и убьетъ его стрѣлой, возьметъ его лошадь и поѣдетъ въ село и тамъ заберетъ и жену его, и дѣтей, и все имѣніе, а гумно его сожжетъ».

Ульяновскій Домъ Книгъ имени ЛЕНИНА

ЛБ

Вотъ въ это-то тяжкое для южной Руси время и стала заселяться Русь сѣверо-восточная. Здѣсь было два старинныхъ города, Ростовъ и Суздаль, поэтому и вся эта область называется Ростово-Суздальской землей. Если сравнить съ кievскимъ югомъ, то это была земля бѣдная, холодная, покрытая дремучими лѣсами и болотами, лежащая въ сторонѣ отъ главнаго торговаго пути изъ Балтійскаго моря въ Черное. Да зато мирному чело-вѣку, желавшему спокойно работать, было здѣсь куда безопаснѣе: сюда страшные половцы не заходятъ да и княжескихъ междоусобій въ первое время не было. Финскія племена, живущія по Окѣ и другимъ притокамъ Волги, смирны и не воинственны, да и мѣста довольно, хватить на всѣхъ.

О томъ, что здѣсь, въ области верхней Волги, было много поселенцевъ съ юга, говорятъ уже одни названія городовъ. Южныя названія: Переяславль, Звенигородъ, Юрьевъ и др., повторяются и здѣсь, на сѣверѣ, также и названія рѣкъ южныхъ часто повторяются и на сѣверѣ.

Князья русскіе постоянно старались въ свою очередь строить города на сѣверѣ, въ области верхней Волги, и заселять пустыя пространства. Мы уже упоминали о томъ, какъ Ярославъ построилъ Ярославль на Волгѣ. Владимиру Мономаху народное преданіе приписываетъ построение Владимира на р. Клязьмѣ, одномъ изъ притоковъ Оки. Особенно много городовъ было построено при сынѣ Мономаха Юріи Долгорукомъ. Видя запустѣніе на югѣ, онъ принялся строить города на сѣверѣ, въ междурѣчьи Оки и верхней Волги. Въ города эти онъ созывалъ людей отовсюду. Къ нему, кромѣ русскихъ, сходились и болгары, и мордва, и даже венгры. Людямъ, селившимся на пустошахъ, или на дикомъ полѣ, давались разныя льготы, и князь всячески помогалъ имъ устроиться на новомъ мѣстѣ.

Городомъ въ ту пору называлось всякое огороженное стѣной и окопанное рвомъ поселеніе. Города эти были просто деревни, очень часто весьма незначительныя.

Иногда князь укрѣплялъ уже существующія поселенія, иногда строилъ новые города, поселялъ въ нихъ своихъ посадниковъ съ дружиною, раздавалъ земли. Пахарей и насельниковъ на эти земли уже самъ князь выбиралъ или изъ вольныхъ охочихъ людей или же переселялъ ихъ изъ другихъ поселеній.

Рѣка Волга становится теперь пограничною рѣкой между княжествами Новгородскимъ и Ростово-Суздальскимъ, а потому идетъ усиленная постройка городовъ по Волгѣ. Всего важнѣе было строить города при устьяхъ волжскихъ притоковъ какъ ради защиты, такъ и ради торговли. Къ устьямъ рѣкъ легче было промышленникамъ доставлять свои товары. Юрію Долгорукому приписывается построение Костромы при устьѣ рѣки того же имени. При устьѣ рѣки Нерли имъ былъ построенъ городокъ Константинъ (впослѣдствіи село Сахтинъ). Имъ же были построены Юрьевъ Польскій и Дмитровъ на рѣкѣ Яхромѣ. Наконецъ, народное преданіе ему же приписываетъ основаніе города Москвы на мѣстѣ хутора убитого имъ боярина Кучки.

Какъ только строился городъ—сначала въ чисто военныхъ цѣляхъ, какъ мы видимъ—такъ сейчасъ же закладывалась и церковь. Кромѣ тѣхъ поселеній, какія заводилъ князь, около городовъ всегда охотно селились и вольные поселенцы. Въ случаѣ нападенія врага можно было укрыться за городскими стѣнами. Около городовъ рано стали основываться и монастыри. Особенно много монастырей было построено сыномъ Юрія Долгорукаго, Андреемъ Боголюбскимъ. Андрей Боголюбскій, сдѣлавшись великимъ княземъ, не ѣдетъ въ Кіевъ, а остается жить во Владимірѣ на Клязьмѣ. Переменная эта сразу возвысила Русь сѣверо-восточную, т.-е. область рѣки Волги, надъ южною Русью, Днѣпровскою.

При этомъ князѣ русскія поселенія все увеличивались и все подвигались дальше и дальше на востокъ по рѣкѣ Волгѣ и совсѣмъ подвинулись, наконецъ, къ границамъ мордвы и болгаръ. Мордва была воинственнѣе

другихъ финскихъ племенъ и неохотно выносила непрощенныхъ сосѣдей. Болгарамъ тоже было невыгодно допускать расширеніе русскихъ владѣній до тѣхъ предѣловъ, гдѣ они до тѣхъ поръ были главными хозяевами.

Вначалѣ князья сѣверные были заняты междоусобіями на югѣ, и этимъ пользовались и мордва и болгары и грабили разные города и области верхняго Поволжья. Еще Владиміръ Мономахъ не разъ ходилъ на болгаръ и увозилъ отъ нихъ плѣнныхъ. И Юрій Долгорукій и Андрей Боголюбскій продолжали воевать съ болгарами. Особенно удачны были походы Андрея. Онъ прочно утвердился на сѣверѣ и ему нельзя было не обращать вниманія на безпокойныхъ сосѣдей. Первый знаменитый походъ на болгаръ былъ совершенъ имъ въ 1164 году въ союзѣ съ княземъ муромскимъ. Болгары были разбиты, у нихъ отняли знамя и самъ князь ихъ едва спасся. Андрей отнялъ у болгаръ три города. И послѣ не разъ соединялись князья сѣверные и нападали на болгаръ. Въ этихъ войнахъ для нихъ все больше и больше значенія получало мѣсто впаденія Оки въ Волгу. Ока, этотъ большой и важный притокъ Волги (длина ея 1425 верстъ), сама принимаетъ въ себя не мало рѣкъ и рѣчекъ. По этимъ-то рѣкамъ и собирались обыкновенно князья къ устью Оки и отсюда отправлялись всѣ вмѣстѣ на болгарскія земли. Сѣзжались сюда князья ростовскіе, владимірскіе, городецкіе, муромскіе и рязанскіе. Одни приплывали сверху по Волгѣ, другіе по Окѣ, Которослѣ и Клязьмѣ, и болѣе удобнаго сборнаго мѣста для всѣхъ нельзя было и придумать.

Но это удобное мѣсто досталось русскимъ не легко; за него приходилось бороться съ мордвой, жившей здѣсь искони. Мнѣ уже пришлось упоминать о томъ, что племя это далеко не было такимъ мирнымъ, какъ другія финскія племена. Какъ и всѣ финскіе народы, мордва жила разрозненно, дѣлилась на безчисленные племена, и всѣ они къ тому же постоянно враждовали между собой. До насъ дошло одно мордовское преданіе. «На томъ самомъ

мѣстѣ, гдѣ Ока сливается съ Волгой, жилъ нѣкогда мордвинъ Скворецъ, другъ Соловья разбойника. У него было 18 женъ и 70 сыновей. Чародѣй Дятель предсказалъ ему, что если дѣти его будутъ жить мирно, то будутъ владѣть отцовскимъ наслѣдіемъ, а если поссорятся, то будутъ покорены русскими. Потомки Скворца начали враждовать другъ съ другомъ и вотъ Андрей Боголюбскій прогналъ ихъ съ устья Оки». Преданіе это показываетъ намъ, что мордва дорожила устьемъ Оки и не могла его уступить безъ борьбы.

Въ 1220 году великій князь Юрій Всеволодовичъ въ союзѣ со многими русскими князьями пошелъ на болгаръ. Походъ этотъ былъ особенно замѣчателенъ. Рѣшено было напасть на большой и богатый болгарскій городъ Ошель на Камѣ и поэтому изъ городовъ Устюга (на Двинѣ) и Ростова были отправлены полки верховьями Камы, а остальное войско пошло, какъ всегда, съ Волги. Гор. Ошель былъ взятъ и преданъ огню. Этотъ походъ навелъ такой страхъ на болгаръ, что они нѣсколько разъ присылали великому князю Юрію пословъ съ самыми выгодными мирными условіями. Миръ съ болгарамъ былъ заключенъ, а на устьѣ Оки и Волги въ слѣдующемъ же 1221 г. былъ построенъ Нижній-Новгородъ. Русскимъ было очень важно укрѣпиться въ этой мѣстности. Ока такой важный притокъ Волги. Важно имъ было и слѣдить за тѣмъ, что дѣлается среди мордвы, такъ какъ нѣкоторыя мордовскія племена были въ союзѣ съ болгарамъ. Мы знаемъ въ началѣ XIII вѣка двоихъ мордовскихъ князей, Пургаса и Пурейшу. Оба они враждуютъ между собой: Пургасу помогали болгары, а Пурейша присягнулъ на вѣрность великому князю владимірскому, Юрію Всеволодовичу. Послѣ основанія Нижняго-Новгорода войны съ мордвой становятся особенно ожесточенными. Русскіе нападали на мордовскія поселенія, разрушали ихъ жилища и уводили плѣнныхъ, но чаще всего мордва уходила въ свои дремучіе, непроходимые лѣса и тамъ ихъ русскіе преслѣдовать не рѣшались.

Всѣ эти войны съ мордвой, съ болгарами надо объяснить тѣмъ, что не было естественныхъ, точно опредѣленныхъ самою природою границъ между владѣніями русскихъ и ихъ сосѣдей. Рѣки же только облегчали доступъ изъ одной земли въ другую. Войны были выгодны для болгаръ тѣмъ, что они могли уводить плѣнныхъ и продавать ихъ на азіатскихъ рынкахъ. Были онѣ выгодны тѣмъ же самымъ и для русскихъ, но только русскіе своихъ плѣнныхъ не продавали, а селили ихъ на своихъ земляхъ и заставляли работать. Къ выгодамъ присоединилась и религіозная ревность: «брань на поганья», какими были въ глазахъ русскихъ магометане и язычники, считалась тогда дѣломъ благочестивымъ, богоугоднымъ.

Войны эти какъ съ мордвою, такъ и съ болгарами становились все усиленіе и успѣшнѣе. Ни тѣ, ни другіе не были въ состояніи сдержать движеніе русскихъ въ этой области впаденія Оки въ Волгу. Теперь пограничнымъ городомъ русскихъ владѣній становится не Муромъ, какъ было раньше, а Нижній-Новгородъ. Отъ него ужъ недалеко, рукой подать до богатой и удобной земли камскихъ болгаръ,—всего какихъ-нибудь 400 верстъ по Волгѣ. Судя по успѣшности походовъ русскихъ князей, имъ было бы не особенно трудно овладѣть болгарскимъ царствомъ. Болгары не были сильнымъ сплоченнымъ народомъ и не могли бы оказать настоящаго отпора русскому движенію на среднее Поволжье.

Движенію этому былъ положенъ конецъ совсѣмъ съ другой стороны. Въ 1236 году множество болгаръ прибѣжало въ Россію искать спасенія отъ врага неожиданнаго. То были татары. Они вторглись въ землю камскихъ болгаръ и разорили ее, а тѣ искали убѣжища у великаго князя русскаго, Юрія Всеволодовича. Великій князь при тогдашнемъ безлюдьѣ былъ радъ имъ и расселилъ ихъ по разнымъ волжскимъ городамъ.

Такъ кончило свое существованіе знаменитое болгарское царство. Уже съ этихъ поръ нѣтъ больше отдѣльнаго самостоятельнаго народа—болгаръ. Частью они по-

селились на Руси и со временемъ совсѣмъ обрусѣли, а частью остались жить въ своей прежней землѣ, и въ концѣ-концовъ отатарились.

3. Каковы были послѣдствія татарскаго нашествія для сѣверо-восточной Руси.

Разгромивъ болгарское царство, татары не замедлили напасть и на русскія владѣнія въ слѣдующемъ же 1237 г. Это было не первое нападеніе. За двѣнадцать лѣтъ до этого татары разгромили кievскую Русь. До тѣхъ поръ русскіе о татарахъ и не слыхивали, такъ что бѣда пришла на нихъ неожиданно - негаданно. Нахлынули новые враги оттуда, откуда всегда и раньше приходили въ Европу разные степные хищники: съ востока, изъ Азіи. Первыми пострадали отъ нихъ въ своихъ степяхъ безпокойные сосѣди южной Руси—половцы. Южные князья мужественно встрѣтили татаръ и бились съ ними отчаянно, но были разбиты. Татары ужъ пошли было на Кіевъ, но отъ самаго Днѣпра повернули назадъ, ушли въ степи и 12 лѣтъ не являлись въ русской землѣ. Но вотъ въ 1237 году снова явились огромныя толпы этихъ свирѣпыхъ, кровожадныхъ хищниковъ, на этотъ разъ уже въ землѣ рязанской.

Вспомнимъ, въ какомъ положеніи находилась въ это время Русь? Вся юго-западная часть земли русской была уже и безъ того обезсилена и опустошена и половцами и самими русскими князьями въ ихъ вѣчныхъ взаимныхъ ссорахъ и раздорахъ. Сѣверо-восточная Русь была сильнѣе и многочислѣннѣе. Но и здѣсь никакого единства между русскими князьями не было. Несмотря на всю отвагу и князей и войска русскаго, не устоять имъ было передъ громадной и сплоченной силой татарской.

Татары пришли на Русь подъ начальствомъ Батыя. Его послалъ изъ Азіи главный ханъ монгольскій, по имени Чингизъ-ханъ. У татаръ былъ такой обычай: когда они придутъ въ чужую страну, то посылаютъ впередъ

людей требовать покорности и десятины отъ всего, отъ коней и отъ людей. Такъ поступали они въ рязанской землѣ, но князья рязанскій, пронскій и муромскій объявили имъ:

«Когда никого изъ насъ не останется, тогда все будетъ ваше».

А сами послали во Владимірѣ къ великому князю Юрію объявить ему о бѣдѣ и просить у него помощи. Но Юрій не захотѣлъ съ ними соединиться и думалъ обороняться одинъ.

Рязанцы встрѣтили татаръ мужественно, оборонялись отчаянно, но ихъ было мало, и противъ огромнаго войска татарскаго не могли они ничего подѣлать. Рязань татары взяли и сожгли, а жителей всѣхъ истребили.

Отъ Рязани Батый двинулся на Владимірѣ и на Суздаль. Жители сопротивлялись упорно, дорого продавали свою жизнь, но все же ихъ мужество было напрасно. Татары безпощадно жгли города и убивали всѣхъ безъ разбора.

Потомъ они раздѣлились на отряды и разсѣялись по всей землѣ русской: одни отправились къ Ростову, другіе на Волгу и поплѣнили всю страну Поволжскую, до самаго Галича Мерскаго. Нѣкоторые отряды пошли на Переяславль, взяли его, взяли и другіе города: Юрьевъ, Дмитровъ, Волоколамскъ и Тверь.

Не осталось ни одного мѣста, гдѣ бы не воевали жестокіе хищники. За одинъ февраль мѣсяцъ взяли они четырнадцать городовъ, кромѣ слободъ и погостовъ. Великій князь Юрій вздумалъ сразиться съ ними на рѣкѣ Сити *), но войско его вынуждено было бѣжать, самъ онъ былъ убитъ, а русскихъ людей погибло множество. Послѣ сраженія на Сити Батый пошелъ на Торжокъ и взял его. До Новгорода Батый не дошелъ всего ста верстъ. Онъ будто бы испугался весенняго времени, когда разливались рѣки, таяли болота и озера и не было нигдѣ ни прохода, ни проѣзда.

*) Рѣка Сить впадаетъ въ притокъ Волги—Мологу.

Въ 1239 году татары снова явились въ сѣверо-восточной Руси. Сначала взяли они мордовскую землю, потомъ воевали по рѣкѣ Клязьмѣ. Слухи о новомъ нашествіи нагнали такой ужасъ на жителей сель и городовъ, что они бѣжали, не зная куда.

Вотъ какая грозная туча нависла надъ Русью! Словно жадная саранча налетѣли татары: все грабили, жгли, истребляли на своемъ пути безпощадно. Поволжью должно быть особенно плохо пришлось въ это время. Населеніе было здѣсь уже довольно густо и городовъ было не мало. Разумѣется, теперь ужъ нечего было и думать о заселеніи Волги. Теперь вѣдь уже пришлось бы имѣть дѣло не съ такими слабыми врагами, какъ мордва и болгары, а съ могучими, грозными татарами.

Да и ни до того было Руси. Ей было впору только самой оправиться отъ страшнаго удара.

Какъ ни была опустошена сѣверо-восточная область русская, однако ей все же пришлось не такъ плохо, какъ Руси юго-западной. Она вѣдь и до татарскаго нашествія не была такъ опустошена и обезсилена, какъ Русь кievская. И жителямъ сѣверо-восточной Руси было легко укрыться отъ татаръ въ громаднхъ, непроходимыхъ лѣсахъ здѣшнихъ, легко было пробраться по хорошо извѣстнымъ рѣкамъ и рѣчкамъ въ страны, не тронутыя татарами. А къ тому же и на престолѣ великокняжескомъ явились одинъ за другимъ такіе князья, которые сумѣли успокоить населеніе, сумѣли установить порядокъ въ своихъ владѣніяхъ.

Узнавъ о гибели великаго князя Юрія, братъ его Ярославъ Всеволодовичъ пріѣхалъ княжить во Владимірѣ. Онъ собралъ оставшихся въ живыхъ жителей, очистилъ храмы отъ труповъ и распредѣлил волости между своими братьями и рѣдственниками. Татары оставляли въ покоѣ только тѣ народы, которые признавали надъ собой ихъ власть. Ярославъ Всеволодовичъ прекрасно видѣлъ, что у него нѣтъ никакихъ силъ имъ противиться, что надо покориться. И вотъ онъ ѣдетъ въ Орду къ

Батыю на Волгу изъяснить ему лично свою покорность. Лѣтописецъ говоритъ, будто Батый принялъ Ярослава съ честью и сказалъ ему на прощанье:

— Будь ты старшимъ между всѣми князьями въ русскомъ народѣ.

Потомъ Ярославу пришлось поѣхать на поклонъ къ самому великому хану въ Азію. Тамъ, въ Ордѣ, онъ и умеръ. Съ этихъ поръ всѣ князья русскіе должны были покупать въ Ордѣ ярлыки, или ханскія подтвердительныя грамоты, на княженіе. Хотя и ставили татары великаго князя выше другихъ, однако все же эти поѣздки въ Орду были крайне унизительны. «Злѣе зла честь татарская», говоритъ лѣтописецъ.

Сынъ Ярослава, Александръ Невскій, знаменитый побѣдитель шведовъ, нѣмцевъ и литовцевъ, съ татарами бороться и не пытался. Онъ велъ себя съ ними по отцовски: такъ же смиренно ѣздилъ къ нимъ на поклонъ и такъ же старался своей покорностью обезпечить спокойствіе русскихъ областей. И мы знаемъ, что современники горячо оплакивали этого князя, а церковь даже причислила его къ лику святыхъ.

Такъ же точно вели себя съ татарами и другіе князья.

Вскорѣ на сѣверѣ начались раздоры между князьями, и мало-по-малу надъ всѣми удѣлами сѣверо-восточной Руси начинается возвышаться московское княжество. Больше всего оно было обязано этимъ возвышеніемъ Юрію и Іоанну Даниловичамъ. Оба брата не разбирали средствъ, чтобы захватить великое княженіе въ свои руки.

Іоаннъ Даниловичъ, прозванный Калитой, что значитъ „мѣшокъ съ деньгами“, называется обыкновенно «первымъ собирателемъ земли русской». Своимъ хитрымъ и покорнымъ отношеніемъ къ татарскому хану Іоаннъ Калита вошелъ къ нему въ полное довѣріе. Ему былъ порученъ надзоръ за остальными князьями; онъ ихъ и наказывалъ въ случаѣ ослушанія ханской волѣ. Онъ первый получилъ право собирать дань (выходъ ордынскій) съ русскихъ людей вмѣсто прежнихъ ханскихъ баскаковъ

и онъ же отвозилъ ее въ Орду. Для народа это было легче: онъ избавлялся отъ насилія и разоренія баскаковъ. И для великаго князя было выгодно: извѣстное количество дани оставалось въ его пользу, и на эти деньги онъ покупалъ села, города, земли, «собиралъ русскую землю» подъ власть Москвы.

Своимъ возвышеніемъ Москва была обязана не однимъ только стараніямъ своихъ хозяйственныхъ князей, но главнымъ образомъ, своему выгодному положенію. Москва все больше и больше становится сердцемъ Россіи; тѣмъ средоточіемъ, куда стекается народъ изъ всѣхъ областей русскихъ.

Не мало подняло значеніе Москвы и то, что сюда переѣхалъ на житье митрополитъ. Сначала митрополитъ переселился изъ Кіева во Владиміръ на Клязьмѣ, но когда митрополитомъ сдѣлался св. Петръ, то онъ полюбилъ Іоанна Калиту, полюбилъ Москву и сталъ тамъ жить. Тамъ онъ скончался, тамъ и похороненъ. И послѣ него всѣ митрополиты стали жить въ Москвѣ. А это было важно. Митрополитъ—первое духовное лицо, онъ—одинъ на всю Россію. И въ глазахъ народа не могъ не возвышаться тотъ городъ, какой онъ себѣ избралъ для жизни.

Татарскіе ханы любили Іоанна Калиту и Москвы не трогали, не опустошали. Населеніе здѣсь все увеличивалось и, благодаря этому, доходы великаго князя все росли и умножались и давали ему возможность покупать все больше и больше земель у тѣхъ князей, которые были не въ состояніи платить татарскій выходъ (дань).

Калита часто ѣздилъ въ Орду, подолгу жилъ тамъ, щедро одѣлялъ подарками и хана, и его женъ, и вельможъ. Вozилъ онъ туда на поклонъ и сыновей своихъ и добился всѣмъ этимъ того, что великое княженіе осталось за его потомствомъ. Сыновья Калиты продолжали его дѣло. И бояре и митрополитъ поддерживаютъ московскаго князя; они стоятъ твердо за новый порядокъ, за переходъ великаго княженія отъ отца къ сыну, и этимъ помогаютъ созданію единого московскаго государства.

Итакъ, вотъ каковы были ближайшія послѣдствія татарскаго нашествія. Юго-западная Русь была окончательно разорена и обезсилена, и въ концѣ-концовъ отошла къ Польшѣ. Сѣверо-восточная Русь сравнительно быстро оправилась отъ погрома и мало-по-малу объединилась подъ владычествомъ Москвы. Это было очень важно для всей сѣверо-восточной Руси, а слѣдовательно и для Поволжья.

Вмѣстѣ съ митрополитомъ переселилось въ московское княжество не мало и другихъ людей. Извѣстія сохранились о переселеніи вельможъ, бояръ, но можно предположить, что переселялись люди и другихъ сословій. Вѣдь всѣмъ было одинаково плохо на югѣ! А на сѣверѣ людьми дорожили. И не одни московскіе, но и всѣ князья охотно принимаютъ къ себѣ всякихъ людей, надѣляютъ ихъ землей, даютъ имъ разныя льготы, помогаютъ имъ и деньгами и хлѣбомъ. Князья попрежнему захватываютъ на войнѣ людей, выкупаютъ въ Ордѣ плѣнныхъ и селятъ ихъ на своихъ земляхъ.

Вольные поселенцы тоже селились больше не на свободныхъ земляхъ, а на тѣхъ, которыя кому-нибудь принадлежали. Землевладѣльцы, были ли то князья, монастыри или частныя собственники, давали поселенцамъ необходимыя орудія для работы, для постройки, давали имъ деньги на обзаведеніе и, наконецъ, снабжали ихъ и хлѣбомъ до новаго урожая.

Больше всего хлопотали о заселеніи своихъ земель тѣ княжества, гдѣ было много инородцевъ. Таково было княжество суздальско-нижегородское, особенно его восточная сторона, гдѣ еще передъ самымъ татарскимъ нашествіемъ приходилось князьямъ русскимъ воевать съ мордовскими племенами.

Мы видѣли, что Нижній-Новгородъ сталъ пограничнымъ русскимъ городомъ еще до татарскаго нашествія. Суздальскіе князья сдѣлали его своимъ столичнымъ городомъ, и это очень помогло тому, чтобы русская власть здѣсь упрочилась. Первый князь, переселившійся изъ

Суздаля въ Нижній-Новгородъ, Константинъ Васильевичъ, всячески старался заселить эту область, привлекая сюда людей изъ Суздальской области и изъ сосѣднихъ княжествъ. Всѣмъ переселенцамъ онъ давалъ разныя льготы и милости и приказывалъ имъ селиться по Волгѣ и по ея притокамъ: Окѣ, Кудьмѣ и др., и на мордовскихъ жилищахъ, и гдѣ кто захочетъ. Преемники Константина Васильевича продолжали итти по тому пути, какой онъ для нихъ намѣтилъ. Они продолжали заселять нагорную сторону Волги и за рѣку Кудьму. При Борисѣ Константиновичѣ его селенія и рыбныя ловли доходили до рѣки Суры. И частные люди по примѣру князя тоже пытались заселить земли по Волгѣ.

Такъ, одинъ изъ богатѣйшихъ нижегородскихъ купцовъ, Тарасъ Петровъ, купилъ себѣ у князя 6 селъ по рѣкѣ Сундовикѣ (притокъ Волги справа) и населилъ ихъ выкупленными имъ плѣнными людьми. Но нижегородская область стала часто подвергаться нападеніямъ со стороны татаръ, овладѣвшихъ прежнимъ болгарскимъ царствомъ, и Тарасу Петрову, какъ и другимъ богатымъ людямъ этого края, оказалось выгоднѣе бросить свои вновь устроенныя вотчины и перебраться въ Москву, гдѣ было тихо и безопасно.

Нижегородскую область беспокоили не одни татары. Когда послѣ татарскаго погрома опять мало-по-малу возобновилась волжская торговля, то появились на Волгѣ новгородскіе удалъцы-ушкуйники. Они гуляли на своихъ лодкахъ (ушкуняхъ) и по Волгѣ и по ея притокамъ и отъ нихъ доставалось всѣмъ: и татарамъ, и инородцамъ, и русскимъ. Новгородецъ изстари отличался смѣлостью и предприимчивостью. Ему не сидѣлось на мѣстѣ, онъ всегда былъ готовъ отправиться вдаль отъ своей родины ради промысла, ради торговли или просто ради добычи. Плавая на Волгѣ, по сѣверной Двинѣ, Печорѣ и Мезени, новгородцы заводили русскія поселенія среди финскихъ племенъ. До насъ дошелъ рассказъ, какъ основана была ими Вятка.

«Пошли новгородскіе удалыцы на Волгу, вышли изъ нея въ Каму и построили на Камѣ городокъ. Здѣсь имъ показалось не безопасно: могли притти другіе удалыцы, могли притти болгары,—и вотъ послали они своихъ по-смотреть, нѣтъ ли дальше мѣста безопаснѣе. Посланные вошли въ рѣку Ченцу, нашли тутъ финское племя вотяковъ, овладѣли ихъ городкомъ и назвали его «Никулицынъ». Другіе удалыцы-ушкунники построили городъ Котельничъ, а потомъ возникъ Хлыновъ (Вятка) и основалась та вольная вятская община, которая и просуществовала до XV вѣка».

Разсказъ этотъ рисуесть намъ, какъ могли устраивать новгородцы свои поселенія и по Волгѣ и по другимъ ея притокамъ.

Если новгородцы и распространяли русское поселеніе среди финскихъ племенъ на сѣверъ и на сѣверо-востокъ, то, съ другой стороны, они же не мало и вредили русскимъ областямъ. Во второй половинѣ XIV вѣка эти новгородскія шайки вели себя какъ настоящіе разбойники.

Молодые сыновья бояръ и купцовъ, недовольные разными стѣсненіями въ Новгородѣ, собирали вокругъ себя дружины смѣлой и буйной новгородской молодежи и пустились на своихъ ушкуняхъ внизъ по Волгѣ грабить города волжскіе. Благодаря торговлѣ, города эти были уже обширны и богаты. Особенно оживилась торговля въ Нижнемъ-Новгородѣ, благодаря его выгодному положенію. Въ рукахъ ушкунниковъ побывали и Ярославль, и Кострома, и Нижній. Иногда они брали съ города откупъ, иногда же располагались въ немъ на нѣсколько дней. Все имущество выносили на средину города и все, что получше и полегче, брали себѣ, а остальное бросали въ Волгу или жгли. Людей же всякаго возраста и пола уводили въ плѣнъ и продавали потомъ въ рабство въ Казани и Астрахани. И татарскіе города не мало страдали отъ новгородцевъ. Татары часто жаловались на нихъ князьямъ московскимъ, а то и сами расправлялись съ ними по-своему.

Мудрено ли, что многіе зажиточные люди, въ родѣ упомянутого Тараса Петрова, уходили съ Волги въ Московскую область, гдѣ въ это время скопилось густое населеніе. Мирному населенію не было выхода изъ этой области между Окой и верхней Волгой. На сѣверъ не пускали грабившіе по Волгѣ ушкуйники, на востокъ на средней Волгѣ было Казанское царство.

Какъ-то разъ новгородскіе ушкуйники ограбили подъ Нижнимъ-Новгородомъ бухарскихъ купцовъ. Великій князь Дмитрій Іоанновичъ выговорилъ за это новгородцамъ, и они ему отвѣчали:

«Это ходили молодые люди на Волгу безъ нашего слова, да они твоихъ купцовъ не трогали, а грабили басурманъ».

Въ тѣ времена грабить и убивать басурманъ считалось не только позволительно, но даже похвальнымъ и угоднымъ Богу. Русскіе князья высылали противъ ушкуйниковъ ратные отряды, а иногда князья воевали изъ-за нихъ и съ самимъ Новгородомъ.

Въ концѣ XIV вѣка князьямъ московскому и нижегородскому приходилось предпринимать походы на татаръ и на мордву въ оплату за разореніе русскихъ областей. Поселенія русскихъ промышленниковъ и земледѣльцевъ подвигались все дальше и дальше къ востоку, и для защиты ихъ понадобилось выстроить на рѣкѣ Сурѣ городокъ Курмышъ.

Московскіе князья, присоединяя къ своимъ владѣніямъ разныя княжества, не замедлили воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы овладѣть и такой удобной и выгодной областью, какъ княжество Нижегородское. Московскимъ князьямъ еще легче было продолжать начатое еще до татарскаго нашествія дѣло заселенія Волги: они были гораздо сильнѣе и богаче. Мѣшали этому дѣлу татары, но они становились годъ отъ году все слабѣе и разрозненнѣе и въ концѣ-концовъ были не въ состояніи давать отпоръ русскому движенію внизъ по Волгѣ.

Главной причиною всѣхъ столкновеній въ этой области было попрежнему то, что не было естественныхъ, точно опредѣленныхъ границъ. Еще по правой нагорной сторонѣ уже опредѣлилась граница по рѣкѣ Сурѣ. Но лѣвая сторона была покрыта непроходимыми болотами и лѣсами. Среди нихъ тамъ и сямъ жили полудикіе финскіе народцы и о точныхъ границахъ не могло быть и рѣчи. Въ началѣ XIV вѣка и русскіе и татары одинаково присваивали себѣ право надъ этими народами.

Понятно, что мало было охотниковъ поселяться въ такихъ мѣстахъ. Слишкомъ много было тутъ опасностей и отъ дикаго звѣря и отъ лихого человѣка. Но на Руси съ самаго введенія христіанства были люди, искавшіе уединенія и не боявшіяся ни труда, ни опасностей, ни лишеній.

Таковы были монахи и отшельники. Они много сдѣлали для распространенія Христовой вѣры, много сдѣлали и для заселенія земли русской. Шелъ какой-нибудь подвижникъ въ непроходимые лѣса и дебри, ища уединенія отъ суеты мірской. Селился онъ въ дуплѣ или землянкѣ, вскорѣ слава о немъ распространялась, къ нему собирались ученики, и мало-по-малу возникалъ монастырь. Около монастыря скоро появлялись слободы. Князья и благочестивые люди дарили монастырю на поминъ души земли. На земли эти приходили съ разныхъ сторонъ люди, край заселялся, становился русскимъ. Отъ монастыря отдѣлялись отдѣльные поселки все дальше и дальше въ глубь страны. Монастырскія земли пользовались льготами, и монастыри гораздо лучше хозяйничали, чѣмъ другіе собственники, такъ что на ихъ земли шли люди всего охотнѣе. Кромѣ того, и татары всегда относились особенно хорошо и терпимо къ духовенству и освобождали его отъ дани. Во второй половинѣ татарскаго владычества число монастырей доходило уже до 200. Монастыри часто бывали вовсе не многочисленны; иногда весь монастырь состоялъ изъ 5—6 человѣкъ. Духовенство объясняло народу татарское иго какъ наказаніе за грѣхи, и вотъ, подѣ

вліяніемъ такихъ проповѣдей, многіе бросали жизнь въ міру и уходили въ монастырь молиться о спасеніи своей души и объ избавленіи отъ злой неволи. Монастыри въ это время оказывали гораздо больше вліянія, чѣмъ раньше. Великіе, святые подвижники особенно сильно вліяли на народъ и проповѣдью и живымъ примѣромъ. Многіе изъ такихъ подвижниковъ были недовольны жизнью въ монастырѣ, жаждали полнѣйшаго уединенія и уходили и скрывались гдѣ-нибудь въ глухомъ дикомъ лѣсу. Таковъ былъ св. Макарій Желтоводскій. Онъ сначала постригся въ Печерскомъ монастырѣ около Нижняго. Но ему здѣсь показалось шумно и суетно, и онъ удалился въ пустынные мѣста по правой сторонѣ Волги. По преданію, онъ встрѣтился тутъ съ другимъ отшельникомъ, преподобнымъ Тихономъ Луховскимъ, и они поселились вмѣстѣ при сліянніи двухъ рѣчекъ, Лухи и Добрицы. Крестьяне, жившіе поблизости, испугались, какъ бы ихъ земля не отошла къ монастырю, который здѣсь устроится со временемъ, и прогнали ихъ. Тогда отшельники разошлись въ разныя стороны. Тихонъ пошелъ вверхъ по рѣкѣ Лухѣ и основалъ Никольскую пустынь. Макарій пошелъ по рѣкѣ Добрицѣ и, пройдя около 60 верстъ, остановился на правомъ берегу Волги, въ нынѣшнемъ Юрьевскомъ уѣздѣ. Тутъ онъ построилъ себѣ хижину и жилъ «единъ о Возѣ», какъ говорится въ житіи. Но скоро люди услышали о его святости и стали къ нему собираться. Макарій строить церковь и ограждаетъ обитель стѣной. Но его со временемъ начинаютъ тяготить шумъ и слава, и онъ уходитъ тайкомъ изъ обители. На этотъ разъ онъ ушелъ на болѣе дикій лѣвый берегъ Волги и остановился тутъ около озеръ, на такъ называемыхъ Желтыхъ водахъ, напротивъ впаденія въ Волгу р. Сундовика. Здѣсь вырылъ онъ себѣ небольшую пещеру и сталъ жить. Но и тутъ скоро прознали о немъ и стали сходить къ нему разные люди. Снова строить Макарій церковь, и братія избираетъ его игуменомъ. Неутомимо трудился 85-лѣтній старецъ: мололъ, пекъ и варилъ для всѣхъ пищу, считая

себя рабомъ всѣхъ и послушникомъ, и со всѣхъ сторонъ стекались къ нему міряне, желающіе жить подъ его руководствомъ.

Кругомъ Макарьевской обители жили инородцы-язычники черемисы. Дикари эти видѣли жизнь преподобнаго еще когда онъ былъ одинъ, удивлялись его трудамъ и терпѣнію, умилялись сердцемъ и приносили ему разные припасы: медъ, пшеницу. Макарій же не только христіанъ, но и язычниковъ принималъ радушно и привѣтливо и такимъ обращеніемъ тихо и мирно склонялъ ихъ къ христіанству. Вокругъ обители появились села, и русское населеніе въ свою очередь тоже не могло не оказать сильнаго вліянія на инородцевъ.

Приблизительно въ это время, въ началѣ XV вѣка, было основано Улу-Махметомъ казанское царство. Такое близкое сосѣдство съ Улу-Махметомъ, конечно, было опасно для всей нижегородской области, и она стала часто подвергаться татарскимъ набѣгамъ. Всѣ жители обыкновенно въ случаѣ такихъ нападеній сбѣгались въ города и при помощи воеводъ отсиживались въ нихъ отъ непріятеля за городскими стѣнами. Но деревни и села были беззащитны и становились жертвой огня.

Въ одинъ изъ такихъ набѣговъ пострадала и Желтоводская обитель, и пострадала такъ сильно, что уже въ XVII столѣтіи нельзя было найти и мѣста, гдѣ стоялъ монастырь. Большую часть народа, жившаго около Макарьевского монастыря, татары перебили, а остальныхъ, и въ томъ числѣ самого преподобнаго Макарія, увели въ плѣнъ. Татары всегда хорошо относились къ духовенству, а Макарій былъ слишкомъ извѣстенъ своимъ благочестіемъ. По повелѣнію татарскаго начальника, его отпустили на свободу. Но Макарій выхлопоталъ, чтобъ съ нимъ вмѣстѣ отпустили и другихъ плѣнныхъ христіанъ съ ихъ дѣтьми и женами. И такъ велико было уваженіе татаръ къ святому человѣку, что просьба его была исполнена. Сказано ему только, чтобы онъ на старое мѣсто не возвращался, такъ какъ это сторона Казанская.

Макарій поселился въ 15-ти верстахъ отъ г. Унжи и вскорѣ здѣсь умеръ, не успѣвъ основать обители.

Неудачная попытка преподобнаго Макарія показываетъ, что русскимъ еще рано было селиться на лѣвомъ берегу Волги. Это было еще слишкомъ дикое мѣсто и казанцы признавали его своимъ. Лишь послѣ покоренія Казани, т.-е. уже въ XVI столѣтіи, начнетъ заселяться дуговая сторона Волги.

4. Какъ овладѣли русскіе Казанью и Астраханью.

Въ то время, какъ Московское государство росло, усиливалось и объединялось, татарское царство все слабѣло и распадалось. Татары мало-по-малу совсѣмъ перестали внушать страхъ русскимъ князьямъ. Сначала русскіе увидали, что отъ нихъ можно обороняться, а потомъ убѣдились, что на нихъ можно и нападать и отнимать у нихъ ихъ владѣнія. Произошло это, разумѣется, не сразу, а подготавливалось долгіе годы.

Батый, разгромивъ и покоривъ Русь, основалъ на Волгѣ царство, извѣстное подъ именемъ Золотой, или Кипчакской, орды. Приволжскія степи въ низовьяхъ великой рѣки напоминали татарамъ родную Азію и были удобны для кочевой жизни, какую они привыкли вести. Зимой они по большей части жили съ своими стадами около Каспійскаго моря, гдѣ было теплѣе, а лѣтомъ поднимались вверхъ по Волгѣ, къ горамъ, гдѣ было не такъ жарко и гдѣ были превосходныя пастбища.

Волжскіе болгары, покоренные татарами въ XIII вѣкѣ, оказались гораздо развитѣе и просвѣщеннѣе своихъ побѣдителей и со временемъ оказали на нихъ сильное вліяніе. Татарскимъ ханамъ пришлись по вкусу нѣкоторыя удобства осѣдлой жизни. Уже при Батыеѣ возстановленъ былъ вновь городъ болгарь; въ немъ было до 50.000 жителей, и самъ Батый любилъ жить въ этомъ городѣ, гдѣ со временемъ ожила старинная торговля и, въ старый болгарскій городъ вновь стали ѣздить купцы

съ Балтійскаго моря и съ Каспійскаго. Татары скоро увидали, какія выгоды можетъ имъ доставить волжская торговля, и поощряли ее. Столицу Сарай на Ахтубѣ построили Батю болгарскіе архитекторы. Одинъ изъ преемниковъ Батю принялъ магометанство, и тогда болгарское вліяніе стало еще сильнѣе. Между тѣмъ самого болгарскаго народа скоро не было и въ поминѣ: болгары мало-по-малу отатарились, слились съ татарами въ одинъ народъ.

Татарскія отдѣльныя орды подъ начальствомъ князей, или мурзъ *), постоянно кочевали по Волгѣ и по другимъ рѣкамъ, гдѣ только находили удобныя пастбища для своихъ стадъ. Въ концѣ XIII вѣка образовалась особенно сильная и независимая орда подъ начальствомъ полководца Ногая. Эта ногайская орда менѣе всего подчинилась болгарскому вліянію, и ногайцы оставались все время полудикими азіатами. Они любили лишь войну и скотоводство, а средства къ жизни добывали преимущественно грабежами и продажей лошадей и плѣнниковъ. Съ этими ногайцами пришлось въ послѣдствіи не мало имѣть дѣла Московскому государству.

Послѣ хана Узбека, на сестрѣ котораго былъ женатъ Юрій Даниловичъ, въ ордѣ начались междоусобія. Ханы мѣнялись то и дѣло. О насиліяхъ баскаковъ, о нападеніяхъ татаръ съ юга въ это время не слышно. Но зато съ востока все продолжаютъ нападенія на нижегородскую область. При Дмитріи Іоанновичѣ возобновляется и наступательное движеніе русскихъ на среднюю Волгу, на древнее болгарское царство. Въ 1376 году посылалъ князь Дмитрій своего воеводу на Казань. Походъ оказался удачнымъ: Дмитрій взялъ съ города 1.000 рублей, посадилъ здѣсь своего сборщика дани и таможенника. Съ татарами нерѣдко соединялись и мордовскіе князья, нападали на русскія области, жгли, грабили, уводили плѣнныхъ. Особенно опустошительно было нападеніе на

*) Мурзы — это княжескіе сыновья.

нижегородскую область татарскаго царевича Арапши въ 1377 году. Мордва провела Арапшу по своимъ дремучимъ лѣсамъ, и русское войско, не ожидавшее нападенія, было почти все перебито на рѣкѣ Пьянѣ. За это русскіе безпощадно опустошили мордовскую землю и предали мордовскихъ плѣнниковъ жестокой казни. Въ 1378 г. Мамай, правившій Золотой ордой, послалъ своего полководца на русскія области. Онъ взялъ Нижній-Новгородъ, сжегъ его и разграбилъ, и отправился было на Московское княжество. Но Дмитрій встрѣтилъ татарское войско на рѣкѣ Вожѣ и нанесъ ему здѣсь полное пораженіе.

Мамай не могъ стерпѣть этого, собралъ огромное войско и въ 1380 году двинулся на Русь. Но времена уже перемѣнились. Русскіе теперь не были такъ слабы и разрозненны, какъ при батыевомъ нашествіи. Почти полтораста лѣтъ прошло не даромъ! На этотъ разъ подъ знаменемъ великаго князя собрались все князья, кромѣ рязанскаго; и вотъ на Куликовомъ полѣ, при впаденіи въ Донъ рѣчки Непрядвы, и произошла знаменитая Куликовская битва. Много русскихъ пало въ этой битвѣ, но все же татары были разбиты. За эту побѣду князь Дмитрій былъ прозванъ Донскимъ, и долго жило въ народной памяти воспоминаніе о славной Куликовской битвѣ.

Мамай хотѣлъ было еще разъ итти на Дмитрія, но онъ самъ былъ низложенъ ханомъ Тохтамышемъ. Русскіе князья не поѣхали сами на поклонъ къ хану Тохтамышу, а отправили пословъ. Тогда Тохтамышъ внезапно напалъ на Москву и заставилъ Дмитрія платить дань. Значитъ, татарское иго еще не было свергнуто. Но все же Куликовская побѣда своего значенія не потеряла. Она показала русскимъ, что татаръ побѣждать можно, показала, что народъ русскій научился уже сознать свое единство. А татары увидали, что русскіе—не прежніе покорные рабы, и стали дѣйствовать противъ нихъ хитростью.

При Василии Первомъ монгольскій завоеватель Тамерланъ напалъ на Золотую орду, прогналъ Тохтамыша и пошелъ было на Россію, взялъ городъ Елецъ, но вдругъ

неожиданно повернулъ назадъ. Русь была спасена отъ страшнаго врага, и ей онъ даже оказалъ пользу тѣмъ, что орда долго не могла оправиться послѣ Тамерлана и была безопасна для Руси. Нѣсколько хановъ смѣнилось въ ордѣ, а великій князь и не думалъ ѣздить туда на поклонъ да и не посылалъ никого. Когда изъ орды требовали дани, то великій князь отвѣчалъ, что княжество его обѣдняло людьми и не съ кого собрать дань. А на самомъ дѣлѣ татарская дань собиралась попрежнему: съ двухъ сохъ по одному рублю, но она вся шла въ казну великокняжескую. И послы и купцы татарскіе не были больше въ такой чести, какъ прежде.

Въ половинѣ XV вѣка татары раздѣлились на три орды: Золотую, Казанскую и Крымскую. Ханъ Золотой орды, Ахмать, считалъ попрежнему московскаго князя своимъ данникомъ, хотя великій князь Іоаннъ III на самомъ дѣлѣ ему дани не платилъ, а посылалъ лишь подарки, какіе ему вздумается. Іоаннъ III рѣшилъ совсѣмъ избавиться отъ татарской зависимости и ради этого вступилъ въ союзъ съ крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ. Оба войска, ахматово и русское, встрѣтились на Угрѣ въ 1480 году, но сраженія не произошло: Іоаннъ медлилъ начинать битву, татары испугались морозовъ и ушли въ степь. Ахмать былъ дорогой убитъ татарскимъ княземъ.

Татарское иго было свергнуто. Крымскій ханъ долго еще воевалъ съ сыновьями Ахмата въ союзѣ съ московскими войсками, и въ концѣ-концовъ Золотая орда была уничтожена. На мѣстѣ ея возникло со временемъ Астраханское царство.

Крымская орда была самая сильная, но она не была такъ страшна для Москвы, потому что была далеко отъ нея и отдѣлялась обширными степями, переходъ черезъ которыя былъ довольно затруднителенъ. Больше всего беспокоило Москву Казанское царство. Оно было основано въ 1437 году ханомъ Улу-Махметомъ, изгнаннымъ изъ Золотой орды роднымъ братомъ. Улу-Махметъ подчинилъ себѣ разные народы, жившіе въ бывшемъ бол-

гарскомъ царствѣ, и то и дѣло безпокоилъ своими нападеніями и грабежами сосѣднія русскія области. Особенно доставалось, разумѣется, все той же нижегородской области. Мы уже видѣли раньше, какъ была разграблена и опустошена эта область, когда пострадала отъ татаръ и обитель Макарія Желтоводскаго. Татары не были настолько сильны, чтобы подчинить себѣ Русь, но они еще были въ состояніи наносить ей большой вредъ своими набѣгами и опустошеніями. Въ началѣ XV вѣка татары часто вводили изъ Руси цѣлыя толпы крѣпко связанныхъ людей.

Русскому народу нечего было пока и думать о заселеніи Волги дальше рѣки Суры, особенно по лѣвому берегу. Попрежнему оставалась одна дорога на сѣверъ и сѣверо-востокъ, куда уже давно проложили путь новгородскіе промышленники или разбойники. По этой дорогѣ пошли въ XV и XVI вѣкахъ многіе люди изъ средней Россіи. А многіе стали заселять земли пустынные или запустѣвшія еще съ Батыева нашествія. Такихъ мѣстъ, уже успѣвшихъ съ тѣхъ поръ зарости и покрыться вѣковымъ лѣсомъ, было много и по Волгѣ.

По присоединеніи къ Москвѣ Новгорода и Пскова Іоаннъ III переселилъ многихъ изъ новгородцевъ и псковитянъ въ свои московскія области, между прочимъ и на Волгу, въ Нижній-Новгородъ, Балахну, Тверь и др.

При Іоаннѣ III особенно усилилась власть великаго князя московскаго. Онъ первый назвалъ себя «государемъ всея Руси». При немъ присоединились къ Москвѣ почти все удѣлы сѣверо-восточной Руси и вся область Волги вплоть до татарскихъ владѣній вошла въ составъ Московскаго государства.

Іоаннъ III много думалъ объ увеличеніи военной силы. Онъ посылалъ за границу добывать разныхъ мастеровъ, между прочимъ такихъ, которые бы умѣли города осаждать и стрѣлять изъ пушекъ. Расширеніе границъ московскаго княжества привело его въ близкое сосѣдство съ шведами, поляками, татарами. Все это были враги, готовые постоянно нападать на московскія владѣнія. И

въ XV и XVI вѣкахъ борьба со всѣми этими сосѣдями идетъ непрерывно. Особенно безпокойны были татары крымскіе и казанскіе и разные инородцы: черемисы, мордва и другіе. Англичанинъ Флетчеръ, бывшій въ Москвѣ посломъ въ концѣ XVI вѣка, рассказываетъ, что Москва каждый годъ воюетъ съ этими южными и восточными сосѣдями. Крымскіе татары дѣлають иногда набѣги на русскую землю по два раза въ годъ. Главная цѣль этихъ набѣговъ—захватить побольше плѣнныхъ, особенно мальчиговъ и дѣвочекъ. Въ XVI вѣкѣ по Черному и Средиземному морямъ вездѣ можно было встрѣтить русскихъ рабовъ и рабынь.

При такомъ опасномъ положеніи правительство московское должно было быть постоянно въ тревогѣ и должно было держать постоянно наготовѣ вооруженныя войска въ разныхъ опасныхъ мѣстахъ: и отъ Литвы, и отъ татаръ, и отъ разныхъ инородцевъ. И Іоаннъ III и его преемники, Василій III и Іоаннъ Грозный, заняты были усиленной вербовкой ратныхъ людей.

Въ это время въ Московскомъ государствѣ сложился многочисленный классъ служилыхъ людей. Служилые люди образовались вначалѣ изъ прежней дружины князя, но впослѣдствіи въ этотъ служилый классъ вошло много разныхъ людей совсѣмъ иного происхожденія. Съ половины XVI вѣка на службу къ великому князю поступили многіе изъ князей, лишившихся своихъ удѣловъ. Князья эти привели съ собою своихъ бояръ и своихъ низшихъ служилыхъ людей. Кромѣ военныхъ слугъ, у князя были еще и слуги не военные, разные мастеровые и ремесленники. Нуждаясь въ войскѣ, московское правительство набирало военныхъ людей и изъ неслужилаго класса, то-есть изъ крестьянъ и изъ холоповъ и даже изъ духовенства. Многіе изъ крестьянъ или изъ холоповъ за свою службу получали отъ правительства мелкія вотчины или помѣстья и становились военно-служилыми людьми.

Для обезпеченія всѣхъ этихъ служилыхъ людей надо было много денегъ, а ихъ у Московскаго государства

было мало. Но зато было много земли и пустой и населенной крестьянами. И вотъ служилымъ людямъ стали раздавать, и какъ награду за службу и какъ средство для службы, земельные участки, помѣстья.

Служилые люди раздѣлялись на два разряда. Къ первому принадлежали чины московскіе, ко второму чины уѣздные или городовые: дворяне и дѣти боярскія. Помѣстье было по большей части владѣніемъ пожизненнымъ. Вотчина составляла полную наслѣдственную собственность.

Кромѣ русскихъ, правительство стало принимать на службу и иноземцевъ и ихъ тоже надѣляло землей. Уже въ XIV вѣкѣ были на русской службѣ бывшіе татарскіе царевичи и князья. Въ XV вѣкѣ такихъ служилыхъ татарскихъ царевичей и князей было очень много. Ихъ надѣляли землей и заставляли стеречь русскую землю отъ татаръ же.

Многіе изъ вотчинниковъ такъ обѣднѣли, что приходилось и ихъ за службу надѣлять помѣстьями. Помѣщики и вотчинники изъ всѣхъ силъ хлопотали о томъ, чтобы населить свои земли, такъ какъ служилый человекъ обязанъ былъ являться по первому требованію «люденъ, коненъ и оруженъ».

Много нужно было московскому правительству земли на помѣстья потому, что много нужно было войска. При Іоаннѣ III отправились на далекій сѣверо-востокъ не только мирные промышленники, но и войска московскія. Въ 1472 году была покорена пермская сторона, и русскіе воеводы ходили даже за Уральскія горы. Нельзя было Руси двигаться на востокъ и на юго-востокъ внизъ по Волгѣ, такъ она пошла въ обходъ, мимо Казанскаго царства, и завладѣла верховьями Камы и Вятки прежде, чѣмъ удалось захватить Казань.

Московскому правительству необходимо было зорко слѣдить за тѣмъ, что дѣлалось въ безпокойной Казани. Это было царство разбойничье, хищническое и его надо было держать въ страхѣ. И вотъ и Іоаннъ III, и Василій,

и Іоаннъ IV—всѣ они постоянно воюють съ Казанью. То посылають своихъ воеводъ, то сами идутъ походомъ на бывшее болгарское царство.

Въ Казани былъ царь, но власть этого царя была не сильна и не прочна. Главную силу составляли многочисленные знатные люди Казанскаго царства. Эти знатные, или лучшіе, люди только и дѣлали, что враждовали между собой. Въ дѣла казанскія вмѣшивались всѣ: и Москва, и крымскіе ханы, и ногайскіе князья. У всѣхъ были свои сторонники среди знатныхъ людей казанскихъ. Цари казанскіе смѣнялись безпрестанно, смотря по тому, какая сторона одержитъ верхъ. То овладѣють Казанью московскіе воеводы и посаждать здѣсь царемъ кого-нибудь изъ московскихъ служилыхъ царевичей, при этомъ всѣ знатные и простые люди казанскіе приводятся къ присягѣ за великаго князя по ихъ вѣрѣ. То вдругъ одержитъ верхъ крымская сторона. Угодный Москвѣ царь свергается съ престола или убивается и на его мѣсто возводится какой-нибудь родственникъ крымскаго хана. А казанская знать помогаетъ то Москвѣ, то Крыму, смотря по тому, что для нея выгоднѣе.

Такъ, Василій III, по просьбѣ разныхъ людей казанскихъ, посадилъ имъ царемъ астраханскаго царевича Шигъ-Алея. Но онъ чѣмъ-то не угодилъ казанскимъ вельможамъ, и они его взяли да и отправили обратно въ Москву, а на его мѣсто сдѣлали царемъ брата крымскаго хана, Саипъ-Гирея. Оба брата, крымскій ханъ и казанскій, производили въ русскихъ областяхъ такія опустошенія, какихъ на Руси ужъ давно не видали. Въ это время подъ властью Гиреевъ соединились всѣ три царства татарскихъ: крымское, казанское и астраханское.

Лѣтомъ 1523 года Василій III пошелъ на Казань за то, что тамъ убили русскаго посла и многихъ русскихъ людей. Въ Нижнемъ-Новгородѣ онъ остановился, а на Казань послалъ Шигъ-Алея съ воеводами. Въ это время по повелѣнію князя построили при устьѣ рѣки Суры деревянный городъ и назвали его Василь-городъ (впо-

слѣдствіи Василь-Сурскъ). Благодаря этому рѣка Сура перестаетъ быть пограничною рѣкою, а становится рѣкою Московскаго государства и закрѣпляется за Россіей. До тѣхъ поръ крайнимъ городомъ, откуда русскіе могли слѣдить за движеніями татаръ, былъ Нижній-Новгородъ. Василь-городъ имѣлъ и не одно только военное значеніе. Русскіе вели съ Казанью большую торговлю. Въ Казани была ежегодная ярмарка, на которую ѣздили русскіе купцы. Сношенія московскаго правительства съ татарами происходили черезъ гонцовъ. И вотъ для гонцовъ, а также и для купцовъ Василь-городъ можетъ служить мѣстомъ отдыха.

Около новаго города стали селиться люди ради рыболовства и другихъ промысловъ, а безъ города селиться опасались. Построеніе Василь-Сурска было важно и въ виду постоянныхъ походовъ русскихъ на Казань. Даже и въ томъ случаѣ, когда на казанскомъ престолѣ были цари, поставленные московскими воеводами, великій князь не могъ разсчитывать на ихъ вѣрность. Они были магометане и имъ трудно было оставаться вѣрными христіанскому князю. Не даромъ поставленный московскимъ княземъ казанскій царь Шигъ-Алей писалъ Іоанну Васильевичу: «Я масульманинъ и не могу вѣстать на свою вѣру».

Москвѣ очень важно было обезопасить себя со стороны безпокойныхъ сосѣдей, какими были казанцы, а для этого необходимо было завоевать Казань. Дѣло это было совершено Іоанномъ Грознымъ, первымъ царемъ Московскаго государства.

Первый походъ Іоанна Грознаго на Казань былъ принятъ еще въ 1545 году. Ратные люди были посланы на Казань съ двухъ сторонъ: одни должны были отпра-виться Волгою въ лодкахъ, другіе съ Перми и Вятки.

Пути, ведущіе къ Казани, были уже такъ хорошо извѣстны въ это время русскимъ людямъ, что русскіе воеводы сошлись подъ Казанью «во единъ часъ, какъ изъ единого двора», говоритъ лѣтописецъ. Запоздалъ только воевода изъ отдаленной Перми. Велѣдъ затѣмъ

слѣдоваль цѣлый рядъ походовъ на Казань. Положеніе Москвы было очень трудное. Надо было ладить съ крымцами, задабривать ихъ подарками. Надо было привлечь на свою сторону и ногайцевъ. Ногайцы всѣмъ давали почувствовать свою силу, такъ какъ у нихъ каждый взрослый мужчина былъ воиномъ. Астрахань, Казань, Крымъ, даже Бухара и Ташкентъ—все старались быть въ дружбѣ съ ногайцами.

Россія вступила въ сношенія съ ногайцами съ конца XV вѣка. Первые послы ногайскіе прибыли въ Москву вмѣстѣ съ ногайскими купцами, которые пригоняли въ Москву на продажу лошадей. Особенно дорожили дружбой съ тѣми князьями, что кочевали по Волгѣ. Русскіе всячески старались удержать ногайцевъ отъ нападеній на русскія окраины и отъ союза съ казанцами или крымцами, а, напротивъ, старались ссорить ихъ и съ тѣми и съ другими. Московскіе князья давно стали привлекать разныхъ татарскихъ людей къ себѣ на службу, селили ихъ въ своихъ областяхъ и нерѣдко посылали ихъ воевать противъ татаръ же. Такъ же точно старались они заставить и ногайцевъ стеречь русскія границы отъ крымцевъ. И князей ногайскихъ, и мурзъ, и даже ихъ женъ щедро одаривали; и случалось, что ногайцы были недовольны подарками и писали московскому князю:

«У верховья Волги лѣтуемъ, а на устьѣ зимуемъ. Самъ знаешь, что нѣтъ въ твоей землѣ мѣста, какого бы мы не видали».

Дѣла казанскія еще больше заставляли московское правительство заботиться о союзѣ съ ногайцами, такъ какъ казанцы постоянно обращались къ нимъ за поддержкой.

Въ 1549 году царь Іоаннъ IV, выведенный изъ терпѣнія постоянными измѣнами казанцевъ, самъ повелъ свое войско на Казань. Воеводамъ заранѣе было велѣно собираться изъ близкихъ мѣстъ въ слѣдующіе города: Суздаль, Шую, Муромъ, Ярославль и Юрьевъ, а самъ царь въ ноябрѣ отправился во Владимірѣ. Сюда же былъ

вызванъ и митрополитъ. Онъ уговаривалъ воеводъ не спорить о мѣстахъ и быть въ согласіи, и благословилъ русскихъ воиновъ «на земское дѣло».

Въ январѣ войско подступило къ Казани, но оттепель помѣшала осадѣ и въ февралѣ пришлось уйти. Царь остановился на рѣкѣ Свіягѣ, и ему пришло въ голову построить здѣсь городъ, «дабы учинить тѣсноту Казанской землѣ». Царскіе совѣтники похвалили эту затѣю, а казанскіе князья и Шигъ-Алей, бывшіе въ царскомъ станѣ, указали и мѣсто для города: на круглой горѣ, при впаденіи рѣки Свіяги въ Волгу. Рѣка Свіяга имѣла большое значеніе и по величинѣ, и по тому, что протекала по странѣ, населенной разными инородцами-язычниками. А они не мало помогали Казани противъ Россіи. Значить, очень важно было имѣть здѣсь городъ и наблюдать изъ него и за Казанью и инородцами. Царь совѣтовался въ Москвѣ съ братьями и боярами, а также съ Шигъ-Алеемъ, и вызванными въ Москву казанскими вельможами (ихъ здѣсь собралось около 500 человекъ). Совѣщались, главнымъ образомъ, объ основаніи города въ 20-ти верстахъ отъ Казани. Предполагали, что казанцы будутъ этому противиться. Надо было это дѣло ускорить и потому рѣшили срубить заранѣе въ Углицкомъ уѣздѣ деревянные зданія и церкви, а потомъ перевезти ихъ къ устью Свіяги. А чтобы казанцы не помѣшали постройкѣ, разослали множество казаковъ по всѣмъ перевозамъ на Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ. Они должны были стоять на всѣхъ этихъ мѣстахъ и караулить, чтобы «воинскіе люди изъ Казани и въ Казань не ѣздили». Въ маѣ 1551 года русскіе воеводы съ Шигъ-Алеемъ приплыли Волгою къ устью Свіяги, высадились на берегъ и стали очищать Свіяжскую гору отъ лѣса. Очистили, отслужили молебень съ водосвятиемъ и обошли крестнымъ ходомъ то мѣсто, гдѣ должна была стать городская стѣна. Прежде всего была, разумѣется, заложена церковь. Тѣхъ срубовъ, что привезли съ верхней Волги, достало только на половину горы, такъ какъ она оказалась гораздо больше, чѣмъ ожидали. Остальное

достроили на мѣстѣ дѣти боярскія и воеводы съ своими людьми. Постройка города продолжалась четыре недѣли. И сейчасъ же по построеніи города инородцы съ нагорной стороны (чуваши и черемисы) стали пріѣзжать къ Шигъ-Алею и къ воеводамъ, и изъявляли покорность русскому царю, лишь бы ихъ не воевали. Затѣмъ чувашскіе и черемисскіе князья, сотные и десятные, отправились въ Москву присягать царю за себя и за своихъ дѣтей. Они просили царя облегчить ихъ въ ясакахъ (ясакъ — подать) и дать имъ жалованную грамоту, какъ имъ вперёдъ жить. Освободили инородцевъ на три года отъ платежей и дали жалованную грамоту съ золотой печатью, князей же богато одарили деньгами и шубами. Затѣмъ инородцы нагорной стороны были приведены къ присягѣ на вѣрность русскому царю и обязались освободить всѣхъ плѣнныхъ. А «черные люди должны были платить дани и оброки, какъ прежде платили казанскимъ царямъ» (кромѣ чувашъ и черемисъ, упоминаются мордва, можары и тарханы). Инородцы должны были сейчасъ же и доказать свою вѣрность, сражаясь подъ Казанью вмѣстѣ съ русскими противъ своихъ прежнихъ повелителей. Построеніе Свияжска сразу же оказало свое дѣйствіе на казанцевъ. Всѣ казанскіе люди и въ городѣ и по селамъ увидали, что настала для нихъ бѣда неминуемая, что окружены они войсками со всѣхъ сторонъ, нѣтъ никуда проѣзда и неоткуда ждать помощи. Люди царя московскаго стоятъ по Волгѣ отъ Василя-города до Камы и по Камѣ, и по Волгѣ, по Камѣ и по Вяткѣ, на всѣхъ перевозахъ понаставлены стрѣльцы и дѣти боярскія. Крымскіе татары, жившіе въ Казани, поссорились съ казанцами, и многіе вельможи казанскіе пріѣхали служить къ московскому государю. Царь ихъ жаловалъ и отправлялъ служить въ Свияжскъ. Крымцы увидали, что дѣло плохо, и самые знатные изъ нихъ (въ числѣ 300 человекъ), награвивъ, что могли, убѣжали изъ Казани сначала на Каму, а потомъ на Вятку. Тутъ ихъ вятчане съ казаками побили, взяли въ плѣнъ и отправили въ Москву. Казанцы

предложили царю выдать Сафа - Гиреева сына, котораго они было приняли царемъ, и соглашались опять признать царемъ Шигъ-Алея.

Въ Казани Шигъ-Алей скоро опять возстановилъ всѣхъ противъ себя. Татары думали, что, покорившись царю, они вернуть себѣ назадъ нагорную сторону Волги. Но они не только ничего не получили, а сами обязались выдать всѣхъ русскихъ плѣнныхъ. У нихъ всегда было ихъ много, а въ малолѣтствѣ Іоанна IV бояре мало заботились о безопасности государства, и татары казанскіе то и дѣло опустошали русскія владѣнія и уводили людей. Шигъ-Алеемъ были недовольны даже и сторонники русскаго царя. Они согласны были лучше получить русскаго намѣстника, какъ въ Свіяжскѣ. Многіе изъ вельможъ стали присягать русскому царю въ Свіяжскѣ и въ самой Казани, а вельдъ за ними стали присягать и простые сельскіе люди, жаждавшіе мира и спокойствія. Но были и такіе, что не хотѣли такъ легко покориться Москвѣ и стали сноситься съ ногайцами и просили у нихъ царя. Ногайскій князь, отчасти и подъ вліяніемъ турецкаго султана, прислалъ въ Казань своего родственника, астраханскаго царевича Едигера.

Все это заставило Іоанна рѣшиться покончить съ Казанью. Русскіе воеводы были отправлены заранѣе впередъ въ городъ Свіяжскъ.

Передъ самымъ выступленіемъ въ походъ къ царю пришло извѣстіе о нападеніи крымскаго хана съ юга. Но крымскій ханъ не могъ овладѣть городомъ Тулой и ушелъ назадъ. Надо было опасаться, что и ногайскій князь Юсуфъ станетъ помогать своему родственнику Едигеру. Поэтому нѣкоторымъ воеводамъ съ отдѣльными отрядами было велѣно идти правой стороною Волги въ разстояніи пяти дней ѣзды отъ главнаго войска, шедшаго подъ начальствомъ царя.

Войско было жестоко утомлено переходомъ, но въ Свіяжскѣ его ждалъ отдыхъ и огромное количество съѣстныхъ припасовъ, привезенныхъ сюда по Волгѣ. Пока

войско отдыхало, царь старался всѣми силами привлечь на свою сторону нагорныхъ инородцевъ.

Когда всѣ войска собрались, то приступили къ осадѣ Казани. 150.000 войска съ 150 пушками окружило городъ, защищенный лишь деревянными стѣнами. Но за этими стѣнами скрывалось 30.000 отборнаго войска, проникнутаго отчаяннымъ мужествомъ. Цѣлыхъ шесть недѣль длилась осада. Казанцы хотѣли дорого продать свою жизнь и независимость и бились съ ожесточеніемъ. Русскимъ, несмотря на всю ихъ силу и искусство (въ войскѣ русскомъ былъ ученый нѣмецъ, искусный въ разореніи городовъ), было очень трудно одолѣть татаръ.

И русскіе и татары были охвачены и религіозной ревностью. И тѣ и другіе хотѣли постоять за свою вѣру. Присутствіе царя тоже много помогало общему одушевленію. Русскіе переняли у казанцевъ воду изъ рѣки Казанки и изъ потайнаго ключа, такъ что имъ приходилось пить гадкую, гнилую воду, отъ которой они болѣли и умирали. Но казанцы долго терпѣли всѣ мученія и не сдавались, пока не взорваны были окопы и стѣны и русскіе ворвались въ городъ. Большая часть казанцевъ погибла во время осады, царь Едигеръ попался въ плѣнъ. 2-го октября 1552 года взята Казань. Когда очистили городъ отъ труповъ, царь собственными руками водрузилъ крестъ и заложилъ церковь Благовѣщенія; на третій день она уже была готова и освящена.

Итакъ, вотъ когда, наконецъ, завоевали русскіе ту область, въ какую они стремились еще задолго до нашествія татаръ. Завоеваніе это было подготовлено многими обстоятельствами. Прежде всего слабостью и разложеніемъ самого татарскаго царства. Не только разныя татарскія орды враждовали между собой, но и въ самой Казани были постоянные разногласія и раздоры, которые лишь помогали вмѣшиваться въ дѣла казанскія не только единовѣрцамъ-ногаймъ и крымцамъ, но и христіанскому государю. Еще задолго до завоеванія Казань уже давно утратила свою самостоятельность и постоянно была въ

зависимости то отъ Крыма, то отъ Москвы, то отъ ногайцевъ. И виновата въ этомъ была больше всего казанская знать — лучшіе люди казанскіе. Они не думали о государственной пользѣ и благоустройствѣ, а заботились только о своихъ личныхъ выгодахъ.

Но русскіе и сами много сдѣлали для того, чтобы приготовить завоеваніе Казани. И частные люди и правительство постоянно заботились о заселеніи пустыхъ незанятыхъ земель по Волгѣ, и заселенія эти зашли такъ далеко, какъ только было возможно. Затѣмъ не маловажную услугу оказало и движеніе русскаго населенія на Каму и Вятку. Этимъ путемъ обошли кругомъ казанскія владѣнія, и это было очень важно для завоеванія Казани. Она оказалась окруженной русскими со всѣхъ сторонъ, и войска русскія могли подходить къ ней и съ Волги и съ Камы.

Но разъ овладѣли среднимъ Поволжьемъ, надо было овладѣть и устьемъ ея, надо было завоевать и Астрахань. Астраханское царство образовалось въ низовьяхъ Волги послѣ паденія Золотой орды. Здѣсь, недалеко отъ развалинъ древней хозарской столицы Итиля, былъ построенъ татарами городъ Астрахань. Астрахань, благодаря своему выгодному положенію, скоро получила большое торговое значеніе, главнымъ образомъ какъ складочное мѣсто для азіатскихъ товаровъ, привозимыхъ сюда по Каспійскому морю. Астраханское царство было во многомъ похоже на Казанское: тотъ же народъ, та же религія, та же многочисленная знать. Но Астрахань была слабѣе Казани, и ей то и дѣло завладѣвали то крымцы, то ногайцы. Сношенія Москвы съ Астраханью начались со второй половины XV столѣтія. Астрахань отправляла пословъ въ Москву ради княжескихъ подарковъ. А Москва хотѣла заручиться союзомъ съ Астраханью противъ крымскихъ Гиреевъ. Астраханскіе царевичи давно стали поступать на русскую службу. Въ то время, какъ одинъ астраханскій царевичъ Едигеръ бился съ русскими на смерть въ Казани, другой астраханскій царевичъ Шигъ-Алей былъ

въ русскомъ станѣ, а третій Дербышъ жилъ въ Звенигородѣ.

Въ октябрѣ 1554 года давнишній союзникъ Москвы, ногайскій князь Измаиль, просилъ черезъ пословъ царя Іоанна, чтобы онъ оборонилъ его отъ астраханскаго царя Ямгурчея, послалъ бы свою рать на Астрахань и посадилъ бы тамъ царемъ того самаго Дербыша, что жилъ въ Звенигородѣ.

Просьбу Измаила исполнили.

Астраханское царство было такъ слабо, что 30.000 русскаго войска вполне легко овладѣли Астраханью. Русскимъ воеводамъ пришлось выдержать всего одно сраженіе съ отрядомъ Ямгурчея. Царь убѣжалъ изъ города, и русскіе его заняли безъ всякаго труда. Астраханское войско разбѣжалось въ разныя стороны, семья царская попалась въ плѣнъ.

Русскіе воеводы посадили на царскій престолъ царевича Дербыша, а астраханскихъ жителей привели къ присягѣ. Вмѣстѣ съ простыми людьми присягали и астраханскіе вельможи, обѣщая служить прямо и московскому государю и царю Дербышу. Они обязались отпустить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, гдѣ бы они ни были взяты или куплены. Самъ Дербышъ обязанъ былъ посылать въ Москву ежегодно 40.000 алтынъ денегъ и 3.000 рыбъ. Рыболовы царскіе получили право ловить рыбу въ рѣкѣ Волгѣ отъ Казани до самаго моря «безданно и безъявочно».

Съ царемъ Дербышемъ вскорѣ случилось то, что постоянно случалось и съ царями казанскими. Онъ измѣнилъ московскому государю и вступилъ въ союзъ съ ногайцами. Какъ магометанинъ и татарскій царевичъ, Дербышъ не могъ быть во враждѣ съ своими единовѣрцами, съ крымскимъ ханомъ и съ ногайцами, и не могъ оставаться вѣрнымъ данникомъ христіанскаго государя. Москвѣ ничего не оставалось, какъ взять Астрахань приступомъ, низложить Дербыша и поставить вмѣсто него русскаго намѣстника, какъ и въ Казани. Такъ и поступили.

Несмотря на крымскую помощь Дербышу, взять Астрахань было не трудно. Когда русскіе подошли къ городу, то нашли его пустымъ: царь и его подданные бѣжали. Русскія войска заняли Астрахань, укрѣпили ее и утвердили за Россіей. Оказалось, что еще раньше главнаго войска приходили казаки, побили и поплѣнили здѣсь множество людей. Дербыша нагнали за 20 верстъ отъ Астрахани, и послѣ нѣсколькихъ сраженій онъ началъ просить милости, говоря, что измѣнилъ государю неволею.

Ногайцы прогнали Дербыша въ городъ Азовъ, отобрали у него пушки и прислали ихъ въ Астрахань.

Затѣмъ князья, мирзы и вся чернь астраханская присягнули царю русскому. Роздали всѣмъ острова въ устьяхъ Волги и пашни по старинѣ, а черныхъ людей обязали платить ясаки, какъ они платили царямъ прежде. Царя уже больше въ Астрахани не ставили, а управляли ей русскіе воеводы.

Такъ овладѣли, наконецъ, русскіе и устьемъ великой рѣки.

5. Какъ заселялось нижнее Поволжье послѣ завоеванія Казани и Астрахани.

Завоевать Казань и Астрахань значило завоевать Волгу. Но мало завоевать, надо еще покорить, смирить всѣ тѣ разноплеменные народы, что жили по Волгѣ, и надо заселить Поволжье русскими людьми. Тогда только Волга станетъ дѣйствительно русскою рѣкой. И покореніе и заселеніе ея было дѣломъ нелегкимъ, и совершилось оно не сразу, а исподволь и постепенно.

Казань пала, но мы видѣли, какъ давно готовилось это паденіе. И готовилось оно не одними только смутами внутри самого Казанскаго царства, но и усиліями и заботами московскаго правительства. Не меньше заботъ и усилій придется ему потратить и на полное покореніе и замиреніе новаго края. Заботы эти начались тотчасъ же по завоеваніи. Какъ мы видѣли, одной изъ причинъ па-

денія Казанскаго царства была крайняя пестрота его населенія. Въ Казанскомъ царствѣ столько было разныхъ племенъ, что ихъ трудно было держать въ повиновеніи; и мы видѣли, какъ легко нѣкоторыя изъ нихъ измѣняли Казани и переходили на сторону царя русскаго. Правительству московскому также трудно будетъ справляться со всѣми этими новыми подданными. Въ Казани еще осталось не мало татарской знати, привыкшей самовластно распоряжаться при постоянно смѣнявшихся татарскихъ царяхъ, какъ они, разумѣется, не могли распоряжаться при новыхъ завоевателяхъ. Она рада бы была вернуть старый порядокъ, такъ какъ онъ ей давалъ не только власть, но и большія денежныя выгоды. Теперь и то и другое перешло въ руки русскихъ. Могли ли эти лучшіе люди бывшаго Казанскаго царства не относиться враждебно къ побѣдителямъ? Могли ли они не желать свергнуть ненавистную власть? Они находили себѣ къ тому же поддержку и во многихъ инородцахъ, особенно въ ихъ начальникахъ, «князьяхъ сотенныхъ». Инородцы всегда были не прочь пограбить и поразбойничать, а это имъ было гораздо удобнѣе дѣлать при господствѣ татаръ, которые все же еще оставались хищниками. Кромѣ того, ихъ могла связывать съ казанцами и общая религія, такъ какъ мы знаемъ, что многіе инородцы съ давнихъ поръ, еще при болгарахъ, были магометанами. Вражда къ завоевателямъ усиливалась еще и поведеніемъ бояръ московскихъ, распоряжавшихся въ Казани. Они гораздо больше думали о своихъ личныхъ выгодахъ, чѣмъ объ устроеніи новаго края. Поборы ихъ на свое кормленіе были весьма тяжелы для жителей. Возстанія начались уже черезъ два мѣсяца послѣ завоеванія Казани и продолжались много лѣтъ. Русскіе воеводы при умирненіи этихъ возстаній прежде всего обращали свое вниманіе именно на лучшихъ людей бывшаго Казанскаго царства: они были главными зачинщиками и подстрекателями, и ихъ старались истреблять безпощадно. И дѣйствительно, можно сказать, что возстанія прекратились лишь тогда,

когда извелись всѣ лучшіе казанскіе люди, князья, мирзы и казаки. Многихъ изъ знатныхъ и богатыхъ казанцевъ царь Іоаннъ Васильевичъ вывелъ вмѣстѣ со средними людьми и роздалъ имъ помѣстья въ городахъ и волостяхъ московскихъ, новгородскихъ и псковскихъ, а въ городѣ Казани на посадѣ и по селамъ водворились русскіе служилые и неслужилые люди.

Непокорнымъ туземцамъ казанскаго края много помогало то, что они хорошо знали всю страну и легко могли скрываться отъ своихъ преслѣдователей. Вся страна была покрыта сплошными, часто почти непроходимыми лѣсами. Лѣса эти во многихъ мѣстахъ прорѣзывались рѣками и рѣчками, и ихъ теченіе было хорошо извѣстно туземцамъ, но зато совершенно неизвѣстно русскимъ. Мѣстомъ соединенія всѣхъ мятежниковъ была обыкновенно р. Волга, куда они легко добирались по своимъ многочисленнымъ рѣчкамъ. Многіе изъ инородцевъ, напримѣръ чуваши, были хорошими судоходцами. И на Волгѣ долго продолжались ихъ грабежи и разбои. Имъ тутъ было чѣмъ поживиться: то нападуть на суда съ разными товарами, то разграбятъ большія и зажиточныя села и поселки около Волги.

Въ самомъ началѣ возставшіе построили было для себя городокъ на р. Мешѣ въ 70 вер. отъ Казани, да и въ другихъ мѣстахъ тоже были построены городки. И случалось не разъ, что мятежники одерживали верхъ надъ русскими воеводами. Но потомъ всѣ ихъ городки были разрушены. Ногайцы, на которыхъ они было рассчитывали, настоящей имъ поддержки не оказали, и возстаніе серьезнаго успѣха не имѣло. Но какъ бы то ни было, инородцы еще долго беспокоили русскія области своими нападеніями и грабежами.

Первой заботой правительства было охранять устья рѣкъ, впадающихъ въ Волгу, такъ какъ эти рѣки были главными дорогами для мятежниковъ во время ихъ нападеній на Поволжье. Значить, надо было позаботиться о постройкѣ укрѣпленій въ устьяхъ волжскихъ прито-

ковъ. И вотъ постепенно, одинъ за другимъ, возникаютъ разные города. До сихъ поръ было только два укрѣпленныхъ города — Казань и Свіяжскъ. Этого, разумѣется, было мало. И притомъ города нужны были не только для наблюденія за непріятелемъ. Необходимы они были и для судовъ, плавающихъ по Волгѣ, — въ нихъ они могли запасаться припасами, могли получать для себя защиту отъ грабителей.

Въ 1555 году основывается городъ Чебоксары при устьѣ рѣчки Чебоксарки, на мѣстѣ старинной чувашской деревни. Отсюда, какъ изъ Казани и Свіяжска, высылаются отряды противъ бунтующихъ инородцевъ и сюда же являются ихъ начальники заявлять о своей покорности. Этотъ новый городъ былъ построенъ на нагорной сторонѣ Волги, какъ Василь-Сурскъ и Свіяжскъ. Очевидно, имѣли въ виду сильные весенніе разливы какъ Волги, такъ и другихъ рѣкъ. Въ 1574 году вспыхнуло возстаніе среди черемисъ, и, по повелѣнію царя, возникаетъ новый городъ между Чебоксарами и Свіяжскомъ уже по луговой сторонѣ, но опять-таки среди устьевъ двухъ рѣкъ — Большой и Малой Кокшагъ, Кокшайскъ; первое время его въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ называли просто «новымъ городомъ». Незадолго уже до смерти Іоанна Грознаго начинается снова бунтъ среди черемисъ. Бунтъ этотъ былъ особенно опасенъ, такъ какъ они завели сношенія съ крымскимъ ханомъ, а по рѣкѣ Камѣ угрожали ногайцы.

И вотъ опять почти посрединѣ между Василь-Сурскомъ и Чебоксарами, на нагорной сторонѣ, возникаетъ городъ Козьмодемьянскъ. На высокомъ курганѣ подлѣ этого города устроенъ былъ сторожевой маякъ для наблюденія за черемисами. Построенъ городъ противъ устья рѣчки Рутки и недалеко отъ устья другого важнаго притока Волги, Ветлуги. Но, кромѣ черемисъ, чувашъ и др. инородцевъ, былъ у Россіи и другой опасный врагъ: это ногайцы, которые по лѣтамъ кочевали съ своими стадами за Волгой и доходили до самой Камы. Мы знаемъ, какъ

давно стало считаться съ этимъ врагомъ Московское государство.

Со стороны ногайцевъ были особенно опасны мѣста, удобныя для переправы черезъ Волгу или Каму, такъ называемые «перевозы». Вотъ эти-то перевозки и нуждались въ защитѣ и наблюденіи, и на нихъ возникаютъ вскорѣ укрѣпленные города. Таковъ былъ городокъ Лаишевъ на правой возвышенной сторонѣ Камы, недалеко отъ устья этой рѣки. Такое же значеніе имѣлъ и городъ Тетюшевъ, построенный на правой сторонѣ Волги. Въ городахъ этихъ обыкновенно водворяются прежде всего стрѣльцы и дѣти боярскія. Ихъ переводили сюда, вѣроятно, изъ другихъ городовъ русскихъ. Каждый изъ вновь построенныхъ городовъ имѣлъ своего воеводу и свой уѣздъ.

Все русскіе города съ перваго взгляда были похожи другъ на друга. Въ срединѣ строился самый городъ, т.-е. крѣпость, иногда каменная, но чаще всего деревянная. Иногда городъ бывалъ еще окруженъ землянымъ валомъ. Въ городѣ находилась соборная церковь, съѣзжая, или приказная, изба, гдѣ судить и рядить воевода, губная изба для дѣлъ уголовныхъ, пороховой погребъ, тюрьма, дворъ архіепископа, воеводскій дворъ и дворы сосѣднихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, въ которые они переѣзжали въ случаѣ непріятельскаго нападенія. За стѣною былъ посадъ съ большой площадью. На ней въ базарные дни торговали разными товарами, тутъ же былъ и гостинный дворъ, таможня, земская изба. Далѣе шли дворы тяглыхъ людей посадскихъ, и во дворахъ ихъ стояли довольно плохія избы съ банями и клѣтками. Среди этихъ бѣдныхъ дворовъ виднѣлись церкви, по большей части деревянные и небольшія.

Слободы около города тоже заселялись отчасти правительствомъ, отчасти вольными, охочими людьми, пахарями и ремесленниками.

На посадѣ около города Лаишева поселили плѣнниковъ изъ туземцевъ, принявшихъ христіанство, и пожаловали ихъ пашнями и сѣнокосами около Лаишева.

Первымъ дѣломъ въ новомъ городѣ, какъ и прежде, строится церковь. Со временемъ основывается около него и монастырь. Въ Казанскомъ краѣ первые монастыри тоже строились обыкновенно или въ самомъ городѣ или около него. Такъ было безопасно и спокойно въ виду постоянныхъ волненій среди вновь покоренныхъ татаръ и инородцевъ. Къ новой казанской епархіи присоединили Василь-Сурскъ и всю вятскую землю. Первымъ казанскимъ и свѣяжскимъ архіепископомъ былъ избранъ Гурій. Съ нимъ вмѣстѣ отправились два архимандрита, Германъ и Варсонофій.

Всѣ три святителя оставили по себѣ память какъ проповѣдники христіанства среди инородцевъ казанскаго края. Варсонофій еще въ ранней молодости пробылъ три года въ плѣну у крымскихъ татаръ, научился хорошо ихъ языку и грамотѣ, и это было очень важно для успѣха его проповѣди среди инородцевъ; онъ могъ говорить съ ними на понятномъ для нихъ языкѣ. Вмѣстѣ съ этими святителями прибыло сюда, разумѣется, и простое духовенство: священники и монахи, такъ какъ монастыри въ Казани и Свѣяжскѣ являются вскорѣ послѣ завоеванія. Обращеніе въ христіанство язычниковъ и магометанъ вело за собой подчиненіе инородцевъ русскому государству и помогало ихъ замиренію. Но, помимо этого, монастыри русскіе всюду были отличными хозяевами, умѣли привлекать населеніе на свои земли разными льготами и выгодами и такимъ образомъ оказали огромную услугу государству, заселяя пустыя земли.

Итакъ, первыми поселенцами были служилые люди и духовенство. Это были люди, отправленные сюда властью, правительствомъ, такъ сказать по обязанностямъ своей службы. И этихъ людей необходимо было всѣхъ обезпечить, дать имъ средства кормиться за ихъ службу государству. Какъ только казанскіе лучшіе люди были такъ или иначе удалены изъ Казани, такъ и приступили къ раздачѣ земель. Въ 1587 году поставленный царемъ казанскій намѣстникъ Петръ Ивановичъ Шуйскій опре-

дѣлили всѣ села, бывшія во владѣніи у казанскихъ царей и князей, раздѣлить между государемъ, намѣстникомъ, духовенствомъ и дѣтьми боярскими. Въ то же время по опустѣлымъ селамъ около Казани поселили русскихъ людей, и стали они пахать землю вмѣстѣ съ новокрещеными и чувашами. Въ Казанскомъ царствѣ было мало городовъ, но земли населенной было не мало. Тутъ жили и татары, и мордва, и чуваша, ближе къ Нижнему—черемисы. Всѣ эти инородцы жили смѣшанно, такъ что совершенно невозможно опредѣлить точно, гдѣ именно жили тѣ или другіе изъ нихъ. Мы знаемъ, что при покореніи царства Казанскаго государь московскій, принимая отъ новыхъ подданныхъ присягу, объявлялъ имъ, что отнынѣ они будутъ платить ясакъ ему, какъ прежде платили царямъ казанскимъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ населенныхъ инородцами земель были розданы въ помѣстья служилымъ людямъ. Духовенству же достались земли большей частью по Волгѣ почти вовсе безъ населенія.

Кромѣ людей, переселенныхъ на Волгу по волѣ правительства, сюда вскорѣ стали приходять и вольные поселенцы, крестьяне изъ разныхъ областей Московскаго государства и всѣ тѣ, кому почему-либо было плохо на старомъ мѣстѣ. А плохо было по многимъ причинамъ. Начать съ того, что уже стало тамъ тѣсно. То подсѣчное хозяйство, какое народъ велъ на верхне-волжскомъ суглинкѣ, загоняло его все дальше и дальше въ лѣса. Мы видѣли, какъ богаты были эти лѣса разной дичью, звѣремъ и медомъ.

До XVI вѣка на Руси было занято этими лѣсными промыслами множество народа. Существовали цѣлыя деревни бобровниковъ, бортниковъ и рыболововъ.

Пчела водилась въ средней лѣсистой и умѣренной полосѣ Россіи, и бортничество было очень развито въ этой мѣстности. Повсюду стучали топоры, собирався медъ изъ готоваго склада бортныхъ деревьевъ, и маленькая пчелка давала жизнь множеству селъ и деревень и кормила тысячи народа.

Къ XVI вѣку лѣса повыврубили, бортныхъ деревьевъ стало меньше, дичь и звѣри также или истребились или же ушли въ болѣе дикія и далекія мѣстности, рыбы въ рѣкахъ тоже со временемъ стало меньше. До XVI вѣка въ этой области жили лоси, олени, косули, соболи, бобры, но къ концу XVI вѣка они уже попадались гораздо рѣже.

Между тѣмъ русскій человѣкъ привыкъ къ этимъ промысламъ, заставлявшимъ его вести полубродячую жизнь, и ему трудно было приняться за правильную работу, трудно было вести осѣдлую жизнь пахаря. Когда лѣса вырубались, звѣри и дикія пчелы изсякли, явились цѣлыя толпы гулящихъ людей, явились тысячи бездомныхъ людей и многіе изъ нихъ устремились на Волгу, гдѣ ихъ ждали густые нетронутые лѣса, полные и дичи и меду.

Не мало и крестьянъ бросало свои земли и бѣжало на Волгу, гдѣ ихъ охотно принимали и новые города, и монастыри, и частные владѣльцы, получившіе пустыя земли. Что же гнало крестьянъ со стараго насижennaго мѣста? Гнало ихъ тяжелое, безвыходное положеніе. Крестьянинъ обыкновенно жилъ на чужой землѣ. Хозяинъ земли давалъ ему дворъ и мѣсто для постройки, давалъ хлѣбъ до новаго урожая, давалъ земледѣльческія орудія и, кромѣ того, давалъ на извѣстное время льготу, освобождалъ его не только отъ своихъ оброковъ и повинностей, но и отъ государственныхъ податей. Все это давалось въ долгъ. Крестьянинъ имѣлъ право ежегодно послѣ Юрьева дня, осенняго, уйти отъ своего помѣщика, но, уходя, онъ обязанъ былъ выплатить весь долгъ свой хозяину. А мы видимъ, какъ былъ громаденъ этотъ долгъ. Не имѣя возможности расплатиться, крестьянинъ лишался на дѣлѣ и права свободнаго перехода. Ему оставалось одно: бѣжать и скрываться. И такіе задолжавшіе крестьяне составляли бѣглыхъ, что появились въ разныхъ областяхъ русскихъ и между прочимъ и на Волгѣ. Эти бѣглые, а также и гулящіе люди,

или бродники, какъ ихъ тогда называли, много помогли заселенію Волги.

Уже въ 60-хъ годахъ XVI столѣтія около Свіязска были большія слободы, населенныя большей частью русскими. Вскорѣ послѣ раздѣла земель была произведена имъ опись: какія земли заняты и кѣмъ, и какія лежатъ впустѣ и никѣмъ не заняты, и ихъ можно будетъ потомъ раздать въ помѣстья. По этой описи видно, кому земля дана и чья она была прежде, сколько въ помѣстьѣ дворовъ крестьянскихъ или инородческихъ, сколько доброй земли, сколько перелогу, зарослей, лѣсу пашеннаго и непашеннаго.

Вообще вначалѣ поселенцы охотиѣ брали себѣ тѣ земли, какія были прежде обработаны и брошены туземцами, т.-е. пустоши, селища и городища. Но потомъ стали распахивать и дикія поля, нови, стали селиться на черномъ дикомъ лѣсу, вырубали этотъ лѣсъ, осушали болота. Но это было уже долго спустя послѣ завоеванія, когда край замирился и когда съ нимъ освоились. Вначалѣ же новоселы выбирали себѣ мѣста поближе къ городу и такія, какія было легче обработать. Новоселу-крестьянину приходилось обзаводиться всѣмъ, начиная съ земледѣльческихъ орудій и кончая избой. А кромѣ всѣхъ тѣхъ трудностей и затратъ, какія неизбѣжны на новомъ мѣстѣ, приходилось жить въ постоянномъ страхѣ, приходилось каждую минуту быть готовымъ, что вотъ налетятъ инородцы, все разорять, сожгутъ, перебьютъ всю семью.

Духовенству и монастырямъ казанскимъ и свіязскимъ достались земли безъ всякаго населенія и было не легкой задачей приманить сюда людей въ первое время, несмотря на всѣ льготы и выгоды. И правительству и служилымъ людямъ тоже важно было заселять свои земли: и ради дохода и ради закрѣпленія края за русскими. Служилые люди вѣдь должны были являться по первому требованію «людны, конны и оружны», а для этого нужны и люди и средства.

Надо замѣтить, что земли въ Свіяжскомъ уѣздѣ заселились раньше и быстрее, чѣмъ въ Казанскомъ. Тамъ раньше утвердилась русская власть, и инородцы были мирнѣе. Но мало-по-малу край успокаивается и русское населеніе все увеличивается и поселенцы все приливаютъ сюда изъ разныхъ областей Московскаго государства. Судя по прозвищамъ: нижегородецъ, балахонецъ, ярославецъ, большая часть переселенцевъ была съ верхней Волги или съ волжскихъ притоковъ.

Такъ вотъ когда возобновилось старинное движеніе русскаго народа внизъ по Волгѣ въ бывшее болгарское царство. Богатый, плодородный край при устьѣ могучаго притока Волги—Камы не могъ не привлекать къ себѣ какъ того, кому плохо жилось на старомъ мѣстѣ, такъ и того, кто искалъ выгоды, добычи... Слишкомъ много было богатствъ въ новомъ краѣ. Въ лѣсахъ можно добыть дорогихъ мѣховъ сколько угодно, а въ Волгѣ и въ ея притокахъ столько водится разной рыбы. Не только мирному земледѣльцу, но и смѣлому предпріимчивому промышленнику было изъ-за чего рисковать, селиться въ новомъ неизвѣстномъ краю, полномъ разныхъ опасностей и лишеній на первыхъ порахъ.

Про среднее Поволжье, про бывшее Казанское царство, можно сказать, что оно стало русскимъ еще при Іоаннѣ IV. Но ниже берега Волги оставались еще долго пустынными или же были заселены кое-гдѣ инородцами. Іоанна Грознаго отвлекали войны съ Ливоніей, Швеціей, Польшей, и онъ отложилъ постройку укрѣпленныхъ городовъ по Волгѣ, несмотря на всѣ просьбы ногайскаго князя Исмала. Въмѣсто того были устроены по Волгѣ въ разныхъ мѣстахъ сторожи. Сторожи—это возвышенныя мѣста, на которыхъ постоянно находились военные люди и наблюдали, что дѣлается въ степи или на Волгѣ. Сторожи эти располагались невдалекѣ другъ отъ друга, такъ что вѣсти передавались черезъ нихъ очень быстро. Сторожи эти были устроены на самарскомъ устьѣ, на Переволокѣ и на Ирғизѣ, на мѣстахъ, особенно опасныхъ со стороны

крымцевъ и со стороны казаковъ, часто нападавшихъ на суда на Волгѣ.

Казаками назывались въ старину всѣ безсемейные, бездомовные люди, нанимавшіеся въ батраки. Потомъ казаки образовали цѣлыя общества вольныхъ людей, которымъ была не по душѣ жизнь въ Московскомъ государствѣ. Они уходили въ степи и тамъ составляли какъ бы особое войско, защищающее границы степей отъ вторженій сосѣдей. Но среди степей, вдали отъ Москвы, они мало-по-малу теряли связь съ государствомъ, привыкли къ жизни на своей волѣ и совсѣмъ переставали подчиняться правительственной власти. Нерѣдко они вели себя какъ настоящіе воры-разбойники и грабили кого попало: и чужихъ и своихъ. Ногайскіе князья жаловались на ихъ обиды еще въ малолѣтствѣ Іоанна IV. Въ послѣдніе годы его царствованія грабежи и разбои казаковъ по Волгѣ усилились; отъ нихъ много терпѣли и торговые суда и послы.

При Ѳедорѣ Іоанновичѣ и Борисѣ Годуновѣ продолжаютъ строить города на Волгѣ на нагорной сторонѣ и на луговой и также населяютъ ихъ русскими людьми. Кромѣ городовъ, продолжаютъ появляться деревни и починокъ, и они мало-по-малу спускаются по Волгѣ все ниже и ниже. Села и деревни все растутъ, увеличиваются, и съ каждымъ годомъ волжскіе берега все больше и больше заселяются русскими. Изъ городовъ были построены въ это время Цивильскъ, Уржумъ и Царевококшайскъ.

Первымъ городомъ, построеннымъ по нижнему теченію Волги при Борисѣ Годуновѣ, была Самара (1586 года) при впаденіи рѣки Самары въ Волгу. Это было одно изъ мѣстъ, о которыхъ писалъ въ Москву еще ногайскій князь Измаилъ, считая ихъ особенно опасными. Особенно было опасно то мѣсто, гдѣ Волга дѣлаетъ огромный изгибъ, извѣстный подъ названіемъ Самарской луки. Въ XVI и XVII вѣкахъ Самарская лука была покрыта непроходимыми лѣсами. Въ дуплахъ вѣковыхъ деревьевъ пчелы клали медъ, а въ густь непроходимыхъ лѣсовъ

водилась масса пушныхъ звѣрей, такъ что пчелиный и звѣриный промыслы привлекали сюда съ давнихъ поръ и русскихъ и инородцевъ. Рѣка Уса, протекающая почти поперекъ всей луки, кромѣ рыбы, богата еще и прекрасными лугами. Мѣстность эта, покрытая черноземомъ, была очень удобна для поселенія русскихъ людей. Но въ то же время Самарская лука издавна служила притономъ ворами и разбойникамъ. Это было самое удобное мѣсто для нападенія на суда, идущія по Волгѣ. Воровскіе казаки сторожили съ вершины высокой горы, когда покажется на Волгѣ торговое судно или царскій караванъ съ товарами, садились на свои легкіе челны и подымались вверхъ по Усѣ до тѣхъ поръ, гдѣ эта рѣка близко подходитъ къ Волгѣ, переволакивали здѣсь по землѣ свои лодки и поспѣвали обыкновенно на Волгу гораздо раньше, чѣмъ приспѣютъ суда обогнуть Самарскую луку. Тутъ они съ крикомъ нападали на суда, грабили добычу и нерѣдко убивали всѣхъ провожатыхъ. Въ XVI вѣкѣ это мѣсто нуждалось въ защитѣ не только отъ казаковъ, но и отъ ногайцевъ, на вѣрность которыхъ еще нельзя было вполне рассчитывать. Вслѣдъ за Самарой были построены и другіе два города, Царицынъ и Саратовъ. Первый былъ построенъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ сближаются теченія обѣихъ рѣкъ: Волги и Дона. Но затѣмъ послѣ смерти Бориса Годунова наступило смутное время, и заселеніе Волги правительствомъ пріостановилось до тѣхъ поръ, пока не воцарился на Руси Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ. При немъ принимаются мѣры противъ волжскихъ воровскихъ казаковъ. Къ нимъ примкнули разные бѣглые люди, холопы, преступники, и они забрали большую волю въ тѣ смутныя времена, когда и по всей Руси всюду грабили и разбойничали разныя воровскія шайки. У правительства слишкомъ мало было средствъ, чтобы бороться съ этою волжскою вольницей, и она долго еще продолжаетъ грабить по Волгѣ.

Въ 30-хъ годахъ XVII вѣка появляются въ астраханскихъ степяхъ на Волгѣ изъ-за Алтая новыя азіатскіе

кочевники—калмыки. Они кочуютъ на притокахъ Волги, нападаютъ на русскія поселенія, на городъ Самару и на прикамскія страны. Въ концѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича русскому правительству удастся завести съ калмыками мирныя сношенія и привести ихъ къ присягѣ. Но на ихъ присягу такъ же мало можно было полагаться, какъ когда-то на присягу казанскихъ и астраханскихъ татаръ и ногайцевъ. Въ защиту отъ всѣхъ этихъ безпокойныхъ людей, чужихъ и своихъ, устраиваются правительствомъ укрѣпленныя черты. Черта—это земляной валъ, защищенный рвомъ, тыномъ, засѣками, башнями и острогами. Въ 1648 году при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ былъ построенъ городъ Симбирскъ, и отъ него начали строить симбирскую черту для защиты праваго берега Волги. Сюда правительство насильно переводило переселенцевъ изъ сѣверныхъ областей. Позднѣе былъ начатъ цѣлый рядъ укрѣпленій южнѣ Симбирска, отъ Сенгилея, такъ называемая закамская черта. Въ 1684 г. основывается городъ Сызрань и опять строится черта сызранская.

Строились города и проводились черты военныхъ укрѣпленій больше всего ради того мирнаго населенія, какое появлялось въ разныхъ мѣстахъ Поволжья. Русскіе люди очень долго селились все больше на самой Волгѣ, въ мѣстахъ, занятыхъ раньше разными инородцами, черемисами, чувашами, мордвой. Инородцы подъ наплывомъ русскихъ отодвигались все дальше и дальше вглубь страны. Многіе изъ нихъ прямо бѣжали и скрывались въ лѣсахъ отъ разныхъ несправедливостей и тягостей, а также отъ насильственного обращенія въ христіанство. Вообще инородцы все время готовы были если не убѣгать, то бунтовать и возмущаться, такъ что въ концѣ XVII вѣка запрещалось продавать чувашамъ и черемисамъ не только оружіе, но даже кузнечные инструменты. Русское правительство отлично знало, какъ ненадежны были всѣ инородческія племена.

Такъ неспокойно было на Волгѣ и въ XVI и даже

въ XVII вѣкѣ. Иностранцы, калмыки, воровскіе казаки — все это требовало огромнаго вниманія со стороны правительства. На Волгу требовалось не мало вооруженной силы и нужны были всюду укрѣпленные города и сторожевыя линіи.

Бѣглецы люди на Волгѣ появились еще до завоеванія Казанскаго царства, когда былъ построенъ Василь-Сурскъ. И эти бѣглецы люди продолжали ити на Волгу и послѣ, когда за Россіей стало закрѣпляться и нижнее Поволжье. При тогдашнемъ безлюдьѣ этихъ бѣглыхъ людей охотно принимали и сажали на свои земли и монастыри и помѣщики. Но не всѣ они охотно дѣлались мирными земледѣльцами, тяглыми людьми. Многіе изъ нихъ предпочитали жить по своей волѣ и образовали шайки волжской вольницы. Вольницѣ этой всегда было чѣмъ поживиться на Волгѣ.

Притокъ бѣглыхъ на Волгу особенно усилился въ XVII вѣкѣ отъ двухъ причинъ: отъ прикрѣпленія къ землѣ крестьянъ и отъ великаго раскола, явившагося въ русской цѣркви благодаря исправленію патріархомъ Никономъ церковныхъ книгъ.

Мы знаемъ, что въ древней Руси крестьяне могли совершенно свободно переходить съ одного участка земли на другой, отъ одного помѣщика къ другому. Отъ нихъ требовалось только одно: чтобы они не уходили раньше Юрьева дня (26-го ноября). При Алексѣѣ Михайловичѣ это право свободного перехода было окончательно уничтожено и крестьяне были прикрѣплены за тѣми, за кѣмъ они числились по переписи. Крестьяне не хотѣли подчиняться этому закрѣпленію и разбѣгались въ разныя стороны. Бѣжали больше всего на окраины государства, гдѣ власти трудно было преслѣдовать бѣглецовъ. Особенно много бѣжало ихъ на Волгу. Здѣсь было много простору, много вольной земли, много густыхъ дремучихъ лѣсовъ. Раскольниковъ, приверженцевъ старины, тоже не мало бѣжало на Волгу. Одни изъ нихъ скрывались по лѣсамъ и горнымъ ущельямъ и пещерамъ, другіе обра-

зовали цѣлыя раскольничьи поселенія. Они существуютъ въ разныхъ мѣстахъ по Волгѣ еще и до нашего времени. Въ Нижегородской губ. по рѣкѣ Керженцу и въ Саратовской на Иргизѣ. Всѣ эти бѣглые увеличивали собой русское населеніе на Волгѣ, но въ то же время они увеличивали и толпы недовольныхъ и неспокойныхъ людей, увеличивали воровскія шайки. Донскіе казаки въ это время переправлялись на Волгу, гуляли по ней, грабили торговые суда и не боялись даже нападать на вооруженные царскіе караваны.

Торговля съ Астраханью постоянно оживляла пустынную Волгу. Судамъ торговымъ было опасно ходить врозь, поэтому они соединялись по нѣскольку вмѣстѣ. На передовомъ суднѣ плылъ обыкновенно отрядъ стрѣльцовъ и иногда помѣщали пушки. Такой поѣздъ назывался караваномъ. Судовые караваны ходили между Нижнимъ-Новгородомъ и Астраханью два раза въ годъ, весною и осенью. Товары сверху приходили въ Астрахань лѣтомъ (въ іюлѣ), а низовые и персидскіе приходили въ Нижній осенью и зимою развозились отсюда въ разные стороны на саянахъ. Каждый годъ назначался начальникъ каравана, командовавшій стрѣльцами и дѣтми боярскими. Съ этими караванами отправлялись въ Москву послы персидскіе, съ ними же ѣхали и въ Персію московскіе послы, отправлялись и служилые люди въ Астрахань и въ другіе низовые поволжскіе города. Купцы съ товарами набирались изъ разныхъ городовъ; тутъ были: москвичи, ярославцы, костромитяне, юрьевцы, нижегородцы, арзамасцы и казанцы. Уже при Іоаннѣ Грозномъ караваны, плававшіе между Нижнимъ и Астраханью, состояли изъ 500 большихъ судовъ. Изъ нихъ одни были построены въ Нижнемъ, другія приплыли въ этотъ городъ съ товарами изъ разныхъ мѣстъ и ожидали здѣсь начальника каравана. Кромѣ каравановъ по Волгѣ ходили и въ одиночку суда частныя и казенныя. Иногда торговцы соединялись, составляли товарищества и отправляли суда, связавъ ихъ вмѣстѣ такъ, что большое судно тянуло маленькія. Осо-

бенно трудно было плыть вверхъ по теченію, когда не было попутнаго вѣтра. Тогда рабочіе выходили на берегъ и тянули суда лямкою, проплывая въ день не больше 14 верстъ. Нерѣдко суда наскакивали на мели; ихъ было довольно на Волгѣ и въ то время. Ко всѣмъ этимъ трудностямъ приходилось еще каждую минуту опасаться нападенія разбойниковъ, сторожившихъ гдѣ-нибудь на волжскихъ горахъ появленія каравана.

«Мы рукой махнемъ — караванъ возьмемъ», пѣлось тогда въ разбойничьей пѣснѣ.

При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ разбойники напали какъ-то на караванъ сзади. Стрѣльцы плыли на переднихъ судахъ и никакъ не могли поспѣть противъ теченія на помощь заднимъ судамъ. Караванъ былъ истребленъ, и этотъ случай побудилъ построить городъ Черный Яръ между Царицыномъ и Астраханью.

Нѣкоторые изъ атамановъ этихъ воровскихъ казачьихъ шаекъ отличались особенной силой и отвагой. Народное воображеніе видѣло въ нихъ какихъ-то особенныхъ богатырей, надѣленныхъ сверхъестественной силой. Однимъ изъ такихъ атамановъ былъ знаменитый Стенька Разинъ. Въ XVII вѣкѣ донскіе казаки раздѣлялись на домовитыхъ (зажиточныхъ и семейныхъ) и голутвенныхъ, жившихъ грабежами и разбоями. Ко второй половинѣ XVII вѣка особенно увеличилось количество этихъ голутвенныхъ казаковъ. Къ нимъ примкнули разные бродяги и бѣглецы изъ внутренней Россіи. Бѣжали холопы, крестьяне, не желавшіе подчиниться закрѣпощенію, бѣжали и торговые посадскіе люди отъ тяжелыхъ поборовъ, отъ притѣсненій воеводъ и другихъ служилыхъ людей. Все это былъ народъ отчаянный, озлобленный, готовый на все. Правительство высылало отряды ловить этихъ бѣглецовъ, но это мало помогало, тѣмъ болѣе, что донскіе казаки ихъ не выдавали. Разинъ сталъ во главѣ всей этой голытьбы и переправился на Волгу. Онъ производилъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ, кто съ нимъ сталкивался, и легко подчинялъ всѣхъ своей волѣ. На Волгѣ онъ принялся гра-

бить и разбойничать, и на его сторону переходили и стрѣльцы и рабочіе, охранявшіе караваны. Съ Волги Стенька перебрался на Яикъ, и всюду къ нему приста-вали все новыя толпы воровскихъ казаковъ. Съ ними онъ разбилъ высланное противъ него изъ Астрахани войско и отправился на Каспійское море. Тамъ онъ гра-билъ персидскіе города и села и разбилъ высланныя противъ него военныя суда персидскаго шаха. Это было въ 1668 году, а въ слѣдующемъ году Стенька Разинъ вернулся на Волгу. Молва объ удаломъ, могучемъ ата-манѣ разошлась по всей Волгѣ. Мы знаемъ, какъ много здѣсь было разныхъ недовольныхъ людей и среди рус-скихъ и среди инородцевъ.

Поднялись на Волгѣ всѣ мятежныя силы, и къ Стенькѣ Разину стала сходитьсѣ не одна голытьба. Войско его усилилось, и онъ легко взялъ по Волгѣ города: Астра-хань, Царицынъ, Самару и Саратовъ. Всюду передавались на его сторону и чернь, и стрѣльцы, а съ воеводами и лучшими людьми ему было справиться не трудно. Мя-тежи охватили все Поволжье, и народъ волновался даже въ нынѣшнихъ губерніяхъ Нижегородской, Пензенской и Тамбовской. Бунтовали крестьяне по селамъ, бунтовало городское населеніе, поднялись и инородцы: черемисы, мордва, татары. Изъ городовъ только Симбирскъ оказалъ упорное сопротивленіе. Городъ былъ хорошо укрѣпленъ, и воевода Милославскій выказалъ большую храбрость и стойкость. Подоспѣлъ изъ Казани воевода Барятинскій съ правильно обученнымъ войскомъ и иностранными офицерами, и беспорядочныя толпы казачьи были разбиты.

Когда Стенька Разинъ былъ потомъ пойманъ и каз-ненъ въ Москвѣ, то на Волгѣ долго еще продолжали появляться разные разбойничьи атаманы, и разбои на Волгѣ продолжались до послѣдняго времени, когда пошли пароходы, лѣса повыврубились и волжскіе берега засели-лись сплошь русскимъ земледѣльческимъ и промышлен-нымъ народомъ.

При Петрѣ Великомъ и при Екатеринѣ II еще не

разъ поднимались волненія среди волжскихъ казаковъ. Появлялись разные самозванцы. Среди нихъ особенно выдается донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, выдававшій себя за Петра III. Пугачевскій мятежъ начался въ Приуральскомъ краѣ среди яицкихъ (уральскихъ) казаковъ, отсюда онъ перешелъ на Волгу и охватилъ все Поволжье, при чемъ повторились времена Стеньки Разина.

Притокъ бѣглыхъ на Волгу продолжался и въ XVIII столѣтіи. Почти все населеніе Астраханской губерніи составляли бѣглые изъ внутренней Россіи, гдѣ оказалось множество запустѣлыхъ имѣній.

Крестьяне бѣжали толпами отовсюду—съ дворцовыхъ, архіерейскихъ и помѣщичьихъ земель. Бѣжали они часто открыто, забирая лошадей и пожитки и уводя семьи. Бѣжали на Волгу и за Волгу и по цѣлымъ годамъ жили здѣсь въ разныхъ мѣстахъ въ землянкахъ. Императрица Елизавета въ указѣ 1745 года предлагала: «записать бѣглыхъ людей въ перепись и поселить ихъ на р. Волгѣ, на пустыхъ мѣстахъ, которыя никакой пользы не приносятъ, а населенныя будутъ потребны». Объявилось 3.000 бѣглыхъ людей, и всѣ они охотно обязались платить 40 алтынъ подушнаго оклада.

Не однихъ же бездомниковъ, недобрыхъ людей и бѣглыхъ привлекало богатое Поволжье. Особенно была привлекательна мѣстность, извѣстная подъ именемъ Самарской луки. Прекрасный черноземъ, большіе лѣса, рыбныя ловли, залежи горючей сѣры и соляные ключи привлекали сюда уже не разбойниковъ, а предприимчивыхъ промышленниковъ. Еще въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича здѣсь около устья рѣки Усы были соляныя варницы торговаго человѣка Надѣя Свѣшникова—Надѣинское Усолъе. Со временемъ эти варницы были подарены Саввину-Сторожевскому монастырю. Монастырь сумѣлъ захватить земель верстъ на 200 и заселилъ ихъ мордвой, чувашами, бѣглыми крестьянами и холопами. Село Рождествено на концѣ Самарской луки и окрестныя деревни были основаны бѣглецами изъ крестьянъ монастырскихъ, помѣщи-

чьихъ, а отчасти изъ служилыхъ городскихъ людей разныхъ мѣстъ.

Въ концѣ XVII столѣтія нѣкоторые московскіе монастыри (Чудовъ монастырь и Новоспасскій) просятъ у царя дать имъ на Волгѣ мѣсто на устройство ватагъ для рыбнаго промысла. Со временемъ и другіе монастыри завели по Волгѣ рыбныя ловли. А гдѣ были рыбныя ловли, тамъ возникли мало-по-малу и постоянныя поселенія.

И служилымъ людямъ продолжало правительство попрежнему раздавать земли въ помѣстья и по Волгѣ, какъ и по другимъ мѣстамъ.

Мало-по-малу волжскіе города, построенные вначалѣ чисто въ военныхъ цѣляхъ, приобрѣтаютъ все больше и больше значенія, какъ средоточія торговли и промышленности.

Въ 1662 году на Волгѣ недалеко отъ села Лыскова основывается Макарьевскій монастырь. Къ нему стекается ежегодно такое множество богомольцевъ съ разныхъ сторонъ, что около монастыря самъ собою устраивается торгъ. Торговля была сначала самая незначительная; привозились сюда разные мѣстные произведенія: лысковское полотно, кресты, перстни, серьги, керженскіе холсты, посуда, шляпы, валенки, рукавицы, шапки, мѣха. Но со временемъ въ виду стеченія богомольцевъ сюда стали приѣзжать и иногородніе купцы съ разными товарами.

При Алексѣѣ Михайловичѣ приѣзжали уже купцы и изъ Москвы, и Макарьевская ярмарка получила право въ теченіе 5 дней торговать беспошлинно. Мало-по-малу эта ежегодная ярмарка такъ разрастается, что получаетъ огромное значеніе для всего государства. Тотъ торгъ, что происходилъ встарину ежегодно въ древнемъ болгарскомъ городѣ, а потомъ на Гостиномъ островѣ въ Казани, теперь переносится въ Макарьевъ, а со временемъ перенесется въ Нижній-Новгородъ.

Несмотря на всѣ смуты и разбои, торговое движеніе по Волгѣ не только не прекращается, но все растетъ и развивается. Благодаря цѣлой системѣ обводныхъ кана-

ловъ (Маріинская, Тихвинская и Вышневолоцкая системы), Волга соединяется съ Балтійскимъ моремъ. Теперь въ рукахъ русскихъ вся та торговля съ азіатскими народами, какую когда-то вели болгары, а затѣмъ татары. На нижегородскую ярмарку свозятся ежегодно товары со всѣхъ сторонъ—и съ Каспійскаго моря, и изъ Сибири по Камѣ, и изъ Москвы по Окѣ.

Но берега нижней Волги еще долго остаются совершенно пустынными. Населенія здѣсь было такъ мало, что Екатерина Великая рѣшилась поселить здѣсь нѣмцевъ. Въ Самарской и Саратовской губерніяхъ образовалось около сотни нѣмецкихъ поселеній на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Каждая семья получила по 30 десятинъ и, кромѣ того, имъ были даны на 30 лѣтъ разныя льготы. Они были избавлены отъ податей, отъ военной службы, и они получили на первое время и денежныя ссуды. Русское правительство надѣялось, что нѣмцы своимъ примѣромъ научать крестьянъ лучше хозяйничать, лучше обрабатывать землю. Но нѣмцы не входили ни въ какія сношенія съ русскими и жили и живутъ до сихъ поръ совершенно замкнутой жизнью. Сами они живутъ хорошо и богато, но на русскихъ никакого вліянія не оказали.

Во всякомъ случаѣ, Волгу еще очень долго, даже еще и въ XIX вѣкѣ, нельзя было назвать вполне русской рѣкой. Поволжье еще долго было во власти разныхъ иностранцевъ, и русское населеніе ютилось лишь по самому берегу великой рѣки. До самаго послѣдняго времени русскія поселенія по Волгѣ оказывались въ осадномъ положеніи: съ Волги имъ угрожали воровскіе казаки, сзади изъ степей на нихъ напирали кочевники—калмыки и башкиры.

Въ сороковыхъ годахъ XIX столѣтія начали ходить пароходы, и это сразу измѣнило всю жизнь на Волгѣ. Торговое движеніе еще болѣе оживилось, и разбойники уже должны были исчезнуть. Началась мирная трудовая жизнь промышленнаго населенія.

Значеніе Волги для нашей родины громадно.

По Днѣпру изъ Европы отъ грековъ пришло къ русскимъ славянамъ христіанство. По Волгѣ изъ Азіи къ древнимъ болгарамъ и хозарамъ занесено было арабами магометанство. Съ Днѣпра христіанство распространилось по всей Руси, перешло на Волгу, побѣдило язычество, восторжествовало надъ магометанствомъ. Много трудовъ и усилій пришлось затратить русскому народу прежде, чѣмъ удалось ему, наконецъ, овладѣть матушкой-Волгой. И встарину и позднѣе много было пролито на ней крови и нашей русской и другихъ народовъ, боровшихся за обладаніе великой рѣкой.

Завоеваніе Волги отдало въ руки русскихъ громадныя пространства земли. Всѣми своими притоками Волга заливается до 23-хъ губерній, при чемъ девять изъ нихъ расположено по самой Волгѣ.

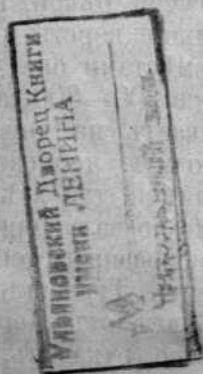
Въ своемъ извилистомъ теченіи Волга протекаетъ по самымъ разнообразнымъ мѣстностямъ. Начинаясь среди болотъ и озеръ Тверской губерніи, она течетъ затѣмъ по суглинистымъ землямъ Костромской, Ярославской и Нижегородской губерній. Подъ Нижнимъ, принявъ въ себя Оку, Волга становится уже вполнѣ могучей рѣкой, настоящей широкой матушкой-Волгой, больше версты шириной. Ширина ея не вездѣ одинакова: мѣстами она доходитъ до 3—4 верстъ, мѣстами не шире 200—300 саж.

Подъ Казанью она круто поворачивается на югъ и захватываетъ въ своемъ теченіи хлѣбородную черноземную полосу, которая изстари была житницей для всѣхъ сосѣднихъ малоплодородныхъ странъ. Мало-по-малу черноземныя поля переходятъ въ унылыя однообразныя степи, представляющія собой продолженіе степей Туркестана. Особенно печальны становятся берега Волги отъ Царицына. Здѣсь она распадается на множество рукавовъ, и при впаденіи въ море въ ея устьяхъ насчитываютъ до 200 острововъ. Начинается Волга въ царствѣ хвойнаго лѣса, въ довольно суровомъ климатѣ, гдѣ едва вызрѣваютъ яблоки, а оканчивается среди сожженныхъ солнцемъ азіатскихъ степей, и въ Астраханской губерніи свободно

созрѣваютъ великолѣпные арбузы, дыни, виноградъ и миндаль.

Проѣзжая теперь по Волгѣ на великолѣпномъ трехъ-этажномъ пароходѣ, любясь съ его палубы ея живописными берегами, ея необъятной ширью, мы видимъ и богатые многолюдные города и села съ фабриками и заводами, и распаханная поля, и цвѣтушіе сады. Всюду царствуетъ оживленіе, всюду идетъ хлопотливая дѣятельность.

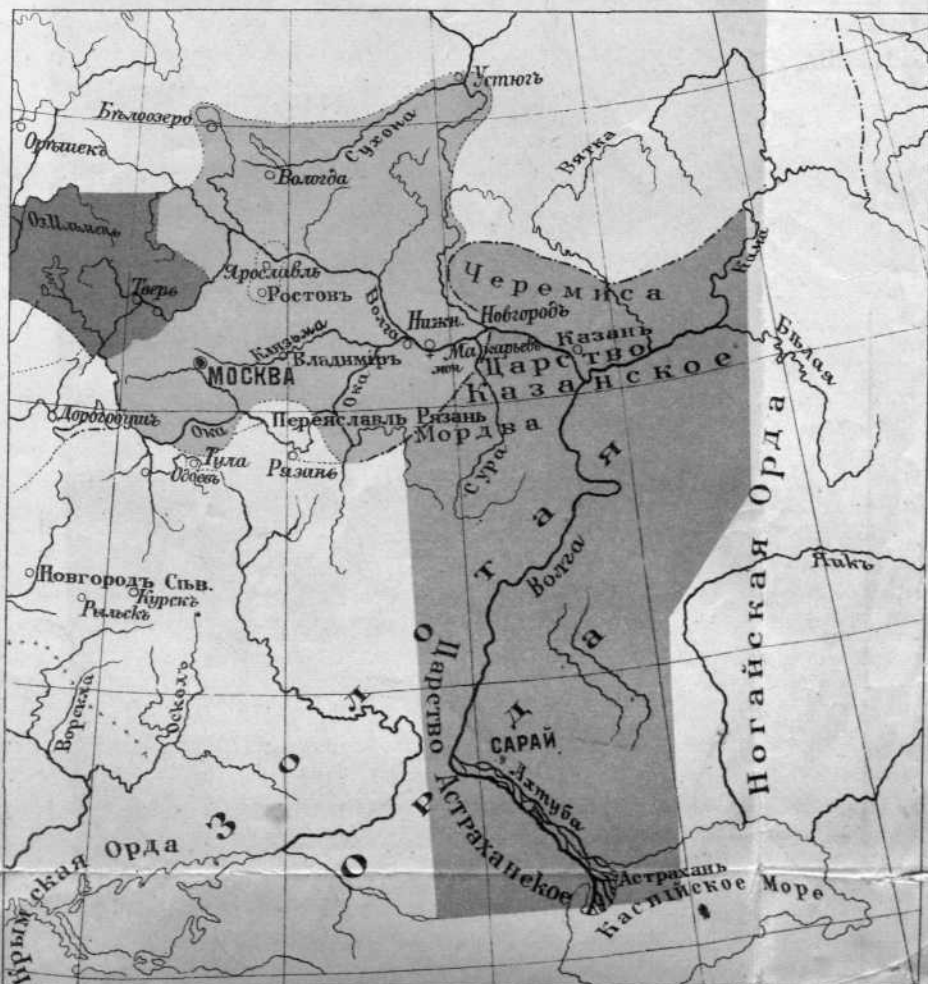
Правда, теперь Волга годъ отъ году мелѣетъ, какъ думаютъ, отъ того, что повырубили вездѣ лѣса. Но все же хорошо на ней весной, въ половодье, когда конца не видно водяной шири, когда по ней сплавляется сверху изъ лѣсныхъ губерній масса плотовъ и бѣлянь, нагруженныхъ разнымъ лѣснымъ матеріаломъ, когда и внизъ и вверхъ бѣгутъ пароходы, пассажирскіе и буксирные, тянущіе за собой цѣлые караваны громадныхъ баржъ съ разными товарами...

947
4-49

1240—1533 гг.

- Приволжская владения Новгорода Великого
- Московское княжество к 1533 г.
- Приобретения Ивана Грозного наместа Казанского и Астраханского царств.

СИБИРСКАЯ
БЕОПЛАТНАЯ НАРОДНАЯ
Библиотека-Читальня
въ память
И. А. ГОНЧАРОВА.

Къ январю 1904 г. поступили въ продажу:

Будда, его жизнь и ученіе. Составилъ Платонъ Лебедевъ. Ц. 10 коп.

Страна пирамидъ (Египетъ). Составила Л. Мельгунова. Ц. 10 коп.

Въ римскомъ циркѣ. Составила Е. Мельгунова. Ц. 8 к.

Персія и персы. Составила Евг. Богрова. Ц. 20 к.

Печатаются и вскорѣ поступятъ въ продажу:

Картины изъ жизни государства аѳинскаго въ V в. до Р. Х. Состав. Т. Алабина.

Складъ въ книжномъ магазинѣ

„Трудъ“,

Москва, Тверская улица, 28.

ПЕРСІЯ и ПЕРСЫ.

Ц. 20 к.

Составила
Евг. Богрова.

930

Б. 745

ПЕРСІЯ и ПЕРСЫ.

СОСТАВИЛА

Евг. Богрова.

050

Р. 142

Дозволено цензурою. Москва, 8 ноября 1903 гсда.

Персія и персы.

I.

Хорошо въ русскихъ пѣсняхъ поется про Волгу-рѣку: матушкой называютъ ее, кормилицей!

По берегамъ Волги тянутся луга заливные, вокругъ лѣсовъ много хлѣбородныхъ полей. А что въ самой рѣкѣ рыбы водится!..

Прямо въ Каспійское море вливается Волга. А изъ того моря идутъ корабли со всякимъ товаромъ: одинъ везетъ хлопокъ, другой—рисъ, третій—шелкъ, но въ Волгу пройти они не могутъ. Слишкомъ мелка рѣка для морского парохода, и поэтому все добро, что сюда привезли изъ заморскихъ странъ, надо перегрузить на рѣчной пароходъ.

Много дѣла за матушкой-Волгой: то лѣсъ сплавать, то хлѣбъ грузить, то рыбу солить, то корабли перегружать.

И вправду, Волга-матушка о многихъ людяхъ радѣетъ, не даромъ она зовется кормилицей: сколькимъ людямъ работу даетъ, сколько народу кормить. Здѣсь такъ много дѣла, что его хватаетъ не только для своихъ русскихъ, но и для чужихъ.

Вотъ о тѣхъ чужихъ, которые приходятъ работать на Волгу, я буду рассказывать. Тотъ, кто бывалъ на пристани волжскаго города, ихъ часто видѣлъ. Это все молодежь. Лица у нихъ смуглая, загорѣлая. Головы пробриты широкимъ проборомъ, который, какъ бѣлая лента, тя-

нется отъ лба черезъ всю голову до самой шеи. Но этого пробора обыкновенно не видно, потому что голова туго обвязана цвѣтнымъ платкомъ, краснымъ или желтымъ. Поверхъ платка надѣта синяя шапка, похожая на ермолку и опушенная барашкомъ.

Нѣкоторые изъ этихъ людей такъ молоды, что у нихъ еще нѣтъ усовъ, у другихъ, которые постарше, лица поросли черной бородкой. Глаза у нихъ большіе, черные или сѣрые.

Росту эти люди средняго, стройные, худощавые. Одѣты они неодинаково. Иной обносился: на немъ лапти изъ лыка, холстинковые штаны и рубаха, кое-какъ сдѣланная изъ мѣшка. Другой франтоватѣе: на немъ кожаная обувь безъ каблуковъ, похожая на лапти, съ загнутыми кверху узкими острыми носками, коротенькіе чулки съ пестрымъ краснымъ узоромъ и бешметъ изъ синяго холста. Бешметъ похожъ на поддевку, плотно облегаетъ тѣло до пояса, а отъ пояса расходится сборами. Застегивается онъ на крючки, но обыкновенно широко распахнуть на груди. Вокругъ пояса намотанъ алыи кушакъ. На загорѣлой шеѣ виденъ шнурокъ, на которомъ навѣшано что-то, обмотанное въ грязную тряпочку. Это не образокъ, не крестикъ, а просто камешекъ, на которомъ вырѣзано какое-то слово. Слово это будто бы можетъ охранить отъ несчастія, отъ болѣзни, отъ дурного глаза.

Работа у этихъ людей тяжелая. Они нагружаютъ и разгружаютъ пароходы. Поэтому у каждаго изъ нихъ на спинѣ надѣта не то покатая скамеечка, не то сѣдло. Сѣдло это затѣмъ, чтобы легче было нести на спинѣ тяжести. Оно сдѣлано изъ очень толстаго холста и веревокъ и туго набито соломой. Къ нему придѣланы петли, сквозь которыя надо продѣть руки.

Представьте себѣ такую партію рабочихъ въ ясный солнечный день на пристани. Волга плещетъ, играетъ. Пароходъ запоздалъ. Дѣло пока стоитъ. Одинъ скинулъ съ себя сѣдло и сладко потягивается, другой под-

мьяль подь себя сѣдло и на него сѣль. Какой-то молодець выдвинулся впередъ, засунуль руки за алый кушакъ и что-то рассказываетъ. Совсѣмъ не похожа его рѣчь на русскую. По-русски они и не знаютъ и выучились здѣсь только нѣкоторымъ русскимъ словамъ, безъ которыхъ имъ нельзя обойтись. Но если даже по-русски спросить у нихъ, откуда они, вся партія рабочихъ встрепетается, всполошится, начнетъ показывать на рѣку руками и будетъ повторять одно слово: Персія!

И вправду, они изъ Персіи, а машутъ руками они, чтобъ объяснить, гдѣ она. Спустишь, молъ, по Волгѣ-рѣкѣ, оттуда садись на пароходъ, ѣзжай по Каспійскому морю прямо-прямо, вотъ и приѣдешь къ намъ, въ Персію. Всего отъ города Астрахани, что стоитъ при впаденіи Волги въ Каспійское море, трое сутокъ ѣзды.

Путь, конечно, не дологъ. Только все-таки жутко персу отправляться въ первый разъ въ незнакомую страну. Онъ обычаевъ русскихъ не знаетъ, не понимаетъ русскаго языка,—совсѣмъ здѣсь чужой. Одинъ онъ и не поѣдетъ. Соберутся нѣсколько человѣкъ, столкнутся, выберутъ старшимъ того, кто посмышленнѣе, и съ Богомъ!

Нужда гонить ихъ въ чужую сторону. Кому надо своимъ старикамъ помочь, должнокъ или подать справить, а кто думаетъ: „сколочу немного деньжонокъ, лавочку бакалейную дома открою“. У всякого что-нибудь на умѣ.

И много работаетъ персъ! Не лѣнится. Несмотря на то, что онъ на видъ не сильный, онъ большія тяжести подымаетъ на своей спинѣ. Хотя онъ и хочетъ скопить денегъ, какъ можно больше, онъ честенъ и на чужое добро не польстится. А свое заработанное бережетъ, зря не тратитъ. Почуетъ либо въ сараѣ, нанятѣмъ сообща съ земляками, или же, если тепло, подь открытымъ небомъ. На ѣду онъ мало тратитъ.

Кусокъ хлѣбца, головка луку, чесноку, травка, острая на вкусъ, ну, и сытъ! А если захочетъ полакомиться, рису варенаго покушаетъ; изрѣдка развѣ позволить себѣ кусочекъ баранины, печеной на угольяхъ. До фруктовъ и сластей онъ большой охотникъ, но зато вина въ ротъ не беретъ. Его вѣра запрещаетъ ему пить вино, зато курить ему можно, и онъ съ большимъ удовольствіемъ покурить въ свободную минуту папиросу или трубку.

Часто можно видѣть на волжской пристани согнушагося перса съ тяжелымъ мѣшкомъ на спинѣ. Идетъ онъ медленно, какъ будто усталъ. Тяжелый мѣшокъ свѣшивается ему черезъ голову, давить затылокъ. Лица почти не видно. Пройдешь, невольно подумаешь: „усталъ, вѣрно, бѣднякъ“. И вдругъ слышится тебѣ изъ-подъ мѣшка, который перевѣсился ему черезъ голову, будто застоналъ человѣкъ. Что такое? Можетъ быть, и вправду онъ изъ силъ выбился или помешалось только? Нѣтъ. Уже громче онъ стонетъ, опять сдерживается и вдругъ какъ заплачетъ, словно рѣкой льются слезы.

Ничего! Не пугайся. Пройди мимо, а если хочешь, послушай. Онъ вовсе не плачетъ. Скучно ему, такъ онъ пѣсню персидскую затянулъ. Слова-то у нея веселыя, а на голосъ грустный она поется. Такія уже пѣсни странныя у персидскаго народа.

Но если какому-нибудь русскому придетъ въ голову скверная мысль обидѣть его и если персу покажется невтерпежъ, онъ сядетъ прямо на мостовую, закроетъ руками лицо и на этотъ разъ въ самомъ дѣлѣ заплачетъ. Товарищи всполошатся, сбѣгутъ къ нему и начнутъ укорять обидчика.

Всѣмъ имъ взгрустнется, затоскуютъ они, и сильно потянетъ ихъ домой въ Персію. Любятъ они ее, вѣрятъ, что она до сихъ поръ самая сильная, самая образованная страна.

Было это когда-то, но очень давно, а теперь она

ослабѣла, въ наукахъ отстала. Но прежде чѣмъ говорить о теперешней Персіи, мы вспомнимъ ея прошлое, ея славу и ея невзгоды.

II.

Въ Азій, къ югу отъ Каспійскаго моря, находится Иранское плоскогорье. Вотъ на этомъ плоскогорьѣ Иранскомъ за 3000 лѣтъ до Р. Х. поселился бѣлолицый народъ. Народъ этотъ называлъ себя персами. Персы заняли южную часть Иранскаго плоскогорья вдоль залива, который потомъ по ихъ имени сталъ называться Персидскимъ заливомъ. Полоса земли, которую заселили персы, не вездѣ была одинакова, но большую часть ея все-таки занимали горныя цѣпи, поросшія лѣсами изъ плодовыхъ деревьевъ—персиковъ, абрикосовъ, вишенъ, сливъ.

Встрѣчались также и рощи изъ апельсиновыхъ и лимонныхъ деревьевъ. Въ горахъ было много долинъ съ плодородной землей.

Не было недостатка и въ рѣкахъ. Скоро, благодаря трудолюбію персовъ, вся страна пріобрѣла цвѣтушій видъ. Плодородная земля, хорошо вспаханная, покрывалась пшеницей.

Стали разводить хлопчатникъ *) и виноградъ.

Персы работали много и очень настойчиво. Если для поля не хватало воды, они ее проводили изъ рѣкъ и нарочно рыли для этого канавы. Если земля зарастала сорными травами, они старались ихъ уничтожить, а землю превратить въ плодородную ниву. Персы были язычники, но ихъ религія была выше и лучше многихъ другихъ языческихъ религій.

Персы вѣрили во многихъ боговъ, но самымъ главнымъ богомъ они считали бога Огурамазда. Само имя

*) Хлопчатникъ—это растеніе, изъ котораго приготовляются вата и бумажныя ткани.

его въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ— „господь премудрый“. Этотъ премудрый богъ сотворилъ будто бы міръ, и такъ какъ самъ богъ Огурамазда былъ добръ, благъ, то и міръ сотворилъ онъ прекраснымъ и чистымъ. Но противъ добраго бога возсталъ богъ зла—Ангро-майну (т.-е. бьющій, поражающій духъ). Онъ захотѣлъ испортить этотъ прекрасный міръ, въ которомъ было одно только доброе, полезное человѣку.

Богъ зла сотворилъ тогда сорныя травы, хищныхъ звѣрей, ядовитыхъ гадовъ, червей, прожорливыхъ муравьевъ. И въ то время, какъ царствомъ добраго бога была плодородная земля, покрытая воздѣланными полями, тучными пастбищами, полезными деревьями и заселенная благочестивымъ, трудолюбивымъ народомъ (персами), знойная пустыня, бесплодная, враждебная человѣку, была царствомъ бога зла. А народы, кочевавшіе въ степяхъ, не знающіе земледѣлія, были его дѣтьми.

Но добрый богъ не хотѣлъ уступить міръ злому богу, и вотъ между ними завязалась борьба. Добрый богъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ богъ свѣта, жизни, правды, защищаетъ свое царство при помощи сонмища добрыхъ духовъ. Злой богъ, богъ смерти, грѣха и тьмы, при помощи своихъ духовъ зла старается испортить все доброе и полезное на землѣ. Итакъ, въ мірѣ идетъ ожесточенная борьба между зломъ и добромъ. Иногда одолеваетъ зло, но на самомъ дѣлѣ когда-нибудь восторжествуетъ свѣтлый и добрый богъ...

Персъ, который считаетъ себя сыномъ добраго бога, обязанъ ему помогать, расширять на землѣ его царство, т.-е. воздѣлывать землю, чтобы она не зарастала негодными травами. Онъ обязанъ истреблять вредныя растенія, уничтожать дикихъ животныхъ, сражаться съ кочевниками.

Для болѣе успѣшной борьбы со зломъ добрый богъ далъ персу лошадь, собаку и пѣтуха. Лошадь помогаетъ вспахивать поле, собака стережетъ домъ отъ

злыхъ людей, пѣтухъ своимъ крикомъ пугаетъ будто бы злыхъ духовъ. Поэтому лошадь, пѣтухъ и собака считались священными.

Но обязанности человѣка не исчерпывались одной работой.

Чтобы быть достойнымъ своего бога, человѣкъ долженъ былъ блюсти духовную и тѣлесную чистоту. Чтобы сохранить свое тѣло чистымъ, персы совершали частыя омовенія и избѣгали всего грязнаго, а особенно грязнымъ считалось все гнѣющее. Персы думали, что достаточно прикоснуться къ падали или трупу, чтобы быть оскверненнымъ. Такъ какъ богомъ смерти былъ богъ зла, то умирающій уже считался нечистымъ, а тѣмъ болѣе мертвый. Мертвый какъ будто бы переходилъ во власть злого бога. Поэтому персы старались, чтобы мертвое тѣло какъ можно скорѣе истлѣло. Родственники ближе 90 шаговъ не осмѣливались подойти къ мертвому.

Особые люди, посвятившіе себя этому, приближались къ покойнику и хоронили его. Люди эти потомъ очищали себя молитвами и омовеніями. Но какъ же они хоронили? Земля, вода и огонь считались чистыми, а поэтому бросить трупъ въ воду, сжечь его въ огнѣ или зарыть его въ землю значило загрязнить чистое гнѣющимъ. А это было грѣхомъ. Обыкновенно трупъ выносили за городъ, въ пустынное мѣсто, клали его тамъ на невысокую кирпичную башенку и ждали, пока мертвое тѣло истлѣетъ или же пока его съѣдятъ дикіе звѣри. Когда отъ трупа оставались уже однѣ бѣлыя, чистыя кости, ихъ засыпали землей и кирпичами. Въ этомъ заключался обрядъ персидскихъ похоронъ. Хотя тѣло безслѣдно исчезало, персы вѣрили, что душа, жившая въ тѣлѣ, бессмертна. Она-то и отправлялась на судъ къ доброму богу. А послѣ суда по мосту, перекинутому черезъ мрачную пропасть, направлялась въ рай. Если она была праведна, она благополучно достигала рая и тамъ блаженствовала. Если

же она была порочна, она низвергалась въ бездну, т.-е. въ адъ.

Тѣлесную чистоту было сравнительно легко соблюсти. Труднѣе было соблюсти чистоту духовную. Чтобъ не загрязнить своей души, слѣдовало избѣгать тоже нечистаго, а именно пороковъ, особенно лжи. Ложь считалась самымъ великимъ грѣхомъ: отъ нея будто происходили всѣ другіе грѣхи.

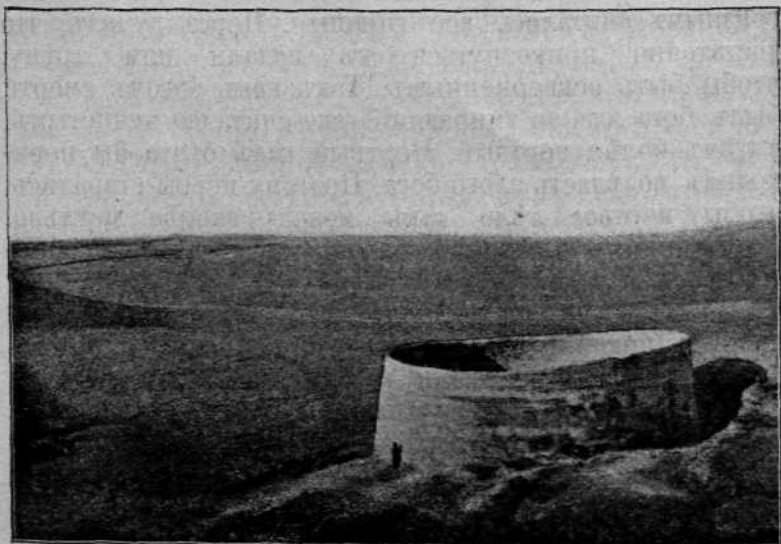

Рис. 1. Башня—мѣсто погребенія персовъ-огнепоклонниковъ.

Почитая чистоту и признавая чистыми землю, воду и огонь, персы считали ихъ священными. Но самымъ чистымъ, а потому самымъ священнымъ изъ всѣхъ представлялся имъ свѣтлый огонь. Онъ въ ихъ глазахъ олицетворялъ свѣтлаго и чистаго бога добра. Поэтому въ каждомъ домѣ день и ночь горѣлъ неугасаемый огонь. Огня нельзя было ни погасить, ни возжечь безъ особой молитвы. Идоловъ персы не признавали, храмовъ не строили.

Храмомъ бога добра, Огурамазды, считался весь міръ, а изображеніемъ его чистоты и свѣта былъ неугасаемый огонь. Его разводили и на горахъ, подъ особыми нарочно устроенными навѣсами. Этотъ священный огонь берегли и поддерживали жрецы, маги.

Жрецомъ могъ сдѣлаться всякій, кто зналъ молитвы, священныя пѣсни и велъ праведный образъ жизни. Маги носили длинныя бѣлыя одежды, высокія шапки и ходили всегда съ посохомъ. На посохъ они опирались и имъ же истребляли въ случаѣ надобности гадовъ, вредныхъ насѣкомыхъ. Считалось, что жрецы, маги были ближе всего къ богу добра и потому лучше всего знали его волю. Благодаря этому, маги пользовались вліяніемъ и почетомъ.

Персы стали, благодаря труду, народомъ здоровымъ, выносливымъ. Считая всякую борьбу со зломъ, въ образѣ хищныхъ звѣрей или дикихъ кочевниковъ, дѣломъ богоугоднымъ, они приобрѣли мужество, отвагу, ловкость. Отецъ сызмала училъ сына ѣздить верхомъ, стрѣлять изъ лука и говорить правду. Такимъ трудолюбивымъ, храбрымъ и правдивымъ является передъ нами древній персъ.

О томъ, какъ жилось персамъ сначала, мы не имѣемъ свѣдѣній. Знаемъ мы только, что одно время они были покорены своими сосѣдями, мидянами. Мидяне были родственны персамъ и исповѣдывали ту же религію, что и они. Но вотъ персовъ стало очень много, земли уже было недостаточно. Имъ нужно было себѣ добыть новыя мѣста для поселенія. Тогда персы возстали противъ мидянъ и завоевали ихъ государство. Случилось это въ шестомъ вѣкѣ до Р. Х. Съ этого времени и начинается исторія персовъ.

Покоривъ Мидійское царство, персы двинулись на западъ: ихъ манили новыя завоеванія. Къ западу отъ Персіи лежали богатыя торговыя страны—Вавилонія, Финикія и другія. Эти страны были гораздо образованнѣе Персіи, гордились своей силой и не думали,

чтобы персы были опасны. Одна изъ этихъ странъ пенадѣялась на крѣпкія, недоступныя стѣны своей столицы и не приняла мѣръ предосторожности, другая положила на своихъ союзниковъ, которые въ послѣдній мигъ ее оставили и не пришли на помощь. И вотъ эти государства, не соединившись между собой, а сражаясь каждое отдѣльно, были разбиты и покорены персами. Во главѣ персидскихъ войскъ стоялъ мужественный и находчивый предводитель, родомъ персъ. Звали его Киръ, происходилъ онъ изъ знатнаго рода, но велъ простой образъ жизни. Провозглашенный персидскимъ царемъ, онъ попрежнему переносилъ вмѣстѣ съ войскомъ всѣ лишенія и храбро сражался. Но не только умъ, отвага являются отличительными чертами перваго персидскаго царя Кира. Въ немъ особенно замѣчательно его отношеніе къ покореннымъ народамъ. Въ то время, какъ въ тѣ далекія отъ насъ времена было въ обычаѣ мучить и унижать плѣнныхъ, Киръ не проявлялъ жестокости.

Съ плѣнными онъ обращался мягко, милостиво, покоренныхъ городовъ не разрушалъ и даже одного изъ царей, у котораго отнялъ царство, сдѣлалъ своимъ другомъ и совѣтникомъ. А плѣннымъ евреямъ разрѣшилъ вернуться въ Іерусалимъ. Таковъ былъ Киръ, прозванный „отцомъ“. Память о немъ живетъ въ Персіи и до нашего времени. Сохранились и донынѣ быліны, въ которыхъ прославляютъ Кира.

А невдалекѣ отъ древней персидской столицы, Персеполя, показываютъ домикъ, сложенный изъ камня и совсѣмъ пустой. Окрестные жители до сихъ поръ называютъ этотъ домикъ, „могилой Кира“. Быть можетъ это и вправду могила Кира. По крайней мѣрѣ, до насъ дошло достовѣрное извѣстіе, что возлѣ столицы, въ тѣнистомъ саду, былъ построенъ могильный покой Кира въ видѣ зданія, очень похожаго на то, которое сохранилось до нашего времени. Въ этомъ могильномъ покоѣ въ золотомъ гробу лежали кости

царя. Вокругъ были развѣшаны по стѣнамъ одежда и оружіе Кира. А надъ входомъ была сдѣлана простая безъ всякихъ хвалебныхъ словъ надпись:

„Здѣсь покоюсь я, Киръ, царь изъ рода Ахеменидовъ“.

Киръ оставилъ послѣ себя такую свѣтлую память, что персы перенесли свое уваженіе и на весь родъ Ахеменидовъ, изъ которыхъ происходилъ Киръ. Преемниками Кира были цари изъ того же рода. Послѣдующіе цари еще болѣе расширили Персидское царство новыми завоеваніями, и скоро Персидское царство стало огромнымъ. Оно простиралось отъ Каспійскаго моря вглубь Африки. Какія только страны не входили теперь въ составъ персидской монархіи: и Египетъ, и Вавилонія, и Ассирія, и Финикія! Самой древней страной изъ всѣхъ былъ Египетъ, лежавшій въ Африкѣ по рѣкѣ Нилу. Онъ велъ обширную торговлю съ Азіей, славился своими учеными, положившими начало наукамъ, которыя существуютъ и донинѣ; а именно—медицинѣ (наукѣ о лѣченіи болѣзней), астрономіи (наукѣ о звѣздахъ) и геометріи (наукѣ объ измѣреніи земли). Еще болѣе, чѣмъ Египетъ, гордилась своей торговлей и своими учеными Вавилонія, лежавшая въ Азіи, возлѣ Персіи, между рѣками Тигромъ и Ефратомъ. Ей было удобнѣе, чѣмъ Египту, вести торговлю. Вавилонія лежала на прямомъ пути изъ Азіи въ Европу. Она славилась своими тканями, коврами, металлическими издѣліями и предметами роскоши. Ея главный городъ Вавилонъ былъ базаромъ востока, славился роскошью и образованностью.

Рядомъ съ Вавилоніей находилась страна Ассирія. Науку и образованіе она переняла у Вавилоніи. Ассирійцы прекрасно умѣли дѣлать оружіе и военныя колесницы, даже лучше, чѣмъ вавилоняне. Ихъ войско было нѣкогда однимъ изъ самыхъ храбрыхъ.

Финикія, тоже покоренная персами, хотя занимала въ Азіи только узкую полосу земли, по берегу Среди-

земнаго моря, владѣла для своего времени очень большимъ флотомъ, который служилъ ей для торговли. Финикійскіе купцы успѣли на своихъ гребныхъ судахъ побывать почти всюду: и на островахъ Средиземнаго моря, и въ Греціи, и въ тѣхъ странахъ, которыя теперь называются Испаніей и Англіей, и объѣхали даже вокругъ Африки. Отважные моряки, они не боялись морскихъ бурь и отовсюду извлекали выгоды. Они изъ чужихъ странъ вывозили металлы: олово, мѣдь, серебро, золото, а изъ Греціи особыхъ улитокъ, изъ которыхъ добывали дорогую красную краску. Окрашенные ею алая финикійскія ткани имѣли большой сбытъ. Финикіяне искусно дѣлали оружіе, украшенія и предметы роскоши: ожерелья, пряжки и вазы.

Наконецъ, Персія захватила и нѣсколько вольныхъ греческихъ городовъ, очень большихъ. Эти города тоже находились въ Азіи и вели большую торговлю.

Мы перечислили только самыя важныя государства, покоренныя персами. Но, кромѣ того, было еще много мелкихъ. Всѣ эти государства были языческія, но вѣра была у нихъ неодинакова. Каждое изъ нихъ, кромѣ Ассиріи и Вавилоніи, которыя были между собой родственны, имѣло свои обычаи, свой языкъ, свое славное прошлое.

И вотъ персидскій царь Дарій Гистаспъ порѣшилъ раздѣлить это обширное государство на 23 части, которыя назывались сатрапіями. Иногда границы сатрапіи совпадали съ границами какого-нибудь завоеваннаго царства; напр., Египетъ составлялъ одну сатрапію. Иногда же нѣсколько маленькихъ государствъ были соединены вмѣстѣ. Царь приказалъ, чтобы покоренные народы платили ему подать не только деньгами, но и тѣмъ, чѣмъ особенно была богата страна. Поэтому одна сатрапія платила подать лошадьми, другая хлѣбомъ, третья золотомъ, четвертая слоновою костью и чернымъ деревомъ, пятая солью. А кромѣ этого, покоренные народы должны были участвовать наравнѣ

съ персами во всѣхъ войнахъ и поэтому выставляли войска.

Управлялъ же каждой областью (сатрапией) назначенный царемъ начальникъ—сатрапъ, т.-е. защитникъ государства. Обязанности этихъ сатраповъ заключались въ томъ, чтобы собирать подати, начальствовать надъ войскомъ и управлять всей сатрапией. Власть сатраповъ была велика. Въ своей области сатрапъ былъ какъ бы царемъ. Онъ имѣлъ пышный дворъ, чеканилъ монету всякую, кромѣ золотой, принималъ пословъ, заключалъ договоры. А если случалось въ его области возмущеніе, то онъ безъ спроса выступалъ съ войскомъ усмирять мятежниковъ. Царь, конечно, понималъ, что сатрапы могли злоупотреблять своей властью, и поэтому установилъ надзоръ надъ самими сатрапами. Такъ какъ царь не имѣлъ возможности бывать всюду, онъ разсылалъ по сатрапіямъ довѣренныхъ людей, важныхъ сановниковъ. Сановники должны были узнавать, исполняютъ ли сатрапъ государевы указы, печется ли онъ о томъ, чтобы по заповѣди добраго бога процвѣтало земледѣліе, творить ли онъ правый судъ. Такъ какъ этотъ сановникъ долженъ былъ видѣть, т.-е. узнавать все, что происходитъ въ государствѣ, и обо всемъ затѣмъ доносить царю безъ утайки, онъ назывался „государевымъ окомъ“. А у „государева ока“ были повсюду свои люди, которые „слушали“, т.-е. потихоньку наблюдали за тѣмъ, какъ обстоятъ дѣла въ данной сатрапіи. Эти люди носили названіе „государевыхъ ушей“. И у персовъ сложилась пословица: „У персидскаго царя много глазъ и много ушей“.

Если сатрапъ былъ хорошимъ правителемъ, царь его награждалъ, если сатрапъ оказывался виновнымъ, то онъ подвергался царской немилости. Его смѣщали, а иногда жестоко наказывали, при чемъ тогда царская немилость обрушивалась не только на него одного, но и на всѣхъ его близкихъ.

Царь также хорошо понималъ, что и народы, имѣ

покоренные, могут каждую минуту возстать, и поэтому озаботился провести дороги между сатрапіями. По этимъ дорогамъ въ каждую сатрапію можно было въ случаѣ надобности сейчасъ же двинуть войска. По этимъ дорогамъ также скакали государевы гонцы во всѣ края его государства, развозя его указы и порученія.

Итакъ, на первыхъ порахъ царь хотѣлъ упорядочить сборъ податей и охранить свое государство отъ внутреннихъ смуть. Ни о чемъ другомъ царь не заботился. Тогда еще не умѣли управлять такими огромными государствами, въ которыхъ рядомъ жили различные народы, подчасъ враждебные другъ другу.

Власть у царя была очень большая, и никто не осмѣливался перечить ему. Когда однажды море разбушевалось и разметало некстати персидскій флотъ, персидскій царь, могущественный Ксерксъ, велѣлъ въ наказаніе за это бичевать море цѣпями. И не наглупость царя указываетъ эта странная казнь моря, а на то, какого преувеличеннаго мнѣнія былъ этотъ царь о своей власти, возмущенный тѣмъ, что море осмѣлилось ему не повиноваться.

Уже сынъ Кира, царь Камбизъ, часто злоупотреблялъ своей большой властью. Однажды, будучи въ Египтѣ, онъ предпринялъ походъ на страну Эіопію, лежащую къ югу отъ Египта, но потерпѣлъ пораженіе. Когда онъ вернулся, онъ засталъ ликованіе въ Египтѣ. Египтяне радовались тому, что раздобыли себѣ новаго священнаго быка, которому они поклонялись, какъ богу. Но царь Камбизъ, не разобравши, въ чемъ дѣло, вообразилъ, что египтяне радуются его неудачѣ, и, недолго думая, убилъ быка, вонзивъ въ него свое копье. И, конечно, причинилъ этимъ страшное горе всему Египту.

Въ обращеніи со своими приближенными Камбизъ былъ тоже сумасброденъ и жестокъ. Однажды онъ спросилъ у своего любимца Прекаспа, что думаютъ персы о своемъ царѣ. „Царь!—отвѣчалъ Прекаспъ:—они

тобой очень довольны, но думаютъ, что ты пьешь иногда слишкомъ много вина“. Не успѣлъ Прекаспъ договорить, какъ царь выхватилъ лукъ, прицѣлился въ мальчика, сына Прекасна, игравшаго во дворѣ, и своей стрѣлой угодилъ ему прямо въ сердце. Ребенокъ упалъ мертвый. Тогда Камбизъ обратился къ несчастному отцу и, торжествуя, воскликнулъ: „Ну, скажи ты самъ, можетъ ли человѣкъ, предающійся пьянству, имѣть такой вѣрный глазъ?“ Пораженный горемъ Прекаспъ не осмѣлился выразить вслухъ своего отчаянія и могъ только произнести: „Государь, сами боги не могли бы сдѣлать болѣе мѣткого выстрѣла!“

Жестокость, можетъ быть, еще въ большей степени была свойственна сыну Дарія Гистаспа, Ксерксу (тому самому, который велѣлъ бичевать море). Собираясь съ многочисленнымъ войскомъ въ походъ на Грецію, этотъ царь какъ-то разъ нашелъ необыкновенно радушный пріемъ въ домѣ одного богача. Этотъ богачъ, угостивъ царя на славу, подарилъ ему для военныхъ расходовъ все свои сокровища. Царь принялъ подарокъ и объявилъ этого щедраго человѣка своимъ другомъ. Но вотъ, когда настало время переправляться въ Грецію, изъ толпы народа вышелъ навстрѣчу царю его щедрый другъ, глубокій старикъ, и попросилъ царя объ одной милости. Царь заранѣе далъ слово исполнить его просьбу. „Государь!—сказалъ тогда старикъ:—у меня пять сыновей. Они теперь идутъ съ тобой на войну. Оставь мнѣ одного, самаго старшаго, чтобы былъ онъ мнѣ опорой на старости лѣтъ“...

Но царь вдругъ разсвирѣпѣлъ: „Какъ! Когда я самъ иду на войну со всеми моими сыновьями, ты, дерзкій холопъ, осмѣливаешься просить, чтобы я оставилъ тебѣ твоего сына!.. Хорошо. Онъ останется здѣсь“. И царь велѣлъ на глазахъ отца убить его старшаго сына, разрѣзать трупъ пополамъ и положить по обѣ стороны дороги, по которой онъ затѣмъ съ музыкой повелъ на войну свои войска.

Таковы были могущественные персидскіе цари.

А какъ было устроено персидское государство, мы уже знаемъ.

Теперь поговоримъ о томъ, какое вліяніе оказали покоренные народы на Персію.

Покоренные народы, какъ болѣе образованные, несомнѣнно, должны были повліять на персовъ. Такъ и случилось.

Персы оказались по характеру своему очень падкими на все новое, чужое, но, къ сожалѣнію, они, не разбирая, заимствовали не только хорошее, но и дурное. У вавилонянъ они переняли письмо, постройки, но вмѣстѣ съ тѣмъ и роскошь.

Эта роскошь была одной изъ причинъ паденія Вавилона, она была не полезна и Персіи. Особенно сильно сказалось ея вліяніе на царя и его дворъ. Персидскій царь, называвшійся теперь „царемъ царей“ (такъ какъ подъ его властью находились почти всѣ тогдашнія государства), разстался съ простымъ образомъ жизни. Онъ жилъ въ великолѣпномъ дворцѣ, облакался въ драгоценныя одежды, никогда попросту не показывался народу. Когда онъ выѣзжалъ изъ дворца, то впереди ѣхали 2000 челов. царскихъ тѣлохранителей, затѣмъ слѣдовала священная колесница, посвященная богу солица, запряженная 8-ю бѣлыми лошадьми, потомъ шли жрецы со священнымъ огнемъ, и, наконецъ, появлялась царская колесница, окруженная оберегателями съ жезлами. А за ней ѣхали вельможи, вели затѣмъ 300 коней въ дорогой сбруѣ, и 2000 тѣлохранителей замыкали царскій поѣздъ...

Народъ долженъ былъ падать ницъ, а по всѣмъ улицамъ, по которымъ ѣхалъ царь, курились благоуханія.

Чувствуя себя владыкой почти всего древняго міра, персидскій царь былъ убѣжденъ въ силѣ своего государства. Но вотъ случилось еще при Даріи Гистаспѣ, что подвластные ему греческіе города возстали, а европейскіе греки изъ-за моря прислали своимъ соотече-

ственникамъ помощь. Правда, Дарій Гистаспъ жестоко наказаль возставшихъ, и помощь европейскихъ грековъ не привела ни къ чему. Собравъ войско въ 100 тысячъ чело-вѣкъ, царь послалъ его въ Грецію, но персидское стотысячное войско было разбито 10-ю тысячами грековъ. Царь сталъ готовиться ко второму походу, но умеръ, и собранное уже двухмилліонное войско персовъ повелъ его сынъ, персидскій царь Ксерксъ. Но и двухмилліонное войско было позорно разбито греками. А грековъ было значительно меньше.

Эти первыя военныя неудачи должны были бы заставить царя призадуматься. Какъ же это? Государство его велико, но кто же въ случаѣ нужды защитить Персію? Войско, правда, у царя несмѣтное, а силы въ немъ настоящей какъ будто бы нѣтъ. При малѣйшей неудачѣ воины пугаются, бѣгутъ съ поля битвы. Начальники только угрозами заставляютъ ихъ

Рис. 2. Персидскій царь со свитой; наверху благословляющій богъ добра.

вернуться обратно. А между

тѣмъ въ составъ персидскаго войска входятъ народы вовсе не трусливые. Персидскій флотъ состоитъ преимущественно изъ финикійскихъ судовъ. А финикіяне издавна извѣстны, какъ храбрые, отважные мореплаватели. Въ конницу персидскую вошли ассирійцы, которые славились въ древнемъ мѣрѣ воинственностью. И египтяне прежде храбро ходили въ Азію и одерживали тамъ побѣды. И вавилоняне нѣкогда громили сосѣднія государства. Быть можетъ, эти царства и ослабли, но все-таки такой трусости они, когда были свободны, никогда не выказывали. Почему же теперь въ Греціи они потерпѣли и на морѣ и на сушѣ такія сильныя пораженія?

А причинъ этому было много. Войско было неодинаково обучено и неодинаково вооружено. Рядомъ съ образцовой персидскою конницею шли, на примѣръ, чернолицыя эѳіопы, вывезенные изъ Африки. У эѳіоповъ еще не было металлическаго оружія, а поэтому у нихъ стрѣлы были съ каменными наконечниками, а копья изъ роговъ антилопъ. Но главной причиною слабости персидскаго войска были недружность и отсутствіе всякаго воодушевленія. Каждый изъ этихъ народовъ прежде, когда они были свободны, сражался за самого себя, за свою землю, за свою вѣру, за своего царя. Теперь же его заставляли воевать за персидскаго царя, за персидское царство, которое ему было чужимъ. И вотъ безъ всякой охоты, помня еще свою свободу, онъ шелъ воевать за чужую ему Персію. Понятно, воодушевленія онъ совсѣмъ не испытывалъ. Но, кромѣ того, и сами народы, которые должны были теперь по велѣнію царя рядомъ сражаться, иногда другъ друга не терпѣли, были изстари непримиримыми врагами. Поэтому въ самомъ войскѣ шли безконечныя неурядицы, распри...

Итакъ, попытка наказать и завоевать Грецію оказалась неудачной. Царь вернулся домой ни съ чѣмъ. Но въ причинахъ своей неудачи не умѣлъ разобраться.

Никакихъ улучшеній въ своемъ войскѣ не ввелъ. И все оставалось, какъ было. Цари все меньше и меньше вникали въ управленіе страной. Окруженные роскошью въ кругу женъ и придворныхъ, они проводили свою жизнь въ праздности и бездѣліи.

А сатрапы пока управляли своими областями, какъ хотѣли.

Тутъ-то и сказалось неудобство того управленія, которое установилъ царь Дарій Гистаспъ,—сатрапамъ дана была слишкомъ большая сила. И какъ только царскій надзоръ ослабѣлъ, сатрапы не замедлили воспользоваться своей силой. Особенно круто пришлось народу при сборѣ податей.

Царь Дарій опредѣлилъ, сколько должна платить каждая сатрапія, и самой богатой странѣ назначилъ платить наибольшую подать. Но сатрапы это повелѣніе оставили теперь безъ всякаго вниманія и стали тѣснить народъ, собирая гораздо больше податей, чѣмъ это полагалось. Правда, казнѣ царской они выплачивали столько, сколько ей слѣдовало, но зато излишекъ брали себѣ. Такимъ образомъ, обирая народъ, они сильно обогащались. Благодаря такимъ притѣсненіямъ и несправедливостямъ, покоренные персами народы не только не привязывались къ Персіи, но начинали къ ней чувствовать ненависть. А сатрапы входили все въ большую силу. По указу Дарія Гистаспа войско должно было стоять постоемъ въ сатрапіяхъ, а начальствовать имъ должны были сатрапы. Съ теченіемъ времени это войско привыкло безпрекословно повиноваться своимъ сатрапамъ.

Выходило, что сатрапы были сильны, богаты и имѣли къ своимъ услугамъ войска. Царь же, кромѣ своей гвардіи, ничего не имѣлъ и въ остальномъ зависѣлъ отъ своихъ же подданныхъ, сатраповъ. Непокорные сатрапы, если бъ хотѣли возстать (какъ они это и дѣлали), имѣли всегда наготовѣ войска. Нѣкоторые сатрапы были такъ дерзки, что мечтали о томъ, чтобы

стать государями. Царь удачно боролся съ ними. Но все-таки такое положеніе дѣлѣ предвѣщало мало хорошаго.

Что, если бы вдругъ царю понадобились войска для защиты страны? Выходило какъ-будто, что сатрапы могли своему царю отказать въ войскахъ. Это уже было не только не удобно, но очень опасно. Итакъ, главная опасность таилась въ самой странѣ. Въ ней были войска, болѣе преданныя сатрапамъ, чѣмъ царю, и сатрапы, которые мечтали о томъ, чтобы низвергнуть царя и стать государями. Каждый изъ нихъ думалъ о себѣ и не заботился о томъ, какую судьбу готовить онъ своими распрями государству.

Но вотъ пришла бѣда. Изъ-за моря, изъ Европы вторгся въ Персію въ IV в. до Р. Х. храбрый народъ македонскій.

Македонія находилась возлѣ Греціи, а сами македоняне приходились грекамъ сродни. Мужественный царь македонскій, Александръ, задумалъ покорить весь міръ. Греція была уже въ его власти. Теперь Александру нужно было завоевать Персію. Тутъ бы, казалось, Персіи слѣдовало забыть всѣ распри и единодушно встрѣтить врага.

Но Персія этого не сдѣлала. Съ мужествомъ отчаянія въ теченіе цѣлаго года персидскій царь, собирая каждый разъ новыя войска, отстаивалъ свое государство. И, наконецъ, когда вся западная часть Персіи перешла къ Александру, царь персидскій отправился вглубь страны за новыми войсками, умоляя своихъ непокорныхъ сатраповъ оказать ему помощь. Но одинъ изъ нихъ, мечтая о царскомъ вѣнцѣ, не постѣснился взять въ плѣнъ своего царя, связалъ его и увезъ въ телѣгѣ. Даже непріатели, македоняне, были возмущены такимъ низкимъ поступкомъ сатрапа.

Царь македонскій Александръ поспѣшилъ на выручку.

Но было поздно. Сатрапъ, заколовъ кинжаломъ царя, бѣжалъ.

Тѣло послѣдняго персидскаго царя, погибшаго отъ руки своего же сатрапа, было погребено македонянами съ соблюденіемъ всѣхъ почестей. Такъ погибъ послѣдній царь, происходившій изъ того же рода, изъ котораго происходилъ Киръ. Персидское царство было завоевано македонянами и перестало отдѣльно существовать.

Но завоеватель Персіи, царь Александръ Великій, покорившій себѣ почти всѣ государства, какія тогда существовали, стремился не къ одной только военной славѣ. Онъ былъ названъ Великимъ не за однѣ побѣды, а за великую мысль: онъ хотѣлъ народы запада (грековъ, македонянъ) заставить подружиться съ народами востока (персами, египтянами и др.). Эту дружбу онъ хотѣлъ установить затѣмъ, чтобы каждый изъ этихъ народовъ перенималъ одинъ отъ другого то, что считалъ для себя удобнымъ, полезнымъ, пріятнымъ.

Нельзя не упомянуть о томъ, что греки были гораздо образованнѣе персовъ. Александру удалось привести въ исполненіе свое желаніе. Уже при немъ персы стали говорить по-гречески, заинтересовались греческой наукой, а греки облеклись въ персидскія одежды, изучали персидскій языкъ, заимствовали персидскую религію и персидскія искусства. Такъ понемногу, почти незамѣтно, благодаря Александру, стала сливаться персидская образованность съ греческой.

Однако, царство Александра распалась такъ же быстро, какъ создалось. Александръ, умирая, не оставилъ наслѣдника; ему наслѣдовали его полководцы. Они раздѣлили всю монархію Александра на три большихъ государства: Азію, Грецію и Египетъ. Азіей завладѣлъ полководецъ Селевкъ; Персія вошла въ его владѣнія. Селевкъ и его потомки, названные Селевкидами, стремились главнымъ образомъ распространить среди своихъ подданныхъ греческую образованность и уваженіе къ греческой наукѣ.

Ихъ столица, Антиохія, славилась на весь міръ

своими школами и учеными. Со всѣхъ концовъ государства въ столицу стекались любознательные люди, стремившіеся къ наукѣ.

Царство Селевкидовъ въ послѣдствіи тоже распалось, и изъ него возникло нѣсколько мелкихъ государствъ. Изъ нихъ въ III в. до Р. Х. самымъ сильнымъ, самымъ грознымъ для всѣхъ, было царство Парѣянское, завладѣвшее между прочимъ и Персіей. Парѣяне издавна жили въ Азіи, вдоль юго-восточнаго берега Каспійскаго моря. Они исповѣдывали ту же религію, что и персы, и вплоть до завоеваній Александра находились подъ владычествомъ персовъ. Воспользовавшись слабостью Селевкидовъ, парѣяне основали теперь свое государство.

Грозные, воинственные, полудикіе, эти парѣяне со временъ Александра подпали тоже подъ могущественное вліяніе греческаго просвѣщенія. Поэтому цари этого вновь основаннаго государства продолжали покровительствовать греческимъ ученымъ, говорили по-гречески, при дворѣ ихъ господствовали греческіе обычаи. Благодаря набѣгамъ на одно изъ сильнѣйшихъ въ то время европейскихъ государствъ—Римъ *), парѣяне могли многое въ наукахъ и искусствахъ заимствовать у римлянъ, а торговые сношенія съ восточными странами, лежавшими въ глубинѣ Азіи, знакомили и сблизжали парѣянъ не только съ Индіей, но даже и съ Китаемъ.

Живя подъ властью парѣянъ, персы должны были подвергаться вліянію не только греко-римскому, но и индійскому. Въ чемъ сказалось это вліяніе, мы увидимъ дальше... А пока персы какъ будто бы замерли, потрясенные надолго крушеніемъ и гибелью своего государства.

Только когда парѣяне ослабли, персы вдругъ встре-

*) Римское государство было тогда такъ велико, что занимало часть западной Азіи до рѣки Ефрата.

пенулись, бодро взяли за оружіе и подъ начальствомъ перса Арташира вернули себѣ свободу, въ 226 г. послѣ Р. Х.

Что было причинойъ этого возстанія, въ точности неизвѣстно. Мы знаемъ только, что незадолго до этого въ Персіи окрѣпло и возродилось уваженіе къ ея древней религіи; воодушевленные ею, они вспомнили, вѣроятно, свое славное прошлое и возстали противъ парянъ. Храбрецъ Арташиръ, такъ удачно предводительствовавшій возстаніемъ, былъ объявленъ персидскимъ царемъ, и царская власть осталась за его потомками. Цари этого персидскаго рода стали называться Сасанидами, по имени Арташирова дѣда Сасана.

Почти 6 вѣковъ находились персы подъ чужеземнымъ владычествомъ, и теперь, когда они, наконецъ, образовали свое государство, какъ жалко, какъ ничтожно было это государство по сравненію съ великой монархіей Дарія Гистаспа. Оно занимало всего узкую полосу земли вдоль Персидскаго залива. Но персы понимали, что самымъ главнымъ было добиться свободы—и свободу они получили.

Въ знакъ своего уваженія и преданности роду Сасанидовъ персы изваяли на скалѣ изображеніе, какъ богъ добра Огурамазда вручаетъ одному изъ этихъ царей кольцо—символъ могущества, власти—и какъ бы кольцомъ этимъ благословляетъ весь родъ Сасанидовъ на царство.

Сасаниды, принявъ древне-персидскій титулъ, назвались „царями царей“ и стали стремиться къ тому, чтобы увеличить свое государство. Ихъ царство расширялось, росло, благодаря удачнымъ войнамъ, но по своей величинѣ все-таки больше не достигало размѣровъ древней Персіи.

Государственное устройство Персіи оставалось почти такимъ же, какъ при Даріи Гистаспѣ. По старому обычаю, ее опять раздѣлили на сатрапіи. Но въ отличіе отъ древней Персіи въ этомъ государствѣ уже

получили огромную власть жрецы-маги, уничтожена была прежняя вѣротерпимость, и особенно сильнымъ гоненіямъ подвергались христіане.

Между тѣмъ, несмотря на все пережитое, Персія сумѣла такъ окрѣпнуть, что стала грозой для сосѣдей. Даже сильная Византія *) посылала ей дань, и египетскіе князья отдали себя подъ покровительство Персіи. Наибольшей славы Персія достигла въ VI вѣкѣ, въ царствованіе царя Хозроя I Ануширвана. Его удачныя завоеванія увеличили размѣры государства, и благодаря глубокому уваженію, которое оказывалъ царь греческой наукѣ, Персія обогатилась новыми научными знаніями. Въ царствованіе Хозроя I усердно переводились на персидскій языкъ греческія научныя сочиненія по математикѣ, исторіи, астрономіи. При дворѣ Хозроя находили себѣ всегда радушный пріемъ и гостепріимство греческіе ученые, которымъ тогда плохо жилось на своей родинѣ. Не только греческія сочиненія, но даже и индійскія переводились по приказанію Хозроя на персидскій языкъ: такъ, на примѣръ, былъ переведенъ для чтенія сборникъ индійскихъ басенъ.

Греческое и римское вліяніе сказалось не только въ персидской наукѣ, но и на всѣхъ постройкахъ царей Сасанидовъ. Великолѣпные дворцы Хозроя I имѣютъ большое сходство съ греческими дворцами.

Итакъ, Персія восприняла много чужеземнаго, но воспринятое готовилась понемногу передѣлать на свой ладъ, приноровить къ потребностямъ и вкусамъ своего народа.

По всей вѣроятности, Персія дала бы намъ изъ этой пестрой смѣси чужеземнаго—греческаго, римскаго, индійскаго—что-нибудь великое и своеобразное по своей красотѣ.

*) Византіей называлось греческое государство, образовавшееся въ сѣверной части Балканскаго полуострова и находившееся подъ сильнымъ вліяніемъ римской образованности.

Она создала бы свою особенную архитектуру (постройки), она бы и въ наукѣ ушла далеко впередъ. Но она этого не успѣла достигнуть. Ее постигъ вдругъ ударъ, котораго она менѣе всего могла ожидать: на нее хлынули арабы и завоевали всю Персію.

III.

Арабы жили въ Азіи, на Аравійскомъ полуостровѣ, и дотога никогда не беспокоили персовъ, хотя только узкая полоска Персидскаго залива отдѣляла ихъ неплодородный полуостровъ отъ персидскаго государства. Они занимались скотоводствомъ, торговлей и не казались опасными сосѣдями. Но вотъ среди нихъ появился арабъ Магометъ, вообразившій себя пророкомъ, и сталъ арабамъ-язычникамъ проповѣдывать новую религію.

Его ученіе, представлявшее изъ себя смѣсь христіанскаго ученія съ іудейскимъ и древне-арабскимъ языческимъ, стало потомъ называться магометанскимъ, мусульманскимъ, а еще иначе исламомъ (т.-е. преданностью Богу). Арабы увѣровали въ Магомета и перешли въ магометанскую вѣру. Магометъ, умирая, завѣщалъ имъ распространять его ученіе среди всѣхъ народовъ, а въ награду за этотъ подвигъ каждому воину, сражавшемуся за распространеніе ислама и павшему на полѣ битвы, онъ обѣщалъ прощеніе грѣховъ и рай.

Воодушевленные этимъ обѣщаніемъ, арабы хлынули на сосѣднія земли, храбрые, неустрашимые, какъ львы.

Но кто же повелѣвалъ этими полчищами арабовъ? У арабовъ никогда не было царей. Жили они врозь отдѣльными племенами подъ управленіемъ выборныхъ старѣйшинъ и впервые соединились въ одинъ народъ, благодаря новой религіи, которая ихъ сблизила между собой. Ихъ повелителемъ и духовнымъ владыкой былъ Магометъ. И вотъ послѣ смерти Магоме-

та арабы, жаждавшіе распространить исламъ, не могли обойтись безъ руководителя—полководца и духовнаго главы.

Они прибѣгли по старому обычаю къ выборамъ, желая преемникомъ своему пророку назначить человека, наиболѣе достойнаго такой чести. Выборъ палъ на тестя Магомета, Абу-Бекра.

Абу-Бекръ сразу получилъ мірскую и духовную власть.

Отнынѣ такіе люди, которые одновременно были какъ бы государями и вмѣстѣ съ тѣмъ духовными владыками, стали у арабовъ носить названіе халифовъ. Итакъ, полчища арабовъ велъ халифъ. Удачныя завоеванія, начавшіяся при халифѣ Абу-Бекрѣ, продолжались еще съ большимъ успѣхомъ при второмъ халифѣ—Омарѣ, храбромъ, умномъ и очень талантливымъ полководцѣ. Онъ-то и покорилъ Персію.

Какъ разъ въ то время Персія была обезсилена неудачной войной съ Византіей. Народъ былъ истощенъ непосильными налогами. Происходили частыя возстанія христіанъ, возмущенныхъ гоненіями, а на престолъ взошелъ малолѣтній государь. Повторилась та же печальная исторія, что и при вторженіи македонянъ. Персы не соединились, а сражались храбро, но врозь. Сатрапы, мечтавшіе о самостоятельности, враждовали съ царемъ и отказывали ему въ войскахъ.

Арабы вторглись въ Персію въ 633 году, и только въ 650 г. вся Персія была ими окончательно покорена, а послѣдній царь изъ рода Сасанидовъ, удалившійся на востокъ государства за новыми войсками, былъ измѣннически убитъ. Персія стала только частью великой арабской монархіи, и ею стали управлять арабскіе намѣстники. И поистинѣ, арабское государство, захватывая все новыя и новыя земли, становилось огромнымъ. Изъ глубины Азіи тянулось оно, захватило весь сѣверный берегъ Африки и часть Европы, нынѣшнюю Испанію.

Но что же могли дать арабы на первых порахъ всѣмъ этимъ покореннымъ народамъ? На первыхъ порахъ арабы, грубые, невѣжественные, несли повсюду за собой одно разрушеніе. Они сожигали великолѣпнѣйшія зданія, библіотеки, они уничтожали драгоцѣннѣйшія рукописи, они не щадили ученыхъ. Арабы по невѣжеству своему думали, что вообще никакихъ книгъ больше не нужно, послѣ того какъ проповѣди и рѣчи Магомета были собраны въ священную для нихъ книгу—Коранъ. Арабы полагали, что въ Коранѣ уже разсказано обо всемъ, что нужно знать человѣку.

Разрушая все на пути, арабы помнили объ одномъ, что должны распространять свой исламъ, и его они навязывали всѣмъ народамъ.

Итакъ, первое важное, что получила Персія отъ арабовъ,—это новую религію, магометанство. Угасли вѣчные огни, горѣвшіе на высокихъ скалахъ подъ навѣсами и олицетворявшіе собой бога добра Огурамазду.

Многіе язычники-персы, захвативъ съ собой священный огонь, бѣжали въ Индію. Иные упрямцы остались въ Персіи и рѣшили перетерпѣть гоненія. Но арабы обошлись съ ними сравнительно милостиво,—кровавой расправы не было. Язычниковъ обложили только большою податью и подвергли многимъ униженіямъ, такъ, напримѣръ, ихъ заставили въ отличіе отъ мусульманъ носить особенныя одежды, имъ было велѣно ѣздить верхомъ только на ослахъ и, повстрѣчавшись съ магометаниномъ, уступать ему дорогу. Имъ запретили ношеніе оружія. Нетрудно сообразить, насколько тяжело и унижительно казалось персу-язычнику разстаться со своимъ конемъ и оружіемъ. Вѣдь персъ издавна славился какъ лихой наѣздникъ, не расстающійся никогда со своимъ вооруженіемъ. Но язычники стойко перенесли всѣ эти униженія. Конечно, такихъ упорныхъ язычниковъ среди персовъ оказалось немного. Остальные предпочли перейти въ исламъ. Они соблазнились, надо думать, съ одной стороны, красотой и великолѣпіемъ

магометанскаго рая, обѣщаннаго въ небѣ всѣмъ благочестивымъ мусульманамъ, а съ другой—ихъ влекли къ этому и другія соображенія. Они надѣялись получить почетъ отъ своихъ завоевателей-арабовъ, а потомъ также освободиться отъ податей и налоговъ и даже получать плату изъ казны.

Дѣло въ томъ, что арабы, составляя въ странѣ какъ бы постоянное войско, готовое каждый мигъ двинуться въ путь, никогда между собой завоеванной земли не дѣлили, чтобы ихъ ничто не привязывало къ данной странѣ. Свою же военную добычу они получали изъ казны деньгами. На первыхъ порахъ они обѣщали новообращеннымъ въ магометанство персамъ выплачивать имъ ихъ доли изъ казны и освободить ихъ отъ податей. Персы стали быстро переходить въ исламъ. Одни, быть можетъ, увѣровали искренно, другіе же еще долго втайнѣ держались язычества. Какъ бы то ни было, но магометанство пустило глубокіе корни въ Персіи и вытѣснило язычество. Сущность этой религіи слѣдующая.

Магометане вѣрятъ въ единого Бога, мстительнаго, грознаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и милостиваго, прощающаго. Вѣрятъ они, что Богъ Свою волю открывалъ людямъ черезъ многихъ пророковъ, въ томъ числѣ черезъ Моисея и Іисуса Христа. Въ послѣдній разъ Богъ говорилъ устами Магомета; поэтому Магометъ выше другихъ пророковъ, онъ—главный пророкъ. Въ день страшнаго суда Богъ (или Аллахъ, какъ они называютъ Бога) сойдетъ на землю. На вѣсахъ взвѣсятъ злыя и добрыя дѣла каждаго смертнаго. Затѣмъ все пойдутъ черезъ мостъ, который будетъ висѣть надъ бездною. Грѣшники не смогутъ дойти до конца; они съ моста упадутъ въ бездну, въ адъ, гдѣ будутъ терпѣть всевозможныя муки. Тяжелѣе другихъ будутъ наказаны язычники, которые не вѣрили въ единого Бога.

Праведные благополучно пройдутъ по мосту въ рай. Тамъ ждетъ ихъ блаженство. Одѣтые въ дорогія одеж-

ды, они беззаботно будутъ жить въ цвѣтущемъ, благоухающемъ саду, пить, ѣсть, нѣжиться, а прислуживать будутъ имъ черноокія стройныя красавицы.

Для того, чтобы попасть въ этотъ чудный райскій садъ, гдѣ царить вѣчное лѣто, надо строго исполнять всѣ законы Бога. Необходимо пять разъ въ день молиться. Одинъ день въ недѣлю должно всецѣло посвящать молитвѣ. Этотъ день—пятница. Затѣмъ слѣдуетъ щедро подавать милостыню и соблюдать посты. Постъ заключается въ томъ, чтобы отъ восхода до заката солнца ничего не ѣсть, не пить, не курить. Соблюдая чистоту души, слѣдуетъ также заботиться о чистотѣ тѣла и совершать передъ молитвой омовенія. Наконецъ, надо ходить на богомолье въ арабскій городъ Мекку, въ которомъ находится святыня—Кааба. Собственно Кааба—святыня древне-арабская, языческая. Она представляетъ изъ себя плоское зданіе, въ одну изъ стѣнъ котораго вдѣланъ черный камень. Мало-по-малу возлѣ Каабы отстроился богатый городъ Мекка, а въ Каабу, гдѣ были собраны идолы, стали стекаться на богомолье арабы-язычники. Привязанность къ этой древней святынѣ была такъ велика, что самъ Магометъ не посмѣлъ уничтожить Каабу, а только велѣлъ вынести изъ нея идоловъ. И магометанинъ, молясь, всегда обращается лицомъ въ ту сторону, гдѣ находится Кааба.

Кааба и до нашихъ дней — главная святыня всѣхъ мусульманъ (такъ иначе называются магометане).

Этотъ камень, думаютъ суевѣрные магометане, былъ прежде бѣлымъ, чистымъ, а теперь онъ почернѣлъ отъ грѣховъ человечества. Въ день страшнаго суда ангелы вознесутъ его на небо, онъ станетъ снова бѣлымъ, на немъ раскроются два глаза и узнаютъ тѣхъ, кто молился въ Каабѣ... И голосъ получитъ этотъ камень, и заступится онъ за тѣхъ, кто къ нему приходилъ молиться.

Магометъ своего ученія не записывалъ. Его рѣчи были только послѣ его смерти собраны его учениками и послѣдователями и записаны, какъ кто помнилъ.

Такъ составилаь книга, въ которой записано все, чему училъ Магометъ. Книга эта называется Кораномъ, т.-е. книга чтеній.

Магометанинъ чтить свой Коранъ, клянется надъ Кораномъ, по Корану онъ читаетъ свои молитвы. Въ Коранѣ изложено не только религіозное ученіе, но разныя наставленія о томъ, чего нельзя ѣсть, пить и какъ когда поступать. Запрещено, напр., строго пить вино и ѣсть свинину, потому что Магометъ замѣтилъ, какъ вино подчасъ затуманиваетъ голову, а свинина вредитъ здоровью. Въ Коранѣ приказывается дѣтямъ чтить своихъ родителей, говорится о томъ, какъ мужъ долженъ относиться къ женѣ.

Разрѣшается многоженство. Строго-настрого приказывается женщинамъ покрывать лица.

Таковы были основы той религіи, которая была принята въ угоду арабамъ и стала отнынѣ религіей персовъ.

Но персы скоро узнали, что ошиблись въ своихъ расчетахъ. Напрасно персы перенимали у арабовъ языкъ, одежды, обычаи, — гордые, надменные арабы вовсе не желали сближаться съ персами. Въ завоеванной странѣ они хотѣли быть единственными господами и владыками. И въ своихъ денежныхъ расчетахъ персы ошиблись: арабы дѣйствительно пробоваали было выплачивать имъ ихъ доли, но вскорѣ это показалось арабамъ очень невыгоднымъ, и они не только перестали платить персамъ, но даже обложили ихъ податью. Кромѣ того, боясь возстаній, они и персамъ — магометанамъ запретили ношеніе оружія. Неудовольствіе среди персовъ росло. Они негодовали, видя, какъ арабы не работали сами, а между тѣмъ обирали ихъ, повелѣвали ими, хозяйничали въ ихъ странѣ. А простой народъ чувствовалъ себя къ тому же угнетеннымъ налогами, которые были разъ навсегда установлены и не уменьшались, несмотря на то, что плательщикъ обнищаль...

Хотѣлось персамъ чѣмъ-нибудь отомстить гордымъ

арабамъ, выразить имъ свою ненависть, постоять за себя. Но силъ у нихъ не было, чтобы открыто возстать и прогнать арабовъ, завладѣвшихъ всею ихъ страной. И вотъ персы нашли другой способъ, чтобы отомстить арабамъ за всѣ свои униженія.

Они приняли участіе въ распрѣ, которая возникла среди арабовъ и раздѣлила ихъ на два враждебные толка: на шитовъ и на суннитовъ.

Дѣло въ томъ, что послѣ смерти Магомета среди арабовъ возникъ споръ изъ-за того, кому быть халифомъ. Одни доказывали, что мірская и духовная власть Магомета должна *по наслѣдству* перейти къ Алію, Магометову зятю, женатому на его дочери. Но большая часть арабовъ рѣшила халифовъ *выбирать*. Мы уже знаемъ, что такимъ образомъ были выбраны одинъ за другимъ три халифа: Абу-Бекръ, Омаръ и Османъ. Наконецъ, послѣ смерти Османа четвертымъ халифомъ былъ выбранъ Алій. Казалось, всѣ распри должны были прекратиться. Но Алій спустя нѣкоторое время былъ убитъ, сыновей Алія обошли, а Муавія, заклятый врагъ Алія, былъ выбранъ халифомъ. Приверженцы Алія рѣшили теперь отстаивать права его наслѣдниковъ. Изъ-за этого возникли страшныя смуты и повлекли за собой гибель всѣхъ потомковъ Алія. Они подвергались ужаснымъ гоненіямъ со стороны выборныхъ халифовъ, пыткамъ, казнямъ.

Тѣмъ не менѣе число ихъ сторонниковъ, благодаря всѣмъ этимъ гоненіямъ, увеличивалось. Сторонники эти стали признавать Алія и его двухъ сыновей, Гусейна и Гасана, святыми, отвергали законность первыхъ трехъ выбранныхъ халифовъ и стали вѣрить въ пришествіе послѣдняго потомка Алія, Махди, который будто бы утвердитъ царство Божіе на землѣ. Послѣдователи этого религіознаго толка получили названіе шитовъ — пристрастныхъ. Къ нимъ-то и примкнули персы, чтобы выразить недовольство своимъ правителямъ-арабамъ, принадлежавшимъ къ другому толку —

суннитовъ. Сунниты чтили сунну — жизнеописаніе первыхъ трехъ калифовъ, не признавали Алія и его потомковъ святыми и не вѣрили въ пришествіе Махди. Вѣра же въ общемъ у суннитовъ и шіитовъ оставалась одна и та же — магометанская: какъ тѣ, такъ и другіе чтятъ Магомета и его Коранъ.

Становясь на сторону шіитовъ, персы впервые открыто признавались въ своей ненависти ко второму халифу Омару, покорившему Персію, выражали свою нелюбовь къ правителямъ-арабамъ, а защищая потомковъ Алія, защищали какъ бы свою страну. Сынъ Алія, Гусейнъ, женатый на дочери послѣдняго персидскаго царя, былъ какъ бы узамъ родства связанъ со всею Персіей.

Что ни дѣлали арабы, чтобы положить конецъ шіизму, онъ распространялся быстро и охватилъ всю Персію.

Между тѣмъ воинственный пылъ арабовъ мало-помалу остывалъ. Необразованные, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень способные, они начали подпадать подъ могучее вліяніе тѣхъ, кого они покорили. А покорили они главнымъ образомъ такіе народы, которые были гораздо образованнѣе ихъ и въ наукѣ являлись учениками грековъ. И снова греческая наука возродилась, расцвѣла, но на этотъ разъ у арабовъ, и опять мощнымъ, обновляющимъ потокомъ проникла въ Персію.

Арабы слабѣли. Ихъ огромное государство начинало распадаться на мелкія части—халифаты, и въ каждомъ изъ этихъ халифатовъ былъ уже свой особый правитель, свой отдѣльный халифъ. Но на ряду съ этимъ распаденіемъ шелъ въ каждомъ изъ этихъ маленькихъ государствъ расцвѣтъ и наукъ, и искусствъ. Арабскіе архитекторы славились своими постройками. Ихъ дворцы и мечети (храмы) были особенной красоты и вмѣстѣ съ тѣмъ настолько своеобразны, что и теперь не трудно по виду отличить арабскую постройку отъ всякой другой.

Среди арабовъ появились свои великіе ученые, которые во многомъ превзошли и опередили грековъ. Ими были сдѣланы очень важныя открытія во врачебной наукѣ, въ астрономіи (наукѣ о звѣздахъ) и въ математикѣ *). Даже и мы многое въ этихъ наукахъ заимствовали отъ арабовъ.

Знаки (цифры), которыми въ ариѳметикѣ изображаютъ числа, взяты нами отъ арабовъ. Древнѣйшія свѣдѣнія о славянахъ мы, между прочимъ, узнали изъ арабскихъ историческихъ сочиненій.

Мудрено ли, что персы подпали подъ могучее вліяніе арабской образованности. Персы говорили по-арабски, учились въ арабскихъ школахъ, читали сочиненія арабскихъ ученыхъ и начинали приобрѣтать большое значеніе въ этомъ арабскомъ государствѣ, въ которомъ обращалось уже главное вниманіе не на военныя дѣла, а на мирныя искусства.

И въ то время, какъ арабы изнѣживались, благодаря роскоши, и ослабѣвали, персы постепенно образовывали три самостоятельныхъ княжества. Но эти княжества не соединялись между собой для обороны отъ недруговъ, которые могли на нихъ нагрянуть изъ Азіи, и даже враждовали между собой.

А между тѣмъ Персіи по несчастью выпало на долю лежать на пути всѣмъ дикимъ необразованнымъ народамъ, которыхъ нужда гнала изъ глубинъ Азіи въ Европу. Первымъ изъ этихъ трехъ княжествъ было завоевано то, которое лежало на востокѣ Иранскаго плоскогорья. Имъ завладѣлъ народъ турки, князья которыхъ получили прозвище Газневидовъ, по имени города Газни, гдѣ они прежде жили. Однако, персидская образованность, которая возродилась въ этомъ княжествѣ, прославившемся своими библіотеками, школами, учеными и поэтами, при Газневидлахъ не пала,

*) Математика—это наука о величинахъ. А величиной называется все то, что можно измѣрять. Напримѣръ, площадь есть величина, потому что ее можно намѣрять въ длину и ширину.

а даже пошла впередъ. Дѣло въ томъ, что Газневиды, завладѣвшіе въ X вѣкѣ этимъ княжествомъ, не хотѣли признать своей зависимости отъ арабовъ; поэтому они покровительствовали персамъ и даже одно время старались арабскій языкъ повсюду замѣнить персидскимъ. При дворѣ одного изъ этихъ газневидскихъ султановъ жилъ величайшій персидскій поэтъ Фирдоуси, составившій изъ иранскихъ преданій книгу Шахъ намэ (т.-е. книгу царей). Въ ней онъ въ стихахъ краснорѣчиво передалъ всю древнюю исторію Ирана, а въ заключеніе разсказалъ подвиги Александра Македонскаго. Вначалѣ, гордясь этимъ поэтомъ, султанъ оказывалъ ему почести, но потомъ причинилъ ему много огорченій, которыя и свели Фирдоуси въ могилу.

Однако Газневиды правили сравнительно недолго. Въ XI вѣкѣ на нихъ надвинулись съ востока орды турокъ-сельджуковъ.

Газневиды были разбиты, и турки побѣдоносно двинулись дальше, покоряя себѣ все по пути, и такъ дошли до самаго города Багдада, гдѣ жилъ арабскій халифъ. Бесильный халифъ посвятилъ турецкаго военачальника въ санъ султана, и вся Персія очутилась подъ властью этихъ турокъ. Это побѣдоносное шествіе турецкихъ войскъ черезъ весь Иранъ было ужаснымъ разгромомъ для Персіи. Одинъ изъ писателей того времени разсказываетъ, что потомъ въ теченіе своего семилѣтняго путешествія по Персіи онъ нигдѣ не встрѣчалъ ни благосостоянія, ни порядка, ни праваго суда. Мудрено ли, что персамъ тогда сильно взгрустнулось!

Ихъ поэты на ряду съ веселыми стихами пишутъ такіе, въ которыхъ звучатъ печаль и разочарованіе жизнью. Все будто бы на свѣтѣ непрочно: и дружба, и слава, и весь міръ—только тлѣнь...

Персія не надолго оправляется, благодаря великому визирю турецкаго султана. Этотъ великій визирь—

самъ персъ—возстановляетъ порядокъ въ странѣ, заботится о благосостояніи народа, основываетъ университетъ, гдѣ на арабскомъ языкѣ преподаются различныя науки. Но Персія не успѣваетъ собраться съ силами, какъ на нее уже изъ глубины Азіи надвигается новый врагъ—татары-язычники *). Они нагрянули въ Персію въ XIII вѣкѣ. Арабскій халифъ былъ ими убитъ, турецкое царство пало, а вся Персія, расшатанная прежними невзгодами, была разорена и подверглась страшному опустошенію. Ея ученые были убиты, наука пала. Разрушительнымъ потокомъ, не оставляя камня на камнѣ, прошли татары черезъ Персію и свернули затѣмъ въ Россію. Татарскій ханъ оставилъ въ Персіи своего брата и поручилъ ему управлять этимъ государствомъ.

Оставшіеся въ Персіи татары скоро подпали подъ вліяніе персовъ, перешли въ магометанство, а затѣмъ въ шиизмъ.

Ихъ правитель отказался платить дань татарскому хану и объявилъ себя самостоятельнымъ государемъ.

Несчастія подняли духъ вѣры у персовъ: измученные всѣмъ пережитымъ, они обратились за утѣшеніемъ къ своей религіи.

Грусть и разочарованіе, уже до того звучавшія въ ихъ произведеніяхъ, достигли теперь особенной силы. Въ то время, какъ персидскіе историки по приказанію своихъ татаръ-повелителей пишутъ имъ хвалебныя повѣствованія, оправдываютъ ихъ звѣрства, всячески льстятъ имъ, персидскіе поэты воспѣваютъ стремленіе къ Богу, отшельничество и сладость молитвы. Изъ поэтовъ того времени мы назовемъ двухъ: Саади и Гафиза. Это два величайшіе поэта Персіи, не уступающіе лучшимъ европейскимъ поэтамъ по силѣ своего дарованія. Они предпочитали выражать свои мысли не прямо, а иносказательно. Они славили въ своихъ

*) Газневиды и гурки-сельджуки были магометанами-суннитами.

стихахъ вино, цвѣты и наслажденія. Но часто стихи эти таили въ себѣ совсѣмъ другой смыслъ: подъ виномъ подразумѣвается не настоящее вино, а молитва, подъ опьяненіемъ—не опьяненіе, а религіозный восторгъ, и т. д. Поэты прибѣгали ко всѣмъ этимъ хитростямъ и уловкамъ, чтобы скрыть свои настоящія мысли, боясь иначе разгнѣвать своихъ повелителей и навлечь на себя ихъ неудовольствіе.

Среди самихъ татаръ начались распри и междоусобія; они окончились тѣмъ, что на персидскій престолъ возшелъ шахъ (царь) изъ татарскаго рода Сефевидовъ. Случилось это въ XV вѣкѣ.

При Сефевидлахъ языкомъ всего государства сталъ персидскій языкъ, а религіей всей Персіи былъ признанъ шіизмъ. Благодаря тому, что шіизмъ былъ признанъ религіей всего государства, всѣ шіиты—татары, персы, а также тѣ изъ турокъ, которые перешли въ шіизмъ,—сблизились между собой, сплотились въ одинъ народъ. Это повело къ тому, что Персія вновь окрѣпла. Однако, признаніе шіизма религіей всего государства принесло Персіи и вредъ. Оно нанесло страшный ударъ персидской литературѣ *). Персидскіе писатели, прежде болѣе или менѣе свободно выражавшіе свои мысли и чувства, теперь должны были соблюдать большую осторожность. Дѣло въ томъ, что шіитское духовенство вошло въ большую силу и, оберегая религію, преслѣдовало писателей за всякое неосторожное слово. Писатели осмѣливались говорить только то, что нравилось духовенству. Ихъ сочиненія обращались въ скучныя, длинныя разсужденія о вѣрѣ или же въ пересказъ того, что уже было раньше написано другими писателями. Вотъ поэтому въ XVI вѣкѣ, когда Персія при шахѣ Абасѣ I Великомъ достигла благосостоянія, мы не можемъ все-таки назвать ни одного сколько-нибудь выдающагося писателя.

*) Литературой называется собраніе всѣхъ написанныхъ сочиненій.

А между тѣмъ въ правленіе этого шаха Персія возвысилась, вошла въ сношенія съ Европой. Оживилась торговля. Персидскіе купцы прїѣзжали торговать даже и въ Москву. Ради улучшенія торговли шахъ Абасъ I проводилъ въ Персіи дороги, строилъ мосты черезъ рѣки, воздвигалъ на торговомъ пути рядъ постоянныхъ дворовъ, гдѣ купцы могли отдохнуть, а въ городахъ для торговли строилъ базары. Еще и до сихъ поръ персы главнымъ образомъ пользуется этими дорогами, базарами, мостами и находятъ ночлегъ въ постоянныхъ дворахъ, выстроенныхъ по приказанію шаха Абаса. Кромѣ того, этотъ шахъ былъ покровителемъ искусствъ. Дворцы и мечети, выстроенные при немъ, сохранились еще до нашего времени и веселятъ взоръ своей яркой красотой (они преимущественно выложены изразцами, бирюзовыми, сиреневыми, по которымъ нарисованы иногда и цвѣты). Но, несмотря на все желаніе этого шаха завести въ государствѣ порядокъ, ему это не удалось. Послѣ его смерти вскорѣ начались смуты и кровавыя распри. На Персію въ XVIII вѣкѣ нахлынули каджары, народъ тюрко-татарскаго племени. Въ борьбѣ съ ними былъ перебитъ и угасъ весь родъ Сефевидовъ.

Каджары завладѣли всей Персіей, а на персидскій престолъ взошелъ ихъ князь, и въ наше время Персіей править государь изъ этого рода татаръ-каджаровъ, по имени Музафферъ-эд-Динъ. Его предки, послѣ долгихъ войнъ въ самой Персіи, прочно утвердились на персидскомъ престолѣ.

Имъ пришлось, кромѣ того, вести также и другія разорительныя войны, которыя оканчивались не всегда удачно для персовъ. Такъ, напримѣръ, война съ Россіей окончилась тѣмъ, что Персія принуждена была уступить ей свои кавказскія земли и Каспійское море.

При шахахъ-каджарахъ, которые, конечно, шіиты и своимъ роднымъ языкомъ уже считаютъ персидскій языкъ, европейское вліяніе начинаетъ проникать въ

Персію. Отецъ нынѣ царствующаго шаха, Насръ-эд-Динъ, первый преступилъ крѣпкій персидскій обычай и совершилъ нѣсколько поѣздокъ по Европѣ; его сынъ, Музафферъ-эд-Динъ-шахъ, послѣдовалъ примѣру отца и тоже побывалъ въ Европѣ.

Итакъ, послѣ всего, нами разсказаннаго, не трудно догадаться, что народонаселеніе Персіи очень разнообразное. Оно состоитъ изъ персовъ, турокъ, татаръ, арабовъ. По окраинамъ ея и донынѣ кочуютъ разные неродственные персамъ народы. А внутри Персіи, благодаря сношенію съ Европой, проживаютъ также иностранцы—русскіе, французы, англичане.

Все народонаселеніе Персіи перемѣшалось. Татары утратили свой желтый цвѣтъ лица, косые глаза и выдающіяся скулы. Они высоки, блѣлы, глаза у нихъ прямые. Смѣтливые, воинственные, они, кромѣ своего родного нарѣчія, говорятъ по-персидски и, какъ истые сыны Персіи, гордятся ея славнымъ прошлымъ. Нельзя того же самого сказать объ арабахъ, оставшихся въ Персіи. Они какъ-то опустились, влачатъ жалкое существованіе. Въ нихъ нѣтъ и слѣда прежней высокой образованности. А сами персы, въ жилахъ которыхъ уже много арабской и татарской крови, красивые, стройные, но вмѣстѣ съ тѣмъ слабые и усталые на видъ, мало похожи на прежняго могучаго перса. На него похожъ только персъ - огнепоклонникъ (гебръ), его прямой потомокъ. Огнепоклонники, называемые гебрами, живутъ и теперь главнымъ образомъ въ средней Персіи, возлѣ города Іезда. Эти упорные язычники вытерпѣли всѣ гоненія и никогда не роднились ни съ турками, ни съ арабами, ни съ татарами, а браки заключали между собой. Сильные, красивые, но невѣжественные, они до сихъ поръ творятъ свои языческіе обряды, поклоняются огню, считая его олицетвореніемъ бога добра, и шепчутъ молитвы на такомъ древнемъ языкѣ, что сами иной разъ не понимаютъ произноси-

мыхъ словъ. Главное занятіе язычниковъ—торговля съ Индіей. Персы-шіиты сторонятся гебровъ, которые въ отличіе отъ магометанъ обязаны носить зеленныя ермолки. Если бы не писъмо халифа Алія, обѣщающаго язычникамъ свое покровительство, шіиты давно бы расправились съ ними и разорили бы городъ Іездъ съ его огнепоклонниками. А между тѣмъ въ самой Персіи еще донинѣ сохранились такіе обряды и обычаи, которые были прежде связаны съ языческой вѣрой. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Персіи сохранился обычай выходить навстрѣчу почетнымъ гостямъ, неся горшокъ, наполненный горящими углями. Кромѣ того, нѣкоторые мусульманскіе праздники приурочены къ древне-языческимъ. Но персы, какъ было уже сказано, презираютъ свою прежнюю религію, а если придерживаются нѣкоторыхъ языческихъ обычаевъ, то совершенно невольно, даже не зная ихъ объясненія.

Несмотря, однако, на свою преданность магометанству, персы въ нѣкоторыхъ вещахъ отступили и отъ ислама. Такъ, напримѣръ, Магометъ подъ страхомъ вѣчныхъ мукъ строго-настрого воспретилъ правовѣрнымъ дѣлать изображенія людей и животныхъ. Но у персовъ даже есть изображенія халифа Алія и его сына Гусейна, при чемъ Алій изображается всегда съ лицомъ перекрытымъ покрываломъ, потому что лицо его, по мнѣнію шіитовъ, преисполнено такого сіянія, что ни одинъ смертный не смогъ бы иначе выдержать его яркаго блеска.

Гусейна же рисуютъ съ открытымъ, мужественнымъ лицомъ, обрамленнымъ черной бородой, и съ зеленымъ тюрбаномъ *) на головѣ. Эти портреты Алія и Гусейна шіиты чтятъ, а въ той комнатѣ, гдѣ находятся эти изображенія, шіиты избѣгаютъ ссоръ и сквернословія.

Чѣмъ же объяснить все-таки это послушаніе и явное

*) Тюрбаномъ (чалмой) называется особый головной уборъ, состоящій изъ длиннаго куска матеріи, нѣсколько разъ обмотанной вокругъ головы.

отступленіе отъ указаній религіи? Единственнымъ объясненіемъ этому является опять-таки языческое прошлое Персіи. Будучи язычниками, они привыкли въ выпуклыхъ изображеніяхъ на скалахъ и на стѣнахъ зданій прославлять въ образѣ людей и животныхъ

Рис. 3. Борьба добра со зломъ.

побѣду добра надъ зломъ. Обыкновенно зло въ видѣ дикаго, разъяреннаго звѣря набрасывалось на мужественнаго, храбраго человѣка, олицетворявшаго собой добро, и этотъ человѣкъ на смерть поражалъ звѣря своимъ копьемъ. Итакъ, привыкнувъ со времени глубокой древности къ такимъ изображеніямъ, персы и потомъ, ставши магометанами, не могли отказаться отъ этого искусства. Коранъ только остановилъ его дальнѣйшее развитіе: среди персовъ есть и донынѣ художники, но они не пошли далеко

въ этомъ искусствѣ. Ихъ произведенія по сравненію съ нашими поражаютъ своимъ несовершенствомъ.

Не только этотъ запретъ, но и нѣкоторые другіе не исполнѣ точно исполняются персами. Коранъ запрещаетъ употребленіе вина, но среди персовъ есть люди, предающіеся пьянству. Пьянство впрочемъ строго нака-

зывается, хотя иные люди, пьющіе вино, ссылаются на то, что употребляютъ вино, какъ лѣкарство. А вино, если оно—лѣкарство, не воспрещено.

Память объ арабскомъ владычествѣ до сихъ поръ жива въ Персіи. Прежняя ненависть къ арабамъ совершенно угасла, забыты обиды и неудовольствія. Владычество арабовъ оставило неизгладимый слѣдъ на всей Персіи. Персы заимствовали арабское письмо, въ ихъ языкѣ сохранилось много арабскихъ словъ, и вся Персія до сихъ поръ проникнута глубочайшимъ уваженіемъ къ арабской образованности. Ученый персъ считаетъ своимъ долгомъ знать арабскій языкъ. Донынѣ переиздаются въ Персіи арабскія научныя сочиненія, теперь уже устарѣвшія, отставшія отъ европейской науки, которая за это время ушла далеко впередъ. Но персы еще учатся по этимъ устарѣвшимъ книгамъ. Хотя при шахѣ Наср-эд-Динѣ были переведены на персидскій языкъ нѣкоторыя европейскія сочиненія, но большинство персовъ еще знать ничего не хочетъ объ европейской наукѣ, считаетъ ее ниже арабской и говоритъ о ней съ легкимъ пренебреженіемъ.

Персы читаютъ и теперь съ большимъ удовольствіемъ произведенія своихъ родныхъ писателей. Изъ нихъ нѣкоторыми они дѣйствительно въ правѣ гордиться. Они обыкновенно знаютъ наизусть отрывки изъ произведеній Фирдоуси, Саади, а стихи Гафиза поютъ и нынѣ по всей Персіи, какъ любимыя пѣсни.

IV.

Въ настоящее время Персія занимаетъ все Иранское плоскогорье. Середина Ирана неплодородна. Здѣсь тянется цѣлый рядъ пустынь. Нѣтъ ни воды, ни травы; бурый песокъ покрываетъ землю. Вѣтеръ играетъ имъ, наметая его въ сугробы. Раскаленное отъ зноя небо не даетъ дождя. Воздухъ сухой, горячій. Неболь-

шіе куски плодородной земли попадаются, но очень рѣдко. На плодородной землѣ обыкновенно журчить ручеекъ и стоитъ, утопая въ зелени, маленькое селеніе. Здѣсь останавливается, отдыхаетъ усталый путникъ. А дальше опять та же пустыня. Вотъ озеро синѣтъ вдали, спокойное, тихое, словно кто кусокъ голубого бархата растянулъ по песку. Подходишь ближе, что за чудо! На озерѣ, несмотря на зной, ледъ будто плаваетъ. Нѣтъ, это не ледъ... а куски соли. Соль бѣлой корой покрыла воду. Это—соленое озеро. Вокругъ него ничего не растетъ, а въ водѣ не водится рыбы... Дальше... Слышится, что-то звенить. Ничего! Сквозъ щели скалы, что стоитъ на дорогѣ, вѣтеръ просыпаетъ песокъ. Песокъ трется о камень и слышатся поэтому такіе странные звуки.

Слава Богу! Наконецъ, видишь вдали серебрится рѣчка. Подходишь ближе, опять ошибка. Прежде здѣсь протекалъ ручеекъ соленой воды. Вода высохла. Соль осталась и извивается по песку. Это просто — солончакъ. Тоска охватываетъ человѣка... И все-таки ему надо черезъ эту пустыню везти товары въ глубь страны. Навьючить онъ верблюдовъ, и отправляется въ путь караванъ. Мягко ступаютъ верблюды по рыхлому, горячему песку одинъ за другимъ. У передняго верблюда на шеѣ виситъ колокольчикъ и издаетъ тихій звонъ. Люди сидятъ на верблюдахъ между тюками товара, изнемогая отъ зноя и жажды. Солнце нещадно палитъ... Все дальше идетъ караванъ привычнымъ путемъ, минуя соленые озера, солончаки, поющія скалы... До селенія далеко. Человѣкъ тянетъ отъ скуки свою грустную пѣсню, и слезами разливается она по пустынѣ. Жалобно, жалобно звенить колокольчикъ...

По краямъ пустыни въ разныхъ направленіяхъ поднимаются горы. Нѣкоторыя изъ нихъ — унылыя, голыя скалы... Другія лучше красивѣе, потому что покрыты плодородной землей. Особенно красивы горы, которыя цѣпью стоятъ вдоль береговъ Каспійскаго моря. Весе-

до звеня, стекають съ нихъ прохладныя ручейки и маленькіе водопады. Склоны покрыты лѣсами, рощами. Платаны, акаціи, клены высоко поднимають въ небо свою листву, а стволы ихъ крѣпко обвиваетъ плющъ.

Въ этихъ лѣсахъ еще водятся тигры, а поутру звонко поетъ соловей... Лѣса смѣняются въ долинахъ фруктовыми садами, оливковыми рощами, среди которыхъ ютятся селенія. Сочныя травы стелятся зеленымъ ковромъ...

Персъ любить свои горы. О каждой онъ умѣетъ рассказать что-нибудь интересное, древнее преданіе, сказку. Среди этой цѣпи горъ находится одна съ зубчатой вершиной. „Ты знаешь, отчего она такъ зазубрена?—спросить персъ и сейчасъ же охотно расскажетъ преданіе.—Это Алій рубилъ ее нѣкогда своимъ острымъ мечомъ. А потомъ свой мечъ онъ метнулъ прямо въ Каспійское море. До сихъ поръ на днѣ лежитъ этотъ мечъ Алія. Скучно ему. Вспоминаются ему кровавыя сѣчи. Рвется онъ иногда наверхъ на подвигъ, на бой. И тогда замутило онъ все Каспійское море, заревело оно, и бурей разыграють морскія волны.

„А вотъ, гляди, высокая гора, выше всей цѣпи горъ, что тянется вдоль Каспійскаго моря. Видишь, большая, большая. Демавендомъ она зовется. Снѣгъ на ея вершинѣ вѣчно лежитъ, словно корона на головѣ. Демавендъ самая старая изъ всѣхъ горъ, королева надъ всѣми горами, мать другихъ горъ... — Долго боролись у ея ногъ два великана - богатыря. Много сотенъ лѣтъ тому назадъ это было. И вотъ одинъ побѣдилъ. Возшелъ тогда побѣдитель на вершину Демавенда и зажегъ огромный костеръ въ знакъ побѣды. И долго горѣлъ этотъ костеръ, а народы дивились силѣ богатыря-побѣдителя“.

Есть правда въ этой красивой сказкѣ. Гора Демавендъ была прежде огнедышащей горой. Не великанъ зажегъ это пламя. Нѣтъ. Изъ глубины земли сквозь отверстіе наверху горы вырывалось подземное пламя,

дымъ. Расплавленные камни огненнымъ потокомъ текли по ея склонамъ. Земля вокругъ дрожала, тряслась.

Но это было очень давно. Нѣтъ больше пламени. Чистый снѣгъ укуталъ вершину Демавенда, а склоны покрылись цвѣтущими настбищами. Но Демавендъ еще не потухъ, еще несовсѣмъ успокоился. Изъ его бѣлой вершины выходятъ сѣрый дымокъ и парь... А среди травъ бьютъ горячіе источники. Нѣкоторые изъ нихъ цѣлебны.

Горы Персіи богаты; есть свинецъ, мѣдь, желѣзо, уголь, серебро и каменная соль. Но все это мало разрабатывается.

Самая плодородная часть Персіи находится между горами и Каспійскимъ моремъ. Тянутся фруктовые сады, въ которыхъ между прочимъ разводятъ шелковицу ради шелковичнаго червя. Поля засѣяны рисомъ, хлопкомъ... Растительность богатая, веселитъ и радуетъ глазъ...

Но зато воздухъ здѣсь нездоровый. Рисъ требуетъ большой сырости, а отъ сырости развелись лихорадки, и народъ очень болѣетъ. У перса даже сложилась пословица: „Хочешь умереть, — ступай въ Гилянъ“ (Гиляномъ называется одна изъ этихъ богатыхъ прибрежныхъ областей).

У Персидскаго залива воздухъ жарче, а поэтому здѣсь растутъ финиковыя пальмы, лимоны, апельсины...

Тянутся поля, засѣянные табакомъ. Разводятъ генну (кустарникъ, изъ котораго добываютъ темножелтую краску).

Но почти во всей Персіи нѣтъ годной для судоходства рѣки, кромѣ одной или двухъ. А рѣкъ много, но онѣ быстры, загромождены камнями, лѣтомъ мелѣютъ, а осенью и весной превращаются въ бурные потоки...

Воздухъ Персіи теплый, но не вездѣ здоровый...

Главный городъ и столица Персіи--Тегеранъ. Онъ находится возлѣ горы Демавенда. Тегеранъ большой городъ, окруженный ровомъ, надъ которымъ подымается валъ. Черезъ ровъ идутъ 14 мостовъ къ 14 воро-

тамъ. Какъ говорятъ, въ случаѣ войны ровъ можно будетъ наполнить водой и тѣмъ отчасти преградить доступъ непріятелямъ. Городъ состоитъ изъ двухъ частей: одна персидская, другая европейская. Европейская чище персидской. Улицы у нея ровныя, широкія, вымощенныя булыжникомъ. Вдоль улицъ въ канавахъ для прохлады течетъ вода изъ горныхъ ручьевъ и растутъ деревья шелковицы. Они даютъ лѣтомъ тѣнь. А ягодами шелковицы питаются бѣдняки. Въ европейской части города живутъ и знатные персы. Станный видъ имѣеть большинство домовъ. У нихъ плоская кровля, и съ улицы они обнесены стѣной безъ оконъ затѣмъ, чтобы женщины-персіянки не смотрѣли на улицу. Въмѣсто звонка привязана у воротъ скоба. Въ нее стучать... Но не все дома таковы, — есть и европейскіе. Тутъ же находятся двѣ европейскія гостиницы и площадь, предназначенная для смотровъ персидскихъ войскъ... На улицахъ стоятъ газовые фонари, которые горятъ, впрочемъ, рѣдко.

Персидская часть Тегерана неприглядна. Улицы кривыя, узкія и грязныя. Населеніе состоитъ здѣсь изъ персовъ-шіитовъ, персовъ-огнепоклонниковъ и евреевъ. Между персидскою частью города и европейскою находится цѣлый рядъ шахскихъ дворцовъ...

Персія управляется царемъ — шахомъ. Онъ носитъ донинѣ громкій титулъ: „царь царей“ (шахъ-инъ-шахъ). Про него говорится, что онъ высшій повелитель; знаменемъ его служить само солнце, а блескъ и величіе его равняются величію небесъ. Армій у него столько, сколько звѣздъ въ небѣ... Но это, конечно, одни слова. Отъ прежней славы Персіи остались одни воспоминанія. Теперь она слаба и беззащитна. Каспійскимъ моремъ, прежде принадлежавшимъ Персіи, владѣетъ Россія. Здѣсь стоитъ русскій флотъ, между тѣмъ какъ Персія на этомъ морѣ не имѣетъ права держать своихъ военныхъ кораблей. Не лучше обстоятъ дѣла Персіи на юго-западѣ, со стороны Персидскаго залива. Хотя

Персидскій заливъ еще принадлежитъ Персiи, но у выхода изъ него въ г. Джаскъ Англія держитъ своихъ солдатъ, такъ что при малѣйшемъ движеніи флота, неугодномъ Англіи, сейчасъ же будутъ захвачены Англіей персидскія прибрежныя таможни, и Персiя лишится всѣхъ своихъ таможенныхъ сборовъ. А Персiя своими таможенными доходами очень дорожитъ. Значитъ, со стороны морей Персiя защищена въ высшей степени слабо. Въ Каспійскомъ морѣ полновластной хозяйкой является Россiя, а въ Персидскомъ заливѣ — Англія. Что же касается самого персидскаго флота, то состоитъ онъ изъ одного корабля, который постоянно находится въ Персидскомъ заливѣ.

Не лучше обстоятъ дѣла и съ арміей. Персидскія войска, несмотря на свою храбрость, также являются для страны ненадежной защитой, потому что солдаты плохо обучены, плохо вооружены. Персидская армія состоитъ изъ пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи. Въ подражаніе европейскимъ войскамъ персидскіе солдаты одѣты въ формы европейскаго образца, чаще всего въ австрійскіе военные мундиры. Обучаютъ солдатъ офицеры-иностранцы. Изъ всѣхъ персидскихъ войскъ наилучшимъ является персидская казачья бригада, сформированная изъ персидско-подданныхъ и обучающаяся у русскихъ офицеровъ-казаковъ.

Итакъ, ослабѣвшая теперь отъ всего прежняго Персiя представила бы изъ себя странный видъ, если-бы мы могли подняться надъ ней и окинуть ее всю быстрымъ взглядомъ. Все еще какъ-будто говорить въ ней о недавней борьбѣ, разрушительныхъ войнахъ, о всякихъ невзгодахъ, ею перенесенныхъ, и о ея прежнемъ величii. Окинувъ ее зоркимъ взглядомъ, мы бы увидѣли на скалахъ разрушенныя черныя крѣпости, на землѣ — покинутые, заброшенные города, возлѣ которыхъ отстроились жалкія деревни. Мы бы увидѣли быстрыя рѣки, а надъ ними мосты, прежде прочныя и надежныя, а теперь осыпающіеся. Передъ нами, пора-

жая насъ своей яркой красотой, выступили бы длинныя стѣны персидскихъ большихъ городовъ, выложенныя чудными изразцами, и куполы великолѣпныхъ мечетей (храмовъ). Но, приглядѣвшись, мы бы здѣсь замѣтили трещины, слѣды все того же разрушенія. И нигдѣ почти не увидѣли бы мы желѣзной дороги, за исключеніемъ дороги въ 11 верстѣ отъ Тегерана до богомоля шаха Абдуль-Азимъ, и узкаго рельсоваго пути къ каменоломнямъ около развалинъ стариннаго города Рей.

Путнику придется совершать длинный путь на лошадахъ или на верблюдахъ... Отстала Персія отъ другихъ странъ, въ которыхъ города соединены между собой желѣзными дорогами.

А простой народъ еще слѣпо вѣрить, что Персія сильна, могуча и что ея ученые самые знающіе... Даже и то, что Персія потеряла столько земель, отдавъ ихъ Россіи, не убѣждаетъ ихъ въ слабости родного государства. То просто неудачей, то безпечностью или недальновидностью своихъ повелителей объясняютъ они эти потери.

Вотъ, напримѣръ, какая сказка сложилась у пер-

Рис. 4. Высшая военная школа.

совъ по поводу уступки Каспійскаго моря русскимъ. „Долго мы воевали съ русскими, — гласить эта сказка, — изъ-за Каспійскаго моря. Много полегло и русскихъ и нашихъ... Вотъ нашъ шахъ и задумался. Жиль онъ въ своей столицѣ, за высокими горами, моря въ жизни своей не видалъ.

„— Что такое Каспійское море? — спрашиваетъ шахъ у своихъ слугъ. — Отчего это русскіе изъ-за него столько времени дерутся?

„Всякій тутъ шаху по-своему объясняетъ, да такъ не-связно, — въ толкъ ничего шахъ не возьметъ.

„— Не пойму я, что вы болтаете, — сказалъ, наконецъ, шахъ. — Ъхать мнѣ самому къ морскому берегу недосугъ. Отрядите гонца, пусть мчится онъ черезъ горы, пусть привезетъ мнѣ полный кувшинъ морской воды!.. Отрядили гонца... Возвращается гонецъ. Взмывенный конь упалъ у дверей. Входитъ гонецъ, ставитъ у ногъ шаха стеклянный кувшинъ, полный морской воды.

„Взглянулъ шахъ. — Вода, какъ вода! — молвилъ онъ, наконецъ — Ничего въ ней особеннаго не вижу. Можетъ, на вкусъ?... — Поднесъ шахъ кувшинъ ко рту, отхлебнулъ, посинѣлъ, закашлялся, уронилъ наземь кувшинъ.

„Долго каплялъ, плевался шахъ, потому что морская вода на вкусъ препротивная, горько-соленая.

„— Такъ, значить, изъ-за этой мерзости мы столько воюемъ?! — гнѣвно закричалъ шахъ, съ трудомъ приходя въ себя. — Столько людей положили! Столько крови мы пролили!.. О, слуги невѣрные!.. На что намъ такая вода?.. Уступите это негодное море!.. Отдайте его русскимъ!

„— Ну, и отдали! — улыбаясь, заканчиваетъ персъ свой рассказъ. — А что изъ этого моря прямой путь изъ Россіи къ намъ, товары съ Волги везти можно, торговать какъ удобно — шахъ нашъ, видно, не разсудилъ“...

Но не всѣ персы, конечно, увѣрены въ силѣ своего государства. Однимъ изъ нихъ только и дѣла, что ду-

мать о себѣ, а другіе же болѣютъ душой. Они бы хотѣли передѣлать все на новый ладъ, по-европейски... Но о нихъ мы поговоримъ потомъ. А теперь посмотримъ, какъ управляется Персія и какъ живетъ народу...

V.

Править Персіей шахъ. Власть у него большая, но тѣмъ не менѣе, управляя, онъ долженъ все-таки не отступать отъ обычаевъ, отъ религіи и подчасъ угождать духовенству, которое имѣетъ большую силу. Оно часто вмѣшивается въ повелѣнія государя, становится ему поперекъ дороги, какъ только онъ захочетъ ввести что-нибудь новое или несогласное съ персидскими обычаями. Такъ, напр., однажды шахъ повелѣлъ, чтобы женщины не закрывали лица. Но мусульманское духовенство воспротивилось этому и не позволило женщинамъ открыть лицъ. Такъ повелѣніе шаха ни къ чему и не привело. Да и вообще, что бы новое ни вводилось, — сейчасъ же духовенство, не сочувствуя, высказывается противъ. Шахъ Насръ-эд-Динъ вздумалъ какъ-то отдать европейцамъ-христіанамъ на откупъ табачныя поля. Договоръ былъ очень выгоденъ для персидской казны, которая нуждалась въ деньгахъ. Въ случаѣ нарушенія договора шахъ обязывался уплатить большую неустойку... И что же?.. Духовенство, не сочувствуя такому нововведенію, возмутило народъ. — Чтобы мы курили оскверненный табакъ, побывавшій въ рукахъ христіанъ? — заропталъ невѣжественный, подстрекаемый духовенствомъ народъ. Начались бунты... И вдругъ пришелъ властный приказъ изъ города Кербелы, гдѣ погребенъ Гусейнъ.

Приказъ былъ ко всему персидскому народу отъ важнаго духовнаго лица. — Не курить! — гласилъ этотъ приказъ. И Персія повиновалась, какъ одинъ человѣкъ, хотя персъ — большой любитель куренія, и не только мужчины, но даже и женщины курятъ. Цѣлый мѣсяцъ

продолжались волненія невѣжественнаго народа, и дѣло кончилось тѣмъ, что шахъ порвалъ договоръ и заплатилъ крупную неустойку.

Что бы новое ни вводилось, первымъ дѣломъ приходится заручиться одобреніемъ духовенства. Разсказываютъ, что когда въ столицѣ Персіи устроили конку, она долгое время ходила пустой. Персы боялись въ ней ѣздить, считая, вѣроятно, это грѣхомъ. Наконецъ удалось упросить духовныхъ лицъ, чтобы они сѣли въ конку и проѣхали бы въ ней по всему городу. Не успѣли персы увидѣть своихъ духовныхъ лицъ въ конкѣ, какъ тотчасъ же конки наполнились народомъ.

Но не всегда можно убѣдить духовныхъ лицъ одобрить нововведенія. Чаше бываетъ, что духовенство упорствуетъ. Трудно поэтому шаху ввести новое и полезное для страны.

Въ управленіи Персіей шаху помогаютъ министры. Министровъ онъ самъ выбираетъ и назначаетъ. Для того, чтобы быть въ Персіи министромъ, надо только умѣть угодить, понравиться шаху. Поэтому часто случается, что въ министры попадаютъ простые и совсѣмъ необразованные люди. Шахъ быстро выбираетъ министровъ, но также быстро ихъ и смѣщаетъ. Впавшій въ немилость министръ лишается своего имущества, которое отбирается въ казну. А самого министра иногда и казнятъ... Поэтому министры думаютъ больше о томъ, какъ бы угодить шаху и его не прогнѣвать. Отъ такихъ помощниковъ мало толку, особенно, если они къ тому же невѣжественны и полуграмотны.

Персія раздѣлена на области, которыя почти соотвѣтствуютъ древнимъ сатрапіямъ. Существуютъ и дальнѣйшія подраздѣленія: области дѣлятся на округа и деревни, которые управляются начальниками и старшинами съ весьма широкой властью. Кочевые народы, которые входятъ въ составъ Персіи, имѣютъ каждый свое особенное устройство, которое приноровлено

къ ихъ образу жизни и нравамъ, и хотя они подчиняются шаху, но не позволяютъ ему вмѣшиваться въ свои внутреннія дѣла.

Областями управляютъ губернаторы. Въ большихъ, богатыхъ областяхъ губернаторами обыкновенно бываютъ принцы. Губернаторы отъ себя назначаютъ чиновниковъ. Такъ какъ губернаторамъ жалованья мало, то они берутъ со своихъ чиновниковъ подарки, т. е. попросту взятки. Чиновники, отдавая имъ часть своихъ денегъ, также нуждаются и берутъ поэтому взятки со своихъ подчиненныхъ. А въ концѣ концовъ, самые низшіе чиновники, собирая подати, обираютъ народъ, потому что имъ тоже не хватаетъ: они вѣдь должны давать взятки своимъ начальникамъ, иначе ихъ прогонятъ со службы. Итакъ, взяточничество чиновниковъ разоряетъ народъ.

Губернаторы имѣютъ у себя въ области большую власть. Они даже могутъ предавать жителей смертной казни и пыткамъ. Судъ въ Персіи двоякій: мірской и духовный. Въ духовномъ судѣ засѣдаетъ духовенство и судить преимущественно за преступленія противъ религіи, разбираетъ брачныя дѣла, а также денежныя тяжбы. Въ мірскомъ судѣ засѣдаютъ полицейскія власти, а если преступленіе оказывается очень важнымъ, то судить самъ губернаторъ. Мірской судъ разбираетъ дѣла, касающіяся воровства, убійства, пьянства. Въ деревняхъ мірскими судьями являются деревенскіе старшины и рѣшаютъ дѣла при помощи деревенскихъ стариковъ, съ которыми они обязательно совѣщаются. Судъ въ Персіи несправедливый. Судьи вымогаютъ съ преступника всячески выкупъ, обираютъ его, засаживаютъ въ темницу, подвергаютъ его мучительнымъ пыткамъ. Вообще народъ, избѣгая этихъ судовъ, предпочитаетъ въ случаѣ какихъ-либо денежныхъ недоразумѣній обращаться къ третейскому суду, который происходитъ обыкновенно у какого-нибудь уважаемаго въ городѣ лица. Постановленіе третейскаго суда соблюдается свято.

Въ Персіи до сихъ поръ сохранились пытки и ужасныя казни. Въ наказаніе за воровство преступнику отрѣзываютъ уши или рубятъ руку. Самымъ обыкновеннымъ наказаніемъ въ Персіи считаются „палки“, т. е. преступника бьютъ палками по ногамъ. Отъ этого наказанія не избавлены и вельможи. Въ нѣкоторыхъ только случаяхъ преступника заключаютъ въ тюрьму. Но такъ какъ заключеннаго надо кормить и содержать, то это является невыгоднымъ для персидской казны.

Рис. 5. Колодники.

Продержавъ нѣкоторое время преступника, его выпускаютъ снова на волю. Въ судѣ царить произволъ. Расскажу одинъ такой случай.

Въ Персіи произошли однажды смуты. Мятежниковъ арестовали. И вотъ шаху пришла въ голову ужасная мысль. Онъ роздалъ арестованныхъ мятежниковъ своимъ приближеннымъ и приказалъ, чтобы каждый казнилъ отданнаго ему преступника какой ему угодно казнью. Желая показать шаху свою ненависть къ мя-

тежу, вельможи придумали для мятежниковъ невыносимыя муки. Однихъ они изрѣзали живыми на куски, другихъ жгли на медленномъ огнѣ.

Шахъ, впрочемъ, не ожидалъ такихъ жестокостей. Онъ былъ виѣ себя, когда ему доложили обо всѣхъ этихъ ужасахъ. Шахъ вступился за осужденныхъ, но было поздно: мятежники были уже замучены.

Не только объ этомъ, но и о многомъ другомъ узнать шахъ слишкомъ поздно. Хотя чаще бываетъ, что отъ шаха умѣютъ ловко все скрыть, и онъ не узнаетъ ничего. Кто посмѣетъ огорчить шаха? Придворные, дрожа за себя, боятся навлечь на себя его гнѣвъ неприятнымъ извѣстіемъ. Въ персидскихъ газетахъ льстятъ шаху и никогда не говорятъ правды о неурядицахъ въ государствѣ и о народной нуждѣ. Въ иностранныхъ газетахъ пишутъ о Персіи и хорошее и дурное. Но шахъ плохо знаетъ иностранные языки, а переводчикъ, читая иностранныя газеты, пропускаетъ то, что могло бы показаться неприятнымъ шаху.

Въ прекрасномъ дворцѣ, утопающемъ въ благоуханныхъ садахъ, гуляя по аллеямъ, шахъ выслушиваетъ доклады министровъ... Ни одна народная жалоба, ни одинъ стонъ народа не проникаетъ сюда сквозь зелень прекраснаго, тѣнистаго сада. А персидскій народъ могъ бы о многомъ рассказать своему повелителю. Но онъ предпочитаетъ безропотно нести свою долю и вовсе не хочетъ говорить со своимъ шахомъ. Когда объявляютъ народу, что шахъ совершить поѣздку по своей странѣ, тѣ области, черезъ которыя намѣренъ слѣдовать шахъ, приходятъ въ ужасъ. Жители тѣхъ мѣстъ даютъ взятки своимъ начальникамъ: „Возьми, молъ, и сдѣлай ради Бога такъ, чтобы шахъ миновалъ наши края!“. Начальники, получивъ взятку, стараются отговорить шаха отъ его поѣздки. Иногда жители доходятъ до того, что въ отчаяніи портятъ дороги, мосты, все затѣмъ, чтобы шахъ ѣхалъ другимъ путемъ. На первый взглядъ это кажется очень стран-

нымъ. Почему бы и не повидать народу своего государя? Но дѣло въ томъ, что прїѣздъ шаха—это разореніе для жителей.

Въ Персіи желѣзныхъ дорогъ нѣтъ. Шахъ, окруженный толпой своихъ приближенныхъ, ѣдетъ верхомъ. Когда шахъ устааетъ, онъ велитъ разставить себя на ночлегъ палатку гдѣ-нибудь на берегу ручейка, отдыхаетъ въ ней до утренней зари. А утромъ въ путь!

Какъ пожаръ проходитъ шахъ со своими приближенными черезъ поля крестьянъ, не обращая вниманія на зрѣющій, а иногда уже налившійся колосъ, топчетъ, уничтожаетъ весь урожай.

Но этого мало. Жители обязаны продавать шаху съѣстные припасы. За провизію продавцы никогда не получаютъ слѣдуемыхъ имъ денегъ. Шахъ платитъ исправно, но деньги остаются у его придворныхъ.

И вотъ, растоптавъ жатву, взявъ у жителей даромъ припасы, шахъ ѣдетъ дальше, оставляя за собой разоренную деревню. И все-таки крестьянинъ долженъ считать это посѣщеніе милостью, честью... Въ знакъ своей благодарности поселянинъ обязанъ послѣ всего сдѣлать еще шаху подарокъ. Не даромъ у персовъ сложилась пословица: „Шахъ улыбается только затѣмъ, чтобы оскалить свои львиные зубы“. Теперь понятно, почему персидскій народъ такъ избѣгаетъ встрѣчи со своимъ шахомъ.

Среди сочныхъ полей и цвѣтущихъ долинъ странно поражаютъ глиняныя грязныя лачужки, гдѣ ютятся крестьяне. А между тѣмъ много плодородной земли! Чего только не родитъ персидская земля, согрѣтая горячими лучами золотого солнца! И хлѣба у нея много, и проса, и ячменю, и рису, и хлопку, и табаку! Не сѣютъ только овса и льна. А какіе прекрасные фрукты! Большіе персики, словно налитые сокомъ! Огромные апельсины зрѣютъ, прячась въ своей узкой зеленой листвѣ. Винныя ягоды, финики, большіе алые гранаты мелькаютъ на вѣтвяхъ. Много винограду, арбу-

зовъ и дынь! Растетъ и миндаль и фисташки. Есть и сахарный тростникъ. Стоять поля, засѣянные алыми маками, изъ которыхъ потомъ приготавливаютъ лѣкарства. Разводятъ коноплю. Склоны горъ покрыты рощами кипарисовъ и оливковыхъ деревьевъ.

Но, конечно, не вся Персія такъ плодородна; мы уже знаемъ, въ срединѣ ея тянутся унылыя пустыни.

Но кто же преимущественно владѣетъ тѣми плодородными землями, о которыхъ мы только что говорили? Владѣютъ ими шахъ, помѣщики и мечети. Наибольшее количество этихъ земель принадлежит самому шаху. Шахъ по доброй волѣ отдаетъ часть изъ этихъ земель своимъ любимцамъ во временное пользованіе, а также и кочевымъ народамъ, которые взамѣнъ этого обязаны выставять въ шахскія войска отряды всадниковъ или охранять границы государства. Кромѣ шаха, еще крупными земельными собственниками являются мечети, школы и благотворительныя учрежденія. Владѣнія мечетей постоянно увеличиваются, потому что благочестивые люди часто дарятъ имъ на поминъ души свои помѣстья. Бываетъ и другая причина такихъ подарковъ. Иногда какой-нибудь богатый человѣкъ боится, какъ бы власти не присвоили себѣ его помѣстій. При произволѣ въ Персіи часто бываютъ такія несправедливости. И вотъ, чтобы избѣжать разоренія, человѣкъ этотъ даритъ свои земли мечети, а взамѣнъ этого мечеть даетъ ему пожизненное содержаніе...

Что же касается остальной плодородной земли, то она составляетъ собственность помѣщиковъ. Помѣщики уже отъ себя сдаютъ земли въ аренду крестьянамъ, такъ что крестьяне являются только арендаторами. Условія аренды слѣдующія: Арендатору помѣщикъ позволяетъ пользоваться канавами, предназначенными для искусственнаго орошенія полей. Обыкновенно въ Персіи поля поливаютъ, такъ какъ дожди идутъ рѣдко. Для этого устраиваютъ на поляхъ каналы и проводятъ въ нихъ воду

изъ горныхъ рѣкъ или ручьевъ. Когда нѣтъ дождей, открываютъ плотину, вода наполняетъ каналы и орошаетъ поле. Кромѣ орошенія, помѣщикъ даетъ арендатору сѣмена для посѣва и скоть. За это арендаторъ обязанъ отдавать помѣщику двѣ трети или три четверти своего урожая. Плата изъ года въ годъ не мѣняется и подчасъ оказывается при недородѣ очень тяжелой. Случается, что безысходная нужда доводитъ крестьянина иной разъ до такого озлобленія, что онъ сжигаетъ свою хижину, вырубаетъ деревья, посаженные собственными руками, не желая оставлять ихъ помѣщику. А самъ, собравъ свои скудные пожитки, идетъ искать другого хозяина или присоединяется къ кочевникамъ, занимающимся скотоводствомъ и кочующимъ въ средней Персїи.

Вообще трудно разбогатѣть крестьянину. Сборщики податей требуютъ съ него много лишняго. А тутъ, если саранча опустошитъ поле, нечѣмъ уже заплатить казнѣ податей, и крестьянинъ разоренъ. Начинаются голодовки, погубившія не мало народу. Голодовки бываютъ и отъ того, что въ горахъ выпадаетъ мало снѣга. Тогда лѣтомъ нечему таять, нѣтъ ручьевъ, пересыхаютъ каналы,—и поле остается безъ поливки. Только на сѣверо-западѣ, гдѣ бываютъ дожди, жители не нуждаются въ искусственномъ орошеніи полей.

Земледѣльческія орудія у перса очень убогія. Его плугъ не что иное, какъ стволъ срубленнаго дерева, къ которому прикрѣпляется зазубренный брусокъ желѣза. Его борона—иногда пучокъ связанныхъ вѣтвей или нѣсколько сколоченныхъ досокъ, на внутренней сторонѣ которыхъ прикрѣплены голыши. Но и съ такимъ жалкимъ орудіемъ персъ умудряется обрабатывать свое поле.

Особенно искусны персы въ садоводствѣ: разводятъ фруктовые деревья и устраиваютъ виноградники.

Итакъ, о многомъ могъ бы рассказать народъ своему шаху! И о нуждѣ своей, и о сборщикахъ, которые его

разоряють, и о судѣ, подчасъ очень несправедливомъ и жестокомъ. Не у кого искать защиты: даже духовенство и то беретъ взятки!

Персы занимаются главнымъ образомъ земледѣліемъ, скотоводствомъ. Имѣетъ Персія и чѣмъ торговать! Бойкая торговля ведется по преимуществу съ Россіей и Англіей. Персія продаетъ намъ сухіе фрукты, суше-

Рис. 6. Кочевники.

ный виноградъ, называемый кишмишемъ... Мы покупаемъ у нея также шелкъ-сырецъ, пресованный хлопокъ... А почти весь рисъ, который мы употребляемъ въ пищу, приходитъ изъ Персіи!.. Кромѣ того, Персія даетъ намъ много предметовъ роскоши. Персидскіе ковры славятся на весь міръ красотой рисунка и прочностью своихъ красокъ. Изъ тонкой шерсти козъ готовятъ персы большіе мягкіе платки, называемые у насъ персидскими шальями. Кромѣ того, персѣ

умѣть прекрасно дѣлать холодное оружіе: сабли, кинжалы. Рукоятку онъ убираетъ тонкой работой изъ золота и серебра. Изъ Персіи мы получаемъ драгоценный камень—бирюзу и жемчугъ. Многимъ, значитъ, богата Персія, и есть у нея, чѣмъ торговать! Но нѣкоторые вещи ей недостаетъ: нѣтъ у нея ситцевъ. Ситцы она покупаетъ у русскихъ купцовъ. Изъ Россіи она получаетъ и сахаръ. Съ каждымъ годомъ русскій товаръ находитъ въ Персіи все большій и большій

Рис. 7. Серебряники.

сбытъ. Торговля сношенія растутъ. Изъ русскихъ фабричныхъ городовъ отправляются въ Персію купцы. И изъ Персіи пріѣзжаютъ къ намъ торговцы на русскія ярмарки.

Торговлѣ нашей съ Персіей мѣшаетъ отсутствіе въ Персіи удобныхъ дорогъ. Еще не такъ давно, всего года два тому назадъ, нужно было, чтобы добраться до столицы Персіи, города Тегерана, совершить трудный перевалъ черезъ горы. Русскій купецъ, проѣхавъ все Каспійское море, достигалъ Персидскаго берега. Здѣсь

ему перерѣзывала путь цѣпь горъ, идущихъ вдоль берега. Дороги удобной не было и приходилось сѣдлатъ коня и, подвергая жизнь опасности, совершать дальнѣйшій путь верхомъ. По неудобной горной тропинкѣ, обгоняя на каждомъ шагу медленно идущіе персидскіе караваны, ѣдетъ русскій купецъ и боится иной разъ за свою жизнь. Видитъ по пути бездонныя пропасти, проѣзжаетъ по испорченнымъ каменнымъ мостамъ, камень осыпается подъ копытами его коня. Отъ зноя, жажды изнемогаетъ онъ въ лѣтній день. Попадаетъ ему селеніе. Напоятъ его чаемъ жители, и ѣдетъ онъ дальше, чтобы заночевать на постояломъ дворѣ. Съ виду этотъ постоялый дворъ—темное каменное зданіе. Но внутри онъ хуже, чѣмъ снаружи. Ни за какія деньги не получишь тамъ опрятной комнаты! По высокимъ ступенькамъ неудобной лѣстницы поведутъ пріѣзжаго въ верхній этажъ, въ самую лучшую комнату. Но что это за комната! Стѣны закопчены, деревянный полъ въ трещинахъ, окна выбиты... Въмѣсто кровати, деревянная скамейка, вся кишитъ насѣкомыми. Въ разбитое окно вмѣстѣ съ ночнымъ вѣтромъ врывается летучая мышь.

А утромъ опять по горамъ и долинамъ поѣдетъ купецъ, минуетъ селенія и молить Бога о томъ, чтобы поскорѣе добраться до большого города. Но до столицы сносную гостиницу можно найти лишь въ одномъ городѣ.

Каково же купцу, когда ему приходится ѣхать вглубь Персіи! Вокругъ него стоятъ скалы или же просто тянется унылая пустыня, покрытая красно-бурымъ пескомъ. Издали сверкаютъ ему на пути покрытыя снѣгомъ вершины... Онъ измученъ, отдохнуть негдѣ. Онъ прислушивается жадно, не журчитъ ли гдѣ-нибудь вода студенаго ручейка. А тутъ, быть можетъ, подкарауливаютъ его уже лихіе люди, готовые ограбить и убить проѣзжающаго. Правда, купецъ не ѣдетъ одинъ: онъ взялъ съ собой людей, провожатыхъ, но все-таки

жутко. Разбойниковъ можетъ оказаться много!.. А сколько дней приходится терять при такихъ переѣздахъ!

То ли дѣло желѣзная дорога! Не всякому купцу охота пускаться въ такой далекій путь!..

Недавно только русскіе инженеры съ разрѣшенія персидскаго шаха проложили шоссейную дорогу черезъ ту цѣпь горъ, которая идетъ вдоль Каспійскаго моря. Въмѣсто персидскихъ постоянныхъ дворовъ, выстроены удобныя станціи, гдѣ путнику предоставляется спокойный ночлегъ. Переѣздъ можно совершить въ почтовыхъ каретахъ.

Въ глубинѣ же Персіи все пока остается попрежнему. И много пропадаетъ тамъ добра всякаго изъ-за того, что трудно его перевозить, — нѣтъ удобной дороги.

Со многими тяжелыми условіями долженъ мириться русскій купецъ въ Персіи. Персидскому купцу куда лучше, когда онъ пріѣзжаетъ къ намъ! Дороги по сравненію съ персидскими хорошія, дома уютные, — все ему готово! Ко всему прислушивается персѣ на чужбинѣ, ко всему присматривается и обыкновенно уѣзжаетъ съ самыми хорошими воспоминаніями. Поражаютъ его чуждые ему обычаи: нѣкоторымъ онъ удивляется, другіе приходятся ему по душѣ... У него дома почти все по другому...

Посмотримъ теперь, какъ живетъ персѣ у себя дома. Персидскій домъ обыкновенно состоитъ изъ двухъ половинъ: одна женская, гдѣ живутъ однѣ женщины, другая мужская, тамъ живутъ мужчины. Внутри дома есть обычно внутренній дворъ съ бассейномъ. Иногда дворъ этотъ утопаетъ въ зелени. До 8-ми лѣтъ мальчикъ воспитывается на женской половинѣ, затѣмъ онъ переходитъ къ мужчинамъ и начинаетъ учиться въ школѣ. Въ школѣ обучаютъ его грамотѣ и нѣсколькимъ стихамъ изъ корана. Этимъ и ограничивается вся наука. Странной бы показалась намъ эта школа. Учитель и ученики сидятъ попросту на полу, поджавъ подъ себя

ноги. Передъ каждымъ изъ учениковъ стоитъ деревянный продолговатый ящичекъ-пеналь, въ который вдѣлана чернильница. Пишутъ на листахъ бумаги, при чемъ держать ее на ладони. Въмѣсто пера употребляется очиненный камышъ... Есть впрочемъ и высшая школа въ г. Тегеранѣ. Въ ней воспитанники обучаются разнымъ наукамъ. Учителя здѣсь европейцы въ чинѣ генераловъ. Эти учителя—большей частью невѣжественные люди, покинувшіе свое отечество, въ которомъ

Рис. 8. Школа.

имъ не везло. Достаточно упомянуть, что военнымъ наукамъ еще недавно обучалъ въ этой школѣ бывшій русскій телеграфистъ. Эта высшая школа представляетъ изъ себя красивое каменное зданіе, съ большимъ дворомъ, просторными классами, гдѣ уже есть столы и скамейки (см. рис. 4 на стр. 47). Обучаются здѣсь дѣти сановныхъ родителей съ 10-лѣтняго возраста. Ученики носятъ военную форму. По окончаніи школы одни ученики выходятъ пѣхотными офицерами, а другіе кончаютъ докторами.

Чѣмъ больше стиховъ знаетъ наизусть персъ, тѣмъ образованнѣе его считаютъ. Персъ очень умѣло пользуется этими стихами, примѣняетъ ихъ кстати во время разговора, пересыпаетъ изреченіями свою рѣчь. Персъ очень любезенъ и обходителенъ. Рѣчь мѣняется въ зависимости отъ того, съ кѣмъ онъ говоритъ. „Съ голубемъ по-голубиному, съ соколомъ по-соколиному“, гласить персидское изреченіе. Кромѣ стиховъ, въ Персіи особенно цѣнится знаніе обычаевъ. Многое покажется намъ страннымъ. Входятъ въ комнату въ шапкѣ, но безъ обуви. Заговорить сейчасъ же о дѣлѣ считается неприличнымъ: сначала надо сказать любезность хозяину, спросить о его здоровьѣ, но спросить о здоровьѣ жены считается обиднымъ. Персъ сейчасъ же тебя сердито спроситъ: „А ты видѣлъ мою жену? А ты развѣ съ ней знакомъ?“. Это потому, что женщины у нихъ держатся взаперти и, кромѣ близкихъ родныхъ, другіе мужчины не должны ихъ видѣть. Женщины живутъ на другой половинѣ, отдѣльно отъ мужчинъ. Большой частью женщины совершенно невѣжественны. Дѣвочекъ учатъ готовить кушанья, вышивать и танцевать. Грамоту женщина рѣдко знаетъ.

Съ 10 лѣтъ дѣвочку обручаютъ. Жениха своего она не должна видѣть. Женихъ также не видитъ ее. Все дѣло устраиваетъ сваха. Если жениху интересно знать, красива ли его невѣста, онъ посылаетъ къ ней свою родственницу посмотреть, хороша ли та, которую прочать ему въ жены. Иногда дѣвочку 12—14 лѣтъ обручаютъ съ человѣкомъ пожилымъ. Возрастъ жениха не имѣетъ значенія.

Многоженство въ Персіи разрѣшено, но мало-по-малу выводится. „Дорого содержать и одну жену!“ объясняетъ персъ, когда его спрашиваютъ, почему онъ не беретъ себѣ второй жены.

Свадьбѣ предшествуетъ обрученіе. Въ домѣ невѣсты занавѣсью раздѣляютъ комнату на двѣ половины. За занавѣской помѣщается невѣста съ родственницами. По

другую сторону занавѣси женихъ, мулла (магометанскій священникъ) и родственники жениха. Мулла начинаетъ обрядъ обрученія съ чтенія бумаги—контракта. Въ

Рис. 9. Персiянка.

этомъ контрактъ перечислено все, что даетъ отецъ въ приданое своей дочери. Это перечисленіе дѣлается на случай развода. Если мужъ захочетъ развестись со своей женой (разводы даются въ Персiи очень легко), онъ

долженъ тогда вернуть своей женѣ все ея приданое до послѣдней вещицки. Для этого и перечисляются всѣ вещи въ брачномъ контрактѣ. Прочитавъ контрактъ, мулла спрашиваетъ у жениха, согласенъ ли онъ вступить въ бракъ. Вопросъ этотъ мулла предлагаетъ три раза. Женихъ отвѣчаетъ, что согласенъ, и подписываетъ контрактъ. Затѣмъ мулла черезъ занавѣсъ спрашиваетъ три раза у невѣсты, согласна ли она вступить въ бракъ. Она отвѣчаетъ, что согласна, и показываетъ черезъ занавѣсъ свою руку. Тогда ея отецъ подписываетъ за нее контрактъ. Мулла призываетъ благословеніе Аллаха и Магомета на молодыхъ и объявляетъ ихъ мужемъ и женой.

У бѣдныхъ этимъ оканчивается, и обрученные считаются съ тѣхъ поръ мужемъ и женой. У богатыхъ же устраивается пиръ; это и есть свадьба. Если невѣста очень молода, то свадьбу празднуютъ спустя нѣсколько лѣтъ послѣ обрученія. Невѣсту въ день свадьбы наряжаютъ въ лучшія одежды, съ утра собираются у нея въ домѣ гости: женщины въ женской половинѣ, мужчины въ мужской. Приглашаютъ также музыкантовъ съ дудками, барабанами и бубнами играть танцы. Мужчины и женщины веселятся отдѣльно: женщины пляшутъ на своей половинѣ, мужчины на своей. Танцы персидскіе состоятъ изъ ряда движеній, не особенно красивыхъ. Въ это же самое время въ домѣ жениха тоже происходитъ пиръ. Наконецъ, подъ вечеръ ему начинаютъ нести на подносахъ подарки отъ невѣсты: сначала шапку, затѣмъ сюртукъ, потомъ сласти и въ заключеніе голову сахару, чтобы сладко жилось. Принявъ подарки, женихъ отправляется за невѣстой. Онъ и гости садятся на коней. Захвативъ разубраннаго коня для невѣсты, женихъ ѣдетъ къ ней въ домъ въ сопровожденіи слугъ, которые освѣщаютъ дорогу фонарями. Невѣста выходитъ къ жениху, закутанная съ ногъ до головы въ розовую кисею, осыпанную блестками, и женихъ увозитъ ее въ свой домъ на приведенномъ конѣ.

Женщина живетъ, какъ затворница. Она никуда не смѣетъ выйти одна: ее сопровождаетъ старая служанка. Тѣмъ не менѣе дома она полная хозяйка. Въ свободное время она наряжается, курить, играетъ на бубнахъ. Домашняя одежда богатой персіянки немного похожа на нарядъ нашихъ танцовщицъ: длинные розовые чулки, рядъ короткихъ юбокъ и курточка, изъ ко-

Рис. 10. Зватная персіянка.

торой выглядываетъ тонкая шелковая сорочка. Волосы заплетены въ нѣсколько косичекъ. Выходя изъ дому, она надѣваетъ шелковыя темносинія шаровары и закутывается съ головы до ногъ въ темносиній или черный шелкъ—чадру. Для того, чтобы совсѣмъ закрыть свое лицо, она завѣшиваетъ его длиннымъ бѣлымъ кускомъ полотна. Одинъ конецъ его застегивается на затылкѣ за-

понками, а другой свободно висить до пояса. Для глазъ сдѣланы отверстія, затянутыя нитяной сѣткой. Въ этомъ нарядѣ всѣ женщины похожи другъ на друга и кажутся неуклюжими.

Не лучше живетъ и женамъ шаха. Всегда перекрытыя съ ногъ до головы чадрой, онѣ не имѣютъ права показаться на улицѣ. Если онѣ хотятъ отправиться въ городъ на прогулку, ихъ везутъ подъ строгимъ конвоемъ въ закрытыхъ каретахъ. Кареты окружены стражей изъ верховыхъ съ хлыстами въ рукахъ. Громкимъ окрикомъ предупреждаетъ она прохожихъ, мужчинъ, о томъ, что ѣдутъ царскія жены. Прохожіе обязаны, поравнявшись съ каретами, повернуться къ нимъ спиной. Въ случаѣ, если бы прохожій-магометанинъ этого не сдѣлалъ, его накажутъ сейчасъ же за его любопытство ударомъ хлыста.

Европейцу дозволяется не исполнять этого обычая. Никакихъ почестей не оказываютъ царской женѣ. Если случится ей войти въ покои шаха, то громкимъ окрикомъ предупреждаютъ заранѣе дворцовый караулъ о томъ, что идетъ жена шаха. Несмотря на то, что она закутана въ шелкъ съ ногъ до головы, караулъ обязанъ стать на колѣни, повернувшись къ ней спиной, чтобы ея не видѣть.

У шаха много женъ. Онѣ живутъ въ отдѣльномъ дворцѣ, въ которомъ каждой изъ нихъ отведены особые покои. Но ни одна изъ нихъ не называется государыней, царицей. Среди женъ у шаха есть любимицы. Какъ-то одна изъ нихъ заболѣла. Болѣзнь у нея была серьезная: ей грозила слѣпота. Нужно было немедленно сдѣлать операцію. Тогда шахъ рѣшился на дѣло, неслыханное въ Персіи: онъ отправилъ ее за границу къ извѣстному врачу-европейцу. До этихъ поръ ни одна изъ женъ шаха никогда не выѣзжала изъ Персіи. Но жена шаха пріѣхала уже слишкомъ поздно, — операцію сдѣлали, но она ей не помогла. Бѣдная женщина вернулась слѣпой.

Несмотря на свое затворничество, жены шаха поль-

зуются большимъ вліяніемъ и нерѣдко черезъ нихъ можно добиться у шаха какой-нибудь милости. Черезъ своихъ приближенныхъ жены сносятся съ просителями. Проситель обыкновенно присылаетъ женѣ шаха за труды подарокъ.

Итакъ, не только чиновники, духовенство, но даже и шахскія жены берутъ за свои труды подарки.

VI.

Персъ очень набоженъ. Свою молитву онъ творить пять разъ въ сутки. Что бы ни дѣлалъ персъ, онъ всегда призываетъ на себя благословеніе Божіе. Даже и гостя просятъ войти въ домъ именемъ Бога.

Каждый персъ мечтаетъ о томъ, чтобы замолить свои грѣхи и копить деньги для паломничества *). У персовъ много святынь, но главныя изъ нихъ слѣдующія: городъ Мешедъ, городъ Кербела, городъ Неджефъ и, наконецъ, Мекка.

Мешедъ находится на сѣверо-востокѣ Персіи. Здѣсь покоится прахъ шиитскаго святого, имама Ризы. Имамъ Риза принадлежитъ къ потомкамъ Алія, подвергся гоненіямъ и былъ, какъ полагають, измѣннически отравленъ.

Длинные караваны не только везутъ сюда богомольцевъ, но и трупы благочестивыхъ персовъ, которые хотятъ быть погребены въ Мешедѣ, чтобы потомъ вмѣстѣ съ имамомъ Ризой вознестись на небо.

Мечеть, въ которой находится гробница святого, украшена золотыми куполами и выложена цвѣтными изразцами. Мечеть отгорожена отъ всего города мѣдной цѣпью. За эту цѣпь не смѣетъ ступить ни одинъ невѣрный (не мусульманинъ). Преступникъ, перешагнувшій эту цѣпь, считается спасеннымъ отъ судебного пре-

*) Т.-е. посѣщенія святыхъ мѣстъ.

слѣдованія. Его охраняетъ, какъ своего гостя, имамъ Риза. Животное, переступившее за эту цѣпь, принадлежитъ отнынѣ имаму Ризѣ или, вѣрнѣе, его священнослужителямъ.

Еще болѣе важной шиитской святыней считается Кербела. Онъ находится не въ самой Персіи, а къ западу отъ нея, въ турецкихъ владѣніяхъ.

Окруженный болотами, городъ Кербела защищенъ отъ вредныхъ испареній густыми пальмами.

Въ Кербелѣ покойся прахъ обезглавленнаго Гусейна. И въ городъ Кербелу поклониться святой гробницѣ отправляются не только живые, но и мертвые. Длиннѣйшіе караваны со всѣхъ концовъ Персіи везутъ сюда покойниковъ, чтобы похоронить ихъ въ святомъ городѣ. Конечно, это по большей части трупы богатыхъ людей, потому что перевозка эта обходится очень дорого. Эти караваны, везущіе по жарѣ разлагающіеся трупы, заражаютъ воздухъ и дѣлаютъ его очень вреднымъ.

Поэтому-то чума является здѣсь частой гостьей. Можно вполнѣ справедливо сказать, что въ Кербелѣ больше мертвыхъ, чѣмъ живыхъ. Въ серединѣ города находится огромное кладбище. Нѣтъ такого мѣстечка и въ самомъ городѣ, гдѣ бы не лежалъ покойникъ.

Земля Кербелы тоже считается суевѣрнымъ народомъ святой. Изъ нея даже готовятъ пилюли, которыя разсылаются по всей Персіи. Пилюли эти будто помогаютъ отъ всѣхъ болѣзней. Недалеко отъ Кербелы находится городъ Неджефъ. Богомолецъ-шиитъ непременно зайдетъ и въ этотъ городъ. Здѣсь въ высокой мечети находится святая для всѣхъ шиитовъ гробница халифа Алія.

Перечисленные нами святыни—шиитскія. Побывавшій въ Мешедѣ персъ получаетъ почетное названіе „мешеди“, посѣтившій Кербелу — „кербелаи“, но самое почетное имя паломникъ получить тогда, когда помолится въ Меккѣ. Побывавъ въ Меккѣ, паломникъ на-

зывается отнынѣ хаджи, т.-е. богомолецъ. Персѣ очень гордится этимъ названіемъ.

Мекка, какъ было упомянуто, находится въ Аравіи, къ западу отъ Персіи. Ея святыня Кааба одинаково дорога и шіитамъ и суннитамъ.

Длинное путешествіе приходится совершить персѣ, пока онъ доберется до Мекки. Чаще всего персѣ ѣдетъ черезъ весь Кавказъ до Чернаго моря. А затѣмъ пароходомъ по морямъ до Африки и отсюда только переправляется въ Аравію. Но и по Аравіи ему еще предстоитъ долгій путь. Здѣсь нѣтъ желѣзной дороги. Медленно плетутся богомольцы, изнемогая отъ зноя, подвергаясь лишеніямъ. Болѣе слабые не выносятъ этой утомительной дороги, тяжело заболѣваютъ и иногда даже умираютъ. А тутъ еще, благодаря зною и отсутствію хорошей чистой воды, начинается чума.

Но богомольцы ничего не боятся. Даже и смерть ихъ не пугаетъ. Они думаютъ, что смерть на пути къ Меккѣ является доброй примѣтой: умершему въ дорогѣ простится больше, нежели тому, кто остался дома.

Денегъ своихъ персѣ, всегда бережливый, не жалѣетъ теперь: отъ бесплатнаго проѣзда на пароходѣ богомолецъ, скопившій на дорогу деньги, откажется наотрѣзъ. «Ты что же думаешь, что я на Бога деньги жалѣю?!—скажетъ онъ обиженнымъ голосомъ. — Чѣмъ труднѣе достанется мнѣ это паломничество, тѣмъ больше грѣховъ проститъ мнѣ за это Господь!..»

Но зато всякій персѣ, остающійся почему-либо дома, считаетъ своимъ священнымъ долгомъ помочь богомольцу, если только послѣдній бѣденъ и ему не на что ѣхать. Это—обязанность всякаго хорошаго, истиннаго мусульманина.

Съ разныхъ концовъ земли тянутся къ Меккѣ караваны богомольцевъ... На послѣдней остановкѣ паломники сбрасываютъ свои будничныя платья и облачаются въ бѣлыя, длинныя сорочки, и въ такой легкой одеждѣ они вступаютъ въ Мекку.

Главная мусульманская святыня Кааба находится во дворѣ, окруженномъ рядомъ низкихъ строеній, на которыхъ поднимаются невысокіе куполы. Кааба—четыреугольное плоское сооруженіе вышиной аршинъ въ 17-ть. Серебряныя двери ведутъ вглубь святыни. А возлѣ этихъ серебряныхъ дверей въ наружную стѣну вдѣланъ черный камень. Онъ уже такъ ветхъ, что осыпается, и его съ трудомъ сдерживаетъ серебряный обручъ, прилаженный затѣмъ, чтобы какъ-нибудь охранить этотъ камень отъ разрушенія. Вся Кааба перекрыта чернымъ шелкомъ. Это покрывало — подарокъ турецкаго султана (какъ извѣстно, турки—мусульмане-сунниты). Покрывало часто колеблется отъ вѣтра. Но правовѣрные думаютъ, что это не вѣтеръ, а ангелы, сонмами рѣющие вокругъ Каабы, своими крыльями за дѣваютъ этотъ шелкъ...

Во дворѣ же находится источникъ Земъ-Земъ, который будто бы ударилъ изъ земли, чтобы напоить Агарь и Исмала. Вода Земъ-Земъ, на вкусъ солоноватая, считается всѣми мусульманами святой и цѣлебной.

Толпы богомольцевъ заполняютъ весь дворъ Каабы. Съ высокихъ каедръ мусульманскіе проповѣдники поучаютъ народъ, и всѣ паломники, творя громко молитвы, семь разъ обходятъ Каабу, прикладываясь каждый разъ къ черному камню. Народъ доходитъ до такого религіознаго изступленія, что нѣкоторые безумцы тутъ же лишаютъ себя зрѣнія только затѣмъ, чтобы ничего никогда не видѣть послѣ Каабы...

Помолившись у святыни Каабы, паломники отправляются за городъ на священный холмъ, приносятъ благодареніе Богу, и когда проповѣдникъ, воздѣвая къ небу руки, призываетъ на нихъ благословеніе Бога,— всѣ, какъ одинъ человекъ, восклицаютъ: „Мы отдаемъ въ Твои руки, Господь“!.. И затѣмъ всѣ, сломя голову, бѣгутъ внизъ съ холма.

Помолившись у этого холма еще и утромъ на зарѣ, паломники отправляются въ обратный путь.

По обычаю, каждый паломникъ, минуя одно ущелье, бросаетъ на землю камень. Это бросаніе камней иносказательно изображаетъ будущее избіеніе дьявола на землѣ...

Принеся Богу жертву (т.-е. попросту, зарѣзавъ ягненокъ или какое-либо другое животное), паломники отправляются домой.

Паломничество совершаютъ не только мужчины, но и женщины-мусульманки. Хотя женщинѣ, конечно, куда труднѣе совершить такой путь!..

Но такъ какъ не всякій можетъ себѣ позволить такое трудное путешествіе, то персы, чтобы замолить свои грѣхи, стараются у себя дома чтить коранъ, свято соблюдать посты, праздники. Главный праздникъ — Байрамъ, праздникъ закланія жертвы, въ память жертвоприношенія Авраама. Въ этотъ день самый бѣдный персъ долженъ собственноручно по крайней мѣрѣ зарѣзать цыпленка.

Шаху же полагается заколоть верблюда. Но въ дѣйствительности не шахъ, а другой человѣкъ, который въ этотъ день величается княземъ, копьемъ закалываетъ верблюда. Зрѣлище отвратительное! Обыкновенно раненый однимъ ударомъ копья, но не убитый, верблюдъ падаетъ на колѣни, жалобно крича. Народъ, по невѣжеству, считая его мясо цѣлебнымъ, разрываетъ раненое животное на куски. А копьеносецъ съ кускомъ мяса на копѣѣ отправляется къ шаху и получаетъ отъ него въ подарокъ шаль.

Другой важный праздникъ у персовъ — Новый годъ. Онъ празднуется въ мартѣ. Въ этотъ праздникъ почтенный старикъ изъ народа удостоивается бесѣды съ шахомъ.

Народъ толпится возлѣ дворца. Наконецъ, слуги кричатъ: „вниманіе!“ Затѣмъ раздается команда „смирно!“. Музыка играетъ, солдаты берутъ на караулъ — и на террасу выходитъ шахъ. Онъ весь осыпанъ брилліантами, а на его высокой шапкѣ, какъ жаръ, горитъ брил-

ліантовое перо. Шаху всѣ низко кланяются. Онъ никому не отвѣчаетъ. Медленно подойдя къ трону, шахъ садится съ ногами на подушку, унизанную жемчугомъ. По бокамъ трона садятся 6 оруженосцевъ. Музыка умолкаетъ. Становится тихо...

— Поздравляю!—громко и внятно говоритъ шахъ...

Всѣ кланяются низко. И затѣмъ шахъ вступаетъ въ разговоръ со старикомъ, который стоитъ у террасы.

Шахъ милостиво спрашиваетъ его о томъ, какъ живетъ народу. Опираясь на свою высокую палку, стоитъ передъ шахомъ старикъ. Смотритъ онъ на него глазами, много видѣвшими на своемъ вѣку, и льется его плавная рѣчь. Но неправду говоритъ шаху старикъ: говоритъ онъ, что народъ благоденствуетъ, всего у него будто бы вдоволь: и хлѣба, и денегъ, и добра всякаго; хорошо живетъ народу! Ничего онъ не проситъ у своего шаха, ничего ему больше не надо... Молитъ онъ только Бога, чтобы Богъ продлилъ жизнь персидскаго государя, подъ мудрымъ правленіемъ котораго такъ хорошо живетъ народу!..

И шахъ всему вѣритъ. Пріятно ему слышать подобную рѣчь. Боится старикъ говорить правду. А если бы и сказалъ онъ правду, шахъ бы очень разгнѣвался. Плохо пришлось бы доносчику. А народу не стало бы лучше; придворные убѣдили бы шаха, что старикъ его обманулъ.

Старикъ кончилъ... Шаху подають особый приборъ для куренія—„наргилэ“ и чашку кофе. Прихлебывая кофе и покуривая наргилэ, шахъ слушаетъ стихи поэта, которому старикъ уступаетъ теперь свое мѣсто. Поэтъ въ стихахъ прославляетъ шаха и, какъ только называетъ по имени своего государя, всѣ присутствующіе низко кланяются. Наконецъ, шахъ встаетъ и медленно удаляется во внутренніе покои.

А всѣмъ присутствовавшимъ раздаются мелкія серебряныя деньги, нарочно приготовленные для этого на подносахъ.

Въ дни, посвященные памяти Алія, Гусейна и ихъ родственниковъ, женщины и мужчины одѣваются въ черное, и на нѣкоторыхъ домахъ въ знакъ траура вывѣшиваютъ черные флаги.

Въ деревняхъ и въ городахъ устраиваются религіозныя представленія. Расскажу объ одномъ изъ нихъ въ гор. Тегеранѣ. Представленія, изображающія событія изъ жизни Гусейна, длятся 10 дней; актеры играютъ два раза въ день: послѣ полудня, а затѣмъ вечеромъ.

Зданіе, гдѣ даются представленія, велико. Въ немъ устроены закрытыя ложи для знатныхъ женщинъ, простой народъ помѣщается внизу, на каменномъ полу; иной самъ себѣ изъ дому приноситъ скамеечку.

Всѣ женскія роли исполняютъ переодѣтые мужчины, которые нарочно говорятъ тонкими голосами. Суфлеровъ нѣтъ, а потому нѣкоторые актеры выходятъ со свитками въ рукахъ и съ нихъ считываютъ свою роль.

Въ самомъ зданіи, убранномъ шалями, зеркалами, фонарями, кромѣ сцены, находится и каѳедра. Съ этой каѳедры проповѣдникъ рассказываетъ народу еще до представленія о несчастіяхъ Гусейна...

Затѣмъ на сценѣ появляются сначала пѣвцы, въ стихахъ прославляющіе царствующаго шаха. Послѣ этого съ траурнымъ знаменемъ Алія идутъ шахскіе слуги, ударяя себя въ знакъ горести въ грудь, и, напившись сладкаго питья—шербета, поголосивъ, уходятъ. За ними идутъ чины артиллеріи, тоже со знаменемъ Алія. За этими слѣдуютъ арабы съ полосатыми платками на головѣ... И такъ далѣе, всѣхъ не перечесть. Всѣ эти люди, обойдя три раза сцену, поплакавъ, напившись шербета, уходятъ.

Это какъ бы прологъ.

Но вотъ начинается само представленіе. Всѣ актеры сразу показываются публикѣ. Впереди въ военной формѣ идетъ, играя, шахскій духовой оркестръ. За

нимъ слѣдуютъ по два въ рядъ водоносы съ кожаными мѣшками для воды на плечахъ. Потомъ благочестивые люди въ бѣлыхъ одеждахъ, рѣшившіеся пролить свою кровь за Гусейна. За ними на богатоукрашенныхъ коняхъ ѣдетъ Іезидъ, врагъ Гусейна, и полководецъ Шамръ, убійца Гусейна.

При видѣ ихъ публика приходитъ въ ярость и начинается осыпать ихъ громкой бранью.

Затѣмъ шествуетъ еще много людей: воины, жены, дѣти... На красивыхъ коняхъ выѣзжаютъ двое юношей: одинъ сынъ Гасана, другой сынъ Гусейна. И, наконецъ, послѣднимъ на самомъ лучшемъ конѣ, въ бѣломъ халатѣ и въ зеленомъ тюрбанѣ на головѣ, ѣдетъ имамъ Гусейнъ.

Въ публикѣ раздаются рыданія: „О, Гусейнъ! О, Гусейнъ! Несчастный Гусейнъ!..“

Объѣхавъ всю сцену, актеры удаляются. Начинается первое дѣйствіе. Самое представленіе изображаетъ страданіе семьи Гусейна въ безводной пустынѣ, стычки съ врагами, смерть доблестныхъ воиновъ... Появляются ангелы, ободряютъ во время сна Гусейна и его родственниковъ.

Но по мѣрѣ того, какъ продолжается представленіе, всѣ друзья Гусейна и его родные погибаютъ одинъ за другимъ въ бою, свершивъ удивительные подвиги... Вотъ воинъ Абассъ взялся отбить у непріятеля воду, такъ какъ станъ Гусейна умираетъ отъ жажды... Преданіе рассказываетъ, что когда Абассъ набралъ полный кожаный мѣшокъ воды, его настигли враги. Абассу отрубили правую руку, онъ, отбиваясь, схватилъ мѣшокъ въ лѣвую руку, но и лѣвую руку отрубили ему враги. Тогда, сопротивляясь все-таки, Абассъ схватилъ въ зубы мѣшокъ и добрался-таки до стана Гусейна... Здѣсь Абассъ упалъ, истекая кровью, и умеръ... Правда, всего этого не изображаютъ на сценѣ, но зрители, зная преданье, сами догадываются о томъ, что произошло, когда Абасса вносятъ мертвымъ.

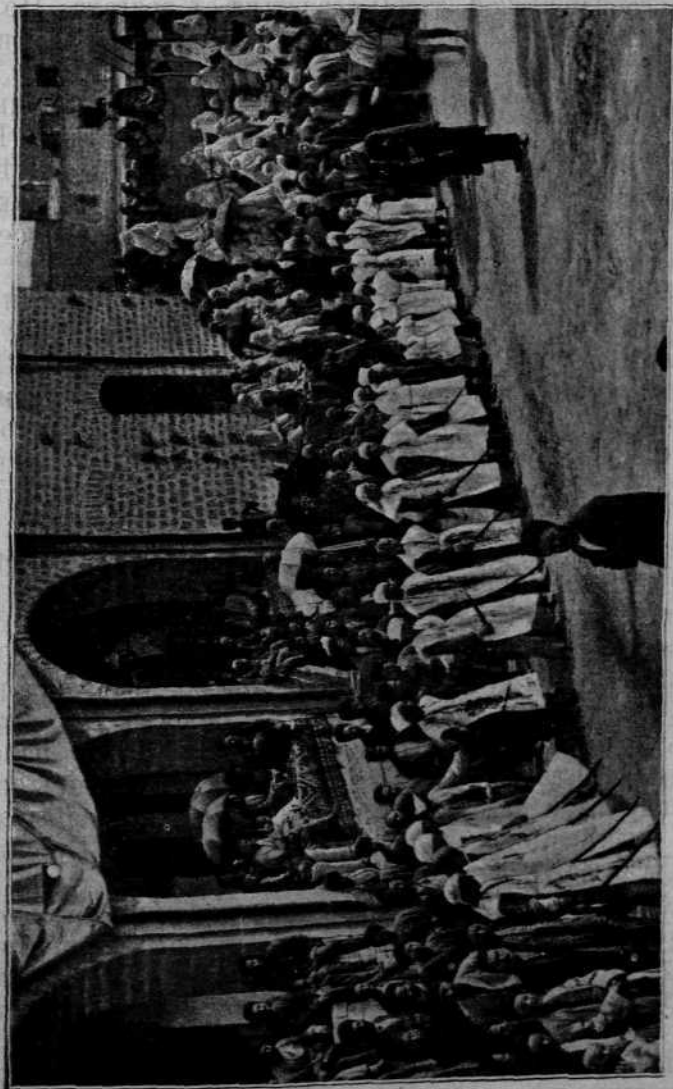

Рис. 11. Самоистязатели.

А вотъ доблестный Казимъ, сынъ Гасана, разстается со своей невѣстой, чтобы сразиться съ врагомъ. Но—увы!—храбраго Казима убиваютъ на полѣ брани и невѣстѣ приносятъ его трупъ...

Но самое ужасное происходитъ въ концѣ. Всѣ воины пали: ведутъ женъ и дѣтей, взятыхъ въ плѣнъ. На верблюдахъ подъ строгимъ конвоемъ ѣдетъ осиротѣвшая семья Гусейна, идутъ связанные рабы и, наконецъ, на длинномъ копѣ несутъ голову самого Гусейна, а на другихъ копьяхъ—головы его близкихъ...

Въ публикѣ раздаются раздирающіе душу вопли и проклятія врагамъ.

Наконецъ, на десятый день персы собираются и, распѣвая стихи въ честь Гусейна, рѣшаются пролить за него кровь. Въ бѣлыхъ одеждахъ, безъ шапокъ они наносятъ себѣ въ его честь удары по лбу кинжаломъ. Алая кровь течетъ по ихъ лицамъ... Толпѣ уже тѣсно. Возбужденная, взволнованная, она валитъ по всѣмъ улицамъ, разбиваясь на нѣсколько шествій. Горе, если эти шествія невзначай столкнутся: ни одно не уступитъ другому дороги, и произойдетъ рѣзня.

Съ музыкой идутъ эти шествія. Играютъ дудки, глухо, нестройно звучитъ барабанъ. Каждая процессія несетъ зеленое знамя пророка на длинной палкѣ, деревянную руку Абасса, на носилкахъ разубранную палатку воина Казима... Изступленный народъ бичуетъ себя цѣпиями, рѣжетъ кинжалами лбы, и громкій, надрывающій плачъ стоитъ надъ всѣмъ городомъ: „О, Гусейнъ! О, Гасанъ!“

Ночь наступаетъ, и вопль дикій, напоминающій вой, все звучитъ и не даетъ спать серьезнымъ, начитаннымъ мусульманамъ. Они не одобряютъ этихъ дикихъ шествій и рѣзни. Строго сжавъ губы, такой начитанный мусульманинъ скажетъ: „Развѣ Магометъ позволилъ намъ такъ выражать печаль?... Вѣдь онъ запретилъ даже громко плакать“, и съ презрѣніемъ отвернется онъ отъ этой дикой, невѣжественной толпы.

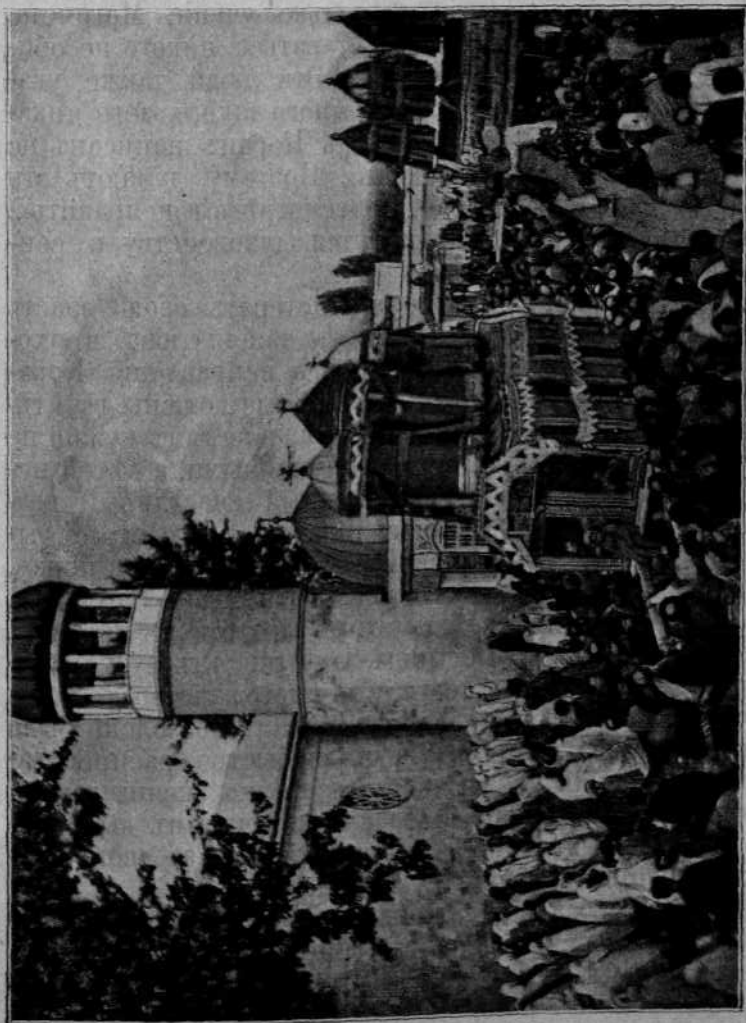

Рис. 12. Религиозная процессия.

Среди умныхъ, образованныхъ персовъ давно уже находятся и такіе, которые говорятъ, что надо соблюдать не обряды религіи, а только ученіе Магомета, т.-е. заботиться о ближнихъ, стараться никого не обижать, дѣлиться съ бѣднякомъ. Эти люди также указываютъ, что въ Коранѣ есть много такого, чего никогда не говорилъ Магометъ. Вѣдь Коранъ написанъ не Магометомъ, а его учениками... Поэтому, думаютъ эти люди, Коранъ слѣдовало бы пересмотрѣть и исправить... Такія смѣлыя рѣчи не нравятся духовенству и сеидамъ. *)

Духовенство и сеиды боятся потерять свою власть надъ народомъ. Но зато многимъ такія слова приходятъ по душѣ, потому что, кромѣ исправленія Корана, говорится еще и о томъ, что богатые должны дѣлиться своимъ избыткомъ съ бѣдными, властямъ нужно не быть жестокими со своими подчиненными, а дѣтей нехорошо обижать: вѣдь единственный счастливый возрастъ—это дѣтство. Проповѣдникомъ всего этого выступилъ въ первой половинѣ XIX вѣка одинъ персъ, умный и краснорѣчивый. Онъ называлъ себя—Бабъ, т.-е. ворота, подразумѣвая подъ этимъ „ворота къ истинѣ“. Кромѣ того, Бабъ выступилъ защитникомъ мусульманскихъ женщинъ. Онъ осуждалъ многоженство, разводъ и требовалъ, чтобы всѣмъ женщинамъ позволено было открыть лица. Ученіе Баба стало быстро распространяться, примкнули къ нему особенно женщины. А проповѣдницей ученія Баба среди женщинъ выступила смѣлая, умная персіянка, прозванная за свою красоту „золотая корона“, „утѣшеніе глазъ“.

Цѣлые города перешли на сторону Баба. А послѣдователи Баба, назвавшіеся бабистами, старались жить у себя, какъ училъ ихъ Бабъ: дѣлясь съ бѣднымъ

*) Сеидами называются потомки Магомета по женской линіи; какъ извѣстно, у Магомета было много дочерей. Потомки Магомета, число которыхъ очень велико, носятъ въ отличіе отъ другихъ мусульманъ зеленый поясъ и синюю или зеленую чалму.

своимъ достаткомъ, не обирая слабаго, оказывая почтеніе женщинамъ, открывшимъ теперь свои лица...

Ни о какой власти не мечталъ для себя Бабъ. Онъ только училъ. А рѣчь его была такъ красива, такъ задушевна, что слушатели сейчасъ же переходили на его сторону. И самъ онъ былъ такъ добръ, обходителенъ и простъ, что его всѣ любили. А про его обаятельность сложилось такое изреченіе: „Стоить Бабу подарить кому — нибудь финикъ — и этотъ человѣкъ уже преданъ ему и душой и тѣломъ“.

Всеполошилось тутъ духовенство, сеиды, страшась этого новаго ученія, которое быстро распространялось.

Схватили Баба и связаннаго привели къ самому шаху, потому что даже и шаху было любопытно взглянуть на этого новаго учителя. Но шахъ ничего не сдѣлалъ Бабу. Поговоривъ съ нимъ, шахъ обратился къ приближеннымъ со словами Корана: „Любо очамъ моимъ видѣть, какъ съ этого человѣка упадутъ оковы!“.

Развязали сейчасъ Баба и отпустили съ миромъ домой... А Бабъ, вернувшись, продолжалъ учить...

Но духовенство все болѣе возмущалось, подвергало бабистовъ всякимъ притѣсненіямъ... Наконецъ, бабистамъ стало невтерпежъ, и они возстали...

Тогда шаху доложили, что бунтовщики стремятся разрушить все государственное устройство. Шахъ уже не былъ милостивъ, какъ прежде; онъ сильно разгнѣвался, двинулъ на нихъ войска... Зачинщики были всѣ до одного казнены. Казнили и самого Баба...

Но этимъ не кончилось. Смерть учителя произвела потрясающее впечатлѣніе на бабистовъ.

Двое бабистовъ рѣшили отомстить шаху за эту казнь. Они неудачно покушались на жизнь самого шаха.

И шахъ еще болѣе увѣровалъ въ то, что ученіе Баба направлено противъ государства и даже противъ него самого... Онъ совершенно разсвирѣпѣлъ... И всѣ города бабистовъ были, по его повелѣнію, сожжены, а бабисты съ женами и дѣтьми преданы мучительнымъ

казнямъ. Это и были тѣ мятежники, которыхъ казнили, какъ уже рассказывалось, приближенные шаха.

Но бабисты мужественно вытерпѣли пытки, только самые слабые изъ нихъ пѣли: „Мы отъ Бога и теперь къ Нему возвращаемся!“...

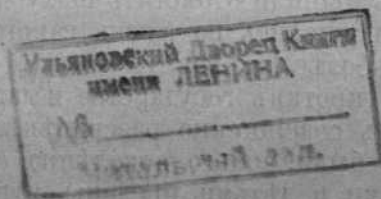
Теперь ничего не слышно о бабистахъ. Но, навѣрное, благородное ученіе Баба не вполне заглохло, и въ Персіи есть люди, исповѣдующіе его въ глубинѣ души. И тлѣетъ это ученіе, какъ искра, въ Персіи...

Вспоминаютъ Баба и обездоленные, запертыя женщины, и бѣдняки, притѣсняемые богатыми, и страдающіе отъ жестокаго обращенія властей подчиненные.

А тутъ въ Персію стучится со всѣхъ сторонъ европейское просвѣщеніе, которое идетъ къ ней съ сѣвера изъ Россіи и съ юга изъ Англіи...

Но туго поддается Персія, крѣпко держится она своей отжившей старины, не хочетъ она разставаться со своими обычаями.

Трудно сказать, что ждетъ Персію въ будущемъ!

Къ ноябрю 1903 г. поступили въ продажу:

Будда, его жизнь и ученіе. Составилъ Платонъ Лебедевъ. Ц. 10 коп.

Страна пирамидъ (Египетъ). Составила М. Мельгунова. Ц. 10 коп.

Въ римскомъ циркѣ. Составила Е. Мельгунова. Ц. 8 к.

Печатаются и вскорѣ поступятъ въ продажу:

Когда и какъ стала Волга русскою рѣкой. М. Черняевой.

Владиміръ Мономахъ и его время. М. Молчанова.

Картины изъ жизни аѳинскаго государства въ V вѣкѣ. Составила Т. Алабина.

Складъ въ книжномъ магазинѣ

„Трудъ“.

Москва, Тверская улица